

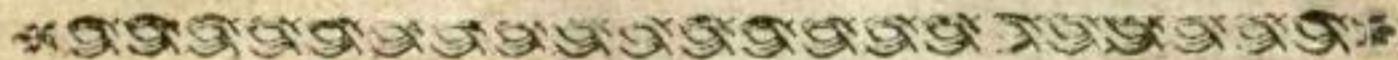

НЕВИННОЕ УПРАЖНЕНИЕ.

Мѣсяцъ Генварь.

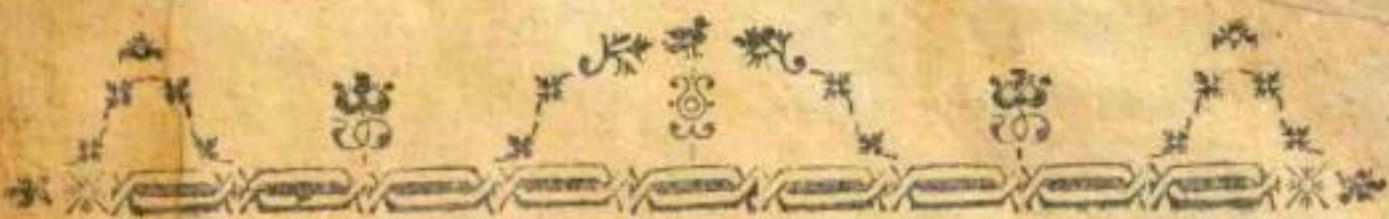

44490

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Универ-
ситетѣ 1763. года.

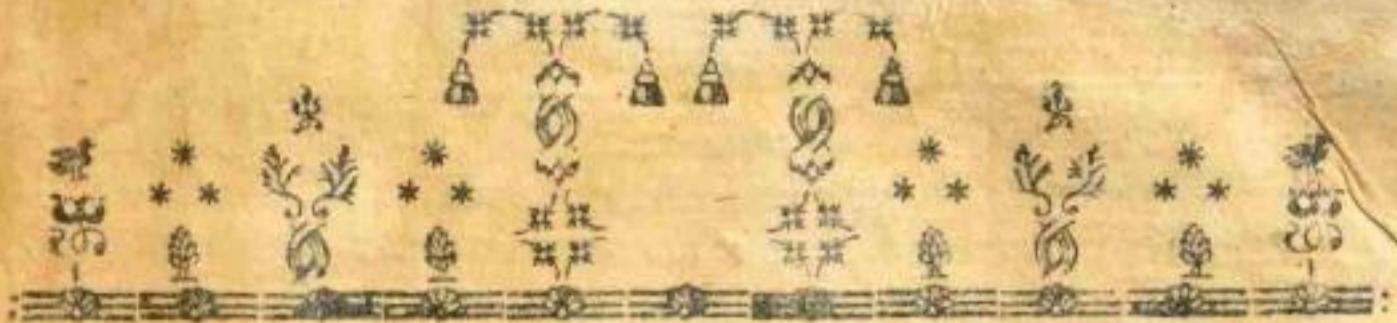
ПИСЬМО КЪ ЧИТАТЕЛЮ!

Некоторые молодые Авторы, при поступлении споемъ въ письменную республику, изнаняются въ способ логрѣшенияхъ передъ читателями, и просятъ Критиковъ о пощадѣ, предлагаю, что начальные сочиненія не могутъ быть столь исправны, какъ послѣдующія. Но мы будучи въ таковыхъ же нынѣ обстоятельствахъ, напротивъ того несъхъ пасъ, благосклонные читатели, просямъ, чтобъ какъ можно болѣе насъ критиковать и осмѣхаться, только бѣдъ Критика была спрѣдѣлиа и осмѣянїе разумно. Мы утаимъ споры имена, станемъ въ послѣднемъ памъ подражать, а отъ первого исправляться. Однако же думайте, любезные читатели, чтобъ насъ по-пое страхъ Критики понудилъ утаить, кто мы: Нѣтъ, въ насъ больше самолюбія, нежелибы мы могли предуказать, что наше изданіе дѣйстителыно достой-

но предосуждения ; и мы смеючися съ
вами, можетъ быть станемъ памъ смы-
яться , прилипая паше охуление и ног-
да пашей праздности , а иногда и за-
писти .

Всякъ знаетъ , что нѣтъ ни одного
сочиненія , которое бы изъ той или дру-
гой мѣни не принсило читателямъ пользы ,
лишь бы сочинено было разумно . Всякой
читатель догадаться можетъ , къ чему
тутъ слопо , разумно , сказано : есть ли
же кто не догадается , то тѣмъ для
него хуже ; а мы безъ дальніаго такому
изѣясненія , только по заключеніе ска-
жемъ , что наше сочиненіе есть омѣше-
ніе забавнаго съ полезнымъ ; съ чѣмъ
мы его и поѣхѣ нашихъ читателей до-
брожелательные слуги .

Рѣчъ о равенствѣ состояній.

ПЕРЕВОДЪ.

О! мудрый Аристонъ, взираешь ты безстрастно
На гордость пышную, на варварство ужасно:
Твои глаза твой отнюдь вонице не лгутъ,
Сей свѣтъ есть зборница, гдѣ дураки живутъ.
Вѣнчаны сѣйшють себѣ и инакъ величающи,
И мнѧщи, чѣмъ шѣхомъ шѣхъ родъ подлый прикрывающи.
Тревожишъ щедро насъ вѣнчаны гнусна суевія.
Всѣ смершные разны, лишь вѣ маскахъ разноша.
Не совершенныя пять чувствъ, чѣмъ получаемъ,
Добру и злу вѣ себѣ и хѣ мѣрой обрѣщаемъ;
Вѣ Царь ли онъхъ шестъ? шѣхъ лѣ и душа ихъ
Инова существа? друга лѣ свойства вѣ нихъ?
Изъ бренья равнаго жизнь смершны получающи,
Равно и дѣлство всѣ вѣ недугахъ провождающи.
Бѣашъ кво, иль убогъ, вѣ знаши лѣ кѣо жиць ведашъ,
Изъ огорченїя ко смерти всякъ идетъ.
Мнѣ скажутъ на сїе: ахъ! какъ ты заблуждаешь,
Ты вѣ состоянїяхъ равенство полагаешь;
Иль мнишь, чѣмъ всѣхъ судьба привела рано?
Простая лѣ женщина съ Кнагинею одно,
Котора при дворѣ вѣ почтенїи бываешъ?
И не ушѣшишъ лѣ монахъ, какъ прикрывающъ

* * *

Арлере́йскою лобъ шапкою когда ,
Чымъ въ драпомъ рубицъ ходить ему всегда ,
Изъ церкви вышедши , съ водой хлѣбъ получали ,
На камни на доскѣ всѣ ночи провождали ?
И нещастливѣль въ падашахъ кто живетъ
Того , коморой жизнь въ простой изѣбѣ влечеть ?
Конечно иѣшь ; равно насть Богъ всѣхъ одѣляетъ ,
Онъ натрахдая насть , разенство наблюдаешь .
Премудро естество разно свой даръ дѣлишъ ,
И равновѣсие порадомпо хранитъ .
Иль думаюшъ , чио здѣсь судьба не раздѣляетъ ,
Благополучіе лишь съ щастіемъ мѣшаєшъ ?
Фелдъмаршалу судьба забавъ тѣхъ не даешъ ,
Въ кошорыхъ иногда Полковникъ дни ведеши .
Щастливымъ быти какъ Царь , простой народъ вѣдаешь :
Но кѣ щастію увы ! чио царство помогаетъ ?
Еще Владѣтель всякъ надѣлся на власпъ ,
Случается ему терпѣши скучну часину .
Хотъ временщикъ его съ трудомъ на мя взираетъ ,
Онъ тварь , гдѣ подлый духъ и гордость обишаешь .
Хотъ скорбю отягченъ , завидуютъ тебѣ :
Хвалу ругательство вдругъ слышишь о себѣ .
Скажи , чио въ Царскихъ ты черпогахъ обрѣтаешь ?
Злодѣевъ и льстецовъ лишь шамъ ты получаешь .

Какъ съ башенъ иѣкогда въ предлиныя трубы
Всѣ испытывали премудрые судѣбы ,
Наукой ухитрясь , на небеса взирали ,
Движенія планетъ подробно примѣчали ;
Тогда мужикъ вскричалъ : волжскъ прудъ щущенъ сихъ ,
Всѣ звѣзды свѣты даютъ для насъ , какъ и для нихъ ,
По справедливости намъ заключа не должно .
Тожъ самое сказать о щастіи возможно .
Простакъ , чио йскрою разсудка одаренъ ,
Въ деревнѣ живучи , кѣ нему такъ приближенъ ,
Какъ знамый дворянинъ въ невѣжствѣ обишаля ,
Угрюмый какъ мудрецъ ио описать желая .

Намъ говорятъ, сосудъ Пандорѣ данный здѣсь,
 Равенство истребилъ, но мы равны въ днесь.
 Намъ ирѣо равное дано, имѣть блаженство:
 Оно для насъ одно есть испинно равенство.
 Ты зришь ли жишелей живущихъ на поляхъ,
 Которые трудася съ лопатою въ рукахъ,
 Теченье рѣчныхъ водъ по волѣ оправдающъ,
 И нѣдра бодрствено земные разирающъ:
 Не шаковы они, какъ Фоншенель въ спихахъ
 Съ прѣятствію поетъ о нѣжныхъ пастухахъ.
 Съ подругой же Тирсисъ сидитъ подъ древесами,
 Съ головой увенчанной цвѣточными вѣнцами,
 Что имена свои сплещал по лѣсамъ,
 Прѣятіость придающъ забавамъ и трудамъ.
 Тумъ Сидоръ, Карпъ и Фролъ лице имѣя въ попѣ,
 Рукою сильною копающъ ровъ въ болотѣ.
 Агафья первая бывающъ на лугахъ:
 Я вижу ихъ въ пыли, во вседневныхъ трудахъ.
 На спуску зимнюю нимало не взирающъ,
 И лѣтніе жары подобно презирающъ.
 При всемъ при томъ, ихъ дни въ веселїи текутъ:
 Хоть въ грубыхъ голосахъ, да пѣски всѣ поютъ.
 За бѣдность, за труды, здоровье получающъ,
 Въ покой, въ сладкомъ снѣ всѣ ночи провождающъ.
 Фрола ничѣмъ Москва не можетъ ушѣшать:
 Забавы въ ней его удобны лишь смущашъ.
 Не чувствуя онъ ихъ, нимало не желаетъ;
 Онъ на лугѣ свои скорые поспѣшающъ,
 Любовь ему величъ въ лугѣ спѣшила такъ.
 Когда въ каретѣ что Маршновъ кроешъ лакъ.
 Домись къ красавицамъ ко многимъ разѣккающъ,
 По временамъ свою судьбу разполагающъ.
 Женою не любимъ своею никогда,
 Онъ и любовницей обманутъ завсегда.
 Еглею, что его любила, покидаетъ
 Для шой, котораіе его словъ не внимаетъ.

Не чувствуешь въ себѣ любви онъ прямой,
Кленяся многимъ вдругъ, не вѣренъ ни одной.
Онъ испытанныхъ забавъ въ жизнь никогда не внемлешъ,
Но счастолюбіе за оныя прѣемлешъ.
Фроль будучи вѣрный любовницѣ своей,
Спѣшишъ, дождавшияся, въ поля, весеннихъ дней.
Онъ безъ нее грустишъ и былъ въ несносной скукѣ,
И сердце сохранилъ ей и въ своей разлукѣ:
Въ подарокъ у него ей сихъ бездѣлокъ иѣшъ,
Что для обмана лишь въ долгъ Никласъ продаетъ.
Она безъ нихъ къ нему любви чистыи устремы:
Прѣмыхъ ушахъ въ нихъ иѣши, они лишь тѣнь забавы.

Орелъ подъ облака въ отважности паришъ,
Любви своей предметъ ища, туда спѣшишъ.
Подъ тѣнию волвъ древесъ, праву въ синѣ пожирая,
Спокойно самки ждешъ, въ веселіи рыкая.
По возвращаніи весны, прѣятый соловей
Подругу веселящъ одѣлъ пѣснию своей.
И изъ источниковъ водѣ моцка выдѣлаешьъ,
Съ воздушными шварьми свой шумъ соединяешьъ.
Довольны всѣ собой, крутишися ль кто изъ нихъ,
Что совершиніе есть шварей родъ другихъ?
Чѣмъ нужды миѣ? мои забавы то ль превознѣшъ,
Что щастливыхъ число судьбона въ сѣяхъ множишъ?
Но чѣмъ! иль смертныи сей, въ комъ сердце гладъ грызетъ,
Предметъ прегнусныи сей, мерзитъ копорымъ сѣянъ,
Трупъ смрадной на землѣ влачиши принужденной,
Что духъ оставленъ въ казнь, иль въ жизни онъ блаженной?
Конечно иѣшъ; иль Шахъ, что съ трона низведенъ,
Иль знаменитый господинъ, въ шюрму что посаженъ,
Иль свергненный Визирь по щастіи великому,
Блаженны могутъ бывть въ гонении юликомъ?
Здѣсь въ состояніи бываешъ каждомъ вредѣ,
И каждой человѣкѣ числу подверженъ будѣ.
Евъ войнѣ бѣ колъ былъ смѣляй, въ мирѣ, въ дерзости не вдавался,
Карлъ въ Англіи вѣ всегда владѣшлемъ оспался;

И Діофрени , когда б такъ злѣ не распоясалъ ,
Голодной авѣкъ кой онъ смертию не спрадалъ .
Ео свѣтъ все рѣвио , самъ дворъ въ трудахъ бывашъ ,
И хитрости свои война употребляеши ,
И церквовъ иногда войной гордъ разишъ .
Свѣтъ часто скромное доспоянство мрачишъ .
Хотъ злѣ всегда вездѣ бываетъ не премѣнио ,
Но и добро гездѣ живешъ обыкновенно .
Не старость съ юношью , богатство съ нищетой ,
Не знаниосьмь имени , не подый родъ виной ,
Коль кто въ нещастіи , иль вѣкѣ ведешъ блаженныи .

Въ старъ бѣдный Ирусъ былъ отъ всѣхъ сѣсты домъ презрѣнныи :
На гордость Крезову онъ въ горести взиралъ ,
И дерзостно въ словахъ прошивъ судьбы ропталъ :
Какое , говоришъ , величество , честь , слава !
Я спражду , Крезусу послѣдуешъ забава .
Въ то время , какъ сиа слова онъ говорилъ ,
Тиранна полкъ враговъ со всѣхъ странъ окружилъ .
Придворные льстивцы его вѣсъ оставляющъ ,
Его поиманна въ сковы заключающъ ;
Сокровищи дѣляющъ и похищающъ жояи .
Въ нещастіи плачуши , тогда увидѣлъ онъ ,
Что бѣдный Ирусъ въ тѣхъ часахъ для никъ смущенныхъ ,
Ни лѣ съ побѣдительми , забывъ о побѣжденныхъ .
О ! небо , коніетъ , О ! бѣдоносной рокѣ ,
Сколь Ирусъ преблаженъ ! лишь миѣ шы толь жестокѣ .
Въ нихъ ложна мысль была , и еѣ насть сиа подобно :
Но что судьбѣ другихъ зависивашъ намъ злоби .
Мы по наружности престанемъ разсуждать :
Сердца скрыты вѣсъ , не льза другихъ познать .
Обманчивъ смѣхъ и иѣтъ въ забавахъ совершенства .

Увы ! гдѣ же должно намъ искати днесь блаженства ?
Во всякомъ естествѣ , во всяки времена :
Нигдѣ все не живешъ , лишь нужна часинъ дана ;
Кромѣ его шпорца ни въ чёмъ вѣкѣ не бываешъ .

Подобно пламеню , чио тайно проницаєтъ
Въ стихія прочія умъреніемъ огнемъ ,
Касаєшся небесъ и дна своїмъ лучемъ .
Кораллы отъ него въ морскихъ пескахъ красибють ,
И ледъ лучи его зимой скрѣпленный грѣють .

Производя насъ въ свѣтъ премудро Божество ,
Желанье , разумъ , спрашивъ вложило въ естество ;
Пройшные часы , дни горестные дало .
Вотъ нашего бытъ не стройного начало !
Изъ нихъ вскѣ человѣкъ здѣсь состоитъ разно ,
И разнобѣсие въ насъ Богъ вложилъ одно .

ПЕРЕВОДЪ

I.

О ПОСТОЯНСТВѢ.

О тъ постиянства добродѣшель получаетъ вѣ-
нецъ славы. Оно бываетъ споль не поколе-
бимо, сколь каменная гора, о коюорую ярящіяся
сокрушаются вѣлны: оно оказываетъ въ своихъ
предпрѣятіяхъ твердость, кою ничто премѣнишь
не можетъ. По справедливости въ постиянствѣ
есть иѣчто божественное, шѣмъ что оно всегда
може, и не премлетъ на себя такъ какъ Хаме-
леонъ окружающихъ его видовъ. Оно євъ маломъ
представляетъ образъ вѣчности, и есть совер-
шенство добродѣшей, по тому что безъ него
ни вѣчнѣ доброго конца быть не можетъ. Предъ
нимъ злыя случаи теряютъ свою силу, по тому
что оно снеситъ напасши вѣ нашей жизни, не
безпокоясь оныхъ горестію. Оно есть вѣрной за-
логъ предбудущихъ благъ; ибо оно само соста-
вляетъ свое благополучіе. Оно не сожалѣшъ
о прошедшемъ, и не беспокоится о грядущемъ,
предвидя издалека будущее свое состояніе. Фор-
туна не имѣшъ надъ онымъ власти; и какіябы
ни могли быть удары рока, однако его оныя не
уязвляющъ, по тому что равенство духа его есть
щішъ. Оно не ужасаешся премѣны временъ, бу-
дучи коловратности не подвержено. Словомъ, зна-
меніе его есть: *Tarde, sed tandem.*

II.

О ВСЕГДАШНЕМЪ ПОВЕДЕНИИ
ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ.

Уничиженіе въ нещастіяхъ, а гордость въ благополучїи, происходяшъ отъ единаго источника, которой есть излишество чувственности духа, кой будучи нещастіями упѣсненъ, унижается, и уничиженіемъ старается подвигнуть другихъ къ сожалѣнию, какъ единственному только упѣшненію, коимъ онъ лѣститъся можетъ. Вмѣсто этого благополучіе надмеваетъ, и будучи подкрѣплено самолюбіемъ, споль свойственнымъ человѣку, представляетъ своему воображенію идеи первенства, заимствуемыя отъ Фортуны, коя его заставляетъ думать о себѣ, что онъ свыше другихъ. Первое показываетъ подлость, почтаемую свѣтомъ благоразуміемъ; а второе кажется дурачествомъ, хотя и именуютъ гордость временщика Фортунина, именемъ благородной величавости. Я ни одного, ни другаго не утверждаю, потому что когда перемѣняешь кшо взоръ и поступки свои согласно разнымъ приключеніямъ въ нашей жизни, означаетъ раболепство душѣ страстямъ своего сердца. Справедливая душа не склоняется ни къ одной, ни къ другой сторонѣ, и не можетъ колебаться ударами нещастія: не возгордится благополучіемъ, но останется всегда въ прородномъ своемъ состоянїи, будучи довольноувѣрена, что человѣкъ ничто иное какъ пѣнь, а жизнь наша сонное мечтаніе.

ЕРІХОН

ПЕРЕ-

ПЕРЕВОДЪ
НѢКОТОРЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ
ИЗЪ ОПЫТА
О ЕПИЧЕСКОМЪ СТИХОТВОРСТВѢ.

Во всякой наукѣ имѣемъ мы болѣе наставлений, нежели по имѣровѣ, по тому что всѣ спрашивая учишь, а не исполняшь; и для того бѣльша часть изѣяснителей, нежели Пинтозѣ. Многіе писатели будучи не въ сосѣдо нїи написать двухъ стиховъ, отягчающъ насъ цѣлыми сочиненіями о стихотворствѣ.

Между тѣмъ всѣ сїи раскащики ничего иного не произвели, какъ только лишь глуботайнимъ покрыли мракомъ тѣ вещи, кои сами собою ясны. Нѣдивно, что таковые законодавцы, будучи слабы понесли по бремя, кое они на себя наложили, наполнили смущеніями и мятежами Государства, которымъ они мнили давать законы.

бѣльша часть Крипиковъ почерпнули основанія Поэзїи Епической изъ книгъ Гомеровыхъ, слѣдуя обычаю, или лучше сказать, слѣдуя слабости человѣческой, прѣемлющей обыкновенно начало какой нибудь науки за правило той самой науки, довольно не разсудительны себя увѣрить, что всякая вещь должна быть въ своей сущей настурѣ, такъ же какъ въ то время, когда она была изобрѣтена. Но какъ Гомеръ сочинилъ лѣ Поэмы разнаго рода, и какъ Энеида содержитъ въ себѣ нѣсколько изъ Илїады и изъ Одиссеи: то изѣяснители принуждены были постановить правила, соглашая Гомера съ самимъ собою, и вымыслись другія, чтобы согласить такъ Виргиля съ Пинтою Греческимъ, подобно какъ Аспирономъ,

мы,

мы, кои, чѣобъ соорудить свои системы, принуждены иногда разширяться, или нѣчто и оправдывать, соображая свои правила съ общимъ понятіемъ.

Ничто столь не извинительно, какъ незнаніе Астрономовъ, и ничто столь не похвально, какъ изысканія ихъ о не проницательной системѣ естества, для того что онаго начала не премѣнны, и столько достойны нашего познанія, сколь отдалены отъ нашего понятія.

Пѣснь Эпическая должна рождаться отъ разсудка, а украшается вымыслами и воображеніями.

Что подлежишъ здравому разсужденію, то свойственно вѣмъ народамъ. Греки, Римляне, Италіанцы, Французы, Агличане и Гиппанцы сказываютъ намъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, что вѣ началъ взыскивающъ они единственнаго дѣйствія; ибо понятіе чувствительнѣйшее находишъ услажденіе, когда взираютъ на одинъ предметъ, и легче постигаєтъ его, нежели оныхъ смѣшеніе.

Они намъ говорятъ: сїя единственность должна состоять вѣ различіяхъ, какъ пѣло состоявшее изъ разныхъ членовъ, которые однакожъ служатъ всѣ къ равной единственности. Они прибавляютъ, что дѣйствіе должно быть величественно, чѣобъ привлечь насъ къ почтенію приящательно, для того что мы находимъ утѣшеніе вѣ томъ, что насъ трогаетъ и приводитъ вѣ движеніе; совершенно, чѣобъ не было недостатка ко удовольствію нашего разума.

Сїи наставленія и другія симъ подобныя нѣкоторымъ образомъ суть не премѣнныя правила, которыми подвержены всѣ народы; ибо само естество

специо ихъ назначило. Но Епизоды, удивительные приключенія, самой слогъ, и все, что рождається отъ обычая, или отъ того, что называютъ *вкусомъ*, раздѣляетъ склонности; и нѣтъ на нихъ ни одного основаннаго правила.

Правда, есть шакія украшенія, которыя нравятся всѣмъ народамъ. Вся Европа принимаетъ нѣкоторыхъ Авторовъ въ примѣръ. Гомеръ и Демосѳенъ, Виргилій и Цицеронъ соединили, такъ, сказать, подъ свои законы всѣ народы, которыя ихъ знаютъ, и превратили разныя области въ одну республику; но свойственные намъ обычай такъ же ввели нѣкоторой родѣ вкуса, отличающій какъ какой народъ.

Лучшіе новѣйшіе писатели присоединили къ вкусу своей землі, вкусъ древнихъ. Ихъ цветы и плоды согрѣваясь и зрея отъ одного солнца, заимствующі однакожъ отъ свойства землі, на которой рождаются, различіе ихъ цветовъ и духовъ. Столкожъ можно разпознать по слогу Автора Гипанца, Ишаланца, Агличанина, какъ по поступкамъ, по черпамъ и по нарѣчію, кто изъ нихъ родился въ какой землѣ. Нѣжное выражение Ишаланцовъ, ихъ украшенія, которыя часто премѣняются въ пустую надменность, пышной и мешафорической слогъ Гипанцовъ, чистота и явственность Франузовъ, ясное выражение природное Агличанамъ, ихъ пристрастіе къ аллегоріи и къ примѣрамъ, суть разныя и отличныя свойства, которыя отъ знающихъ людей укрыться не могутъ.

Въ семъ-то различіи свойствъ должно искать причину ненависти и презрѣнія, которыя оказываютъ всякой народѣ ко вкусу своихъ сосѣдей; отъ

отъ того происходиша, что Миллоново Ангеловъ сраженіе, презрѣнно будеъ во Франціи, а благородныя, но плодоносныя рѣчи Цинны и Августа въ Корнеліи, не понравятся на Аглинскомъ театре.

Послѣдующая Тассова строфа почитающа во всей Италии: всѣ ея знающа наизусть, и всѣ ея твердяще непрестанно.

Она назыпается Софроніею, а онъ Оліндомъ: они изъ одного города и одного закона. Онъ будучи столь скроменъ, сколь она прекрасна, желаетъ много, надѣется мало, не пзыскишаетъ ничего. Онъ или не умѣетъ открыться, или не смѣетъ; а она или его презираетъ, или его не пидитъ, или того не призываєтъ. И такъ сей нещастной любитель до сихъ поръ угождалъ споей любопницѣ, будучи отъ нее или побѣже незнаемъ, или мало спѣдомъ, или худо ею принятъ.

Хотя и нѣтъ ничего въ сей строфи противнаго здравому разсужденію: но сіе собраніе словъ, сіе притворное ихъ согласіе, сіи всегда повторяющіяся мысли не будуть нравны, я думаю, читашелю Агличанину, или Французу, которые хотяшь видѣть въ Героической пѣсни важную и величественную простоту.

Есть ли мы хотимъ получить ясное понятіе о Эпической поэзіи: то должно намъ просмотрѣть всѣ разныя сего рода пѣсни, писанныя въ разные вѣки и въ разныхъ земляхъ.

Не довольно только знать Виргилія и Гомера. Человѣкъ, которой читалъ только Софокла и Евріпida, конечно не можетъ имѣть точную мысль и понятіе о театре. Мы можемъ и должны ствуемъ быть почиташелями древнихъ авторовъ, но не невольниками ихъ.

По-

Почтеніе же, которое мы должны имѣть къ древнимъ, превращающееся въ наскъ въ предубѣжденіе, когда оно наскъ приводитъ къ пренебреженію, нынѣшихъ Авторовъ. По чѣму не отдавать справедливость естеству, и не смопрѣшь на красоту нынѣшихъ его произведеній, а устремлять только свой взоръ на прошедшихъ?

Разсудительной читатель подкрѣпить своими разсужденіями мои слабыя мысли. Ему надобно судишь, а мнѣ остається предлагать. Онъ станетъ рассматривать приращеніе, упадокъ и возобновленіе искусства; онъ раздѣлилъ погрѣшности съ красопами, которыя суть погрѣшности и красоты во всѣхъ земляхъ и вѣкахъ, съ пѣми сумнительными красопами, которыя въ одномъ народѣ похвалены, а въ другомъ пренебрежены; онъ не допуститъ надѣ собою господствовать Аристотелю Кастельветру и Дасѣру: но управляемъ своимъ однимъ разсужденіемъ, онъ поставитъ себя судію между Гомеровыми и Милтоновыми воображеніями, и между Калистой, Дионой и Армидой.

Гомеръ.

Тщетно будешь разпространять изслѣдованіе о Гомерѣ и Виргилѣ, особенно вѣ Англїи, гдѣ едва найти можно благороднаго человѣка, которой бы не зналъ Латинскаго или Греческаго языка Тѣжь, кои Гомера не могутъ на его языкѣ читать, могутъ пользоваться переводомъ

Господина Поне и въ немъ найни весь жаръ сего отца Сшихшворцевъ: какъ въ вѣрномъ и ясномъ зеркалѣ, ни одна красота Гомерова не потеряна въ семъ прекрасномъ переводѣ; а погрѣшии сши болыюю частью или исправлены, или скрыты.

Пусть всякой читатель, читая Гомера, самого себя вопроситъ, и примѣритъ, какія дѣйствія сей Авторъ надъ его разумомъ произвелъ? Тогда онъ увидитъ, ч то Гомеръ достигъ до совершеннаго искусства въ силѣ, выраженияхъ своихъ; ч то составляетъ его особливое достоинство.

Не взирая на справедливое почтеніе, которое имѣють къ Гомеру, очень удивительно, что между знающими и ревносущими почитателями древности, съ трудомъ можно такого найти, которой съ такимъ увеселеніемъ и жадностью читалъ Илїаду, съ какимъ женщины читаютъ Зайду. Чужь между читателями, кои по справедливости не столь обходительны съ сочиненіями, но сполько же можетъ быть имѣютъ сопроцы и понятія: мало найдется такихъ, кои могли читать Илїаду въ хорошемъ переводѣ, безъ скуки и отвращенія. Нѣкоторые со всѣмъ по четвертой, или по пѣтой книгѣ, оставляли оное чтеніе.

Я буду спарапъся изѣяснить сей сумнительный предлогъ. Болышая часть людей прельщенны болѣе Гомеровою славою, нежели прельщены истиннымъ достоинствомъ его сочиненія. Знающіе читатели конечно удивляются изобилію изобрѣтенію мыслей сего великаго Автора. Но мало такихъ, которые бы побѣдивъ въ то время, какъ читаютъ Гомера, всѣ предразсужденія принятые въ прошедшія времена, здѣлалися бы якошорымъ образомъ его современниками.

Здра-

Задавое разсуждение нудиша ихъ быть снисходительными ко нраву и обычаямъ древнихъ: но не можетъ ихъ понудить удивляться симъ нравамъ въ описании Гомеровомъ. Лучъ его сияния, блестяща издалека ихъ взору, не производить какъ слабый свѣтъ безъ всякой теплоты. Мы въ семъ случаѣ подобны спарикамъ, что сопствали Прѣамовъ совѣтъ. Они удивлялися Елениной красотѣ, не чувствуя къ ней никакой склонности.

Другая причина нашего отвращенія произоходитъ отъ единственныхъ представлений, коими наполнены Гомеровы сочиненія. Въ трехъ частяхъ Илїады говорено только о сраженіяхъ. Сей вездѣ первенствующій сея картины цвѣтъ, отягчаетъ и отвращаетъ читателя, слабо приведеннаго въ чувство различіемъ тѣней и прочихъ красокъ, которыя острой лишь усматриваются взоръ.

Илїада конечно очень длинна: но ни одной Епической нѣшъ пѣсни, которая бы не имѣла сего порока. Епическое стихотворство есть плодъ сильного воображенія, которое подвержено всегда издинешству.

Я не буду говорить о всѣхъ непрѣятелями Гомеровыми произведеннымиссорахъ на нѣкоторыя мѣста Илїады, кои могутъ быть предметомъ нашей критики; но однако же столь безразсудны, чтобы могли названы быть во все худыми. Его боги можетъ быть и безобразны и посмѣшательны, но не меныше забавны Арѣстовыхъ сумѣздствъ, которыя производятъ надъ нами нѣкакое прѣятное изумленіе. Что жъ до прочихъ его погрѣшиостей: благородная важность и жаръ выражений его, часпо ихъ перемѣняютъ въ красому.

Но главная причина, приводящая большую часть читателей въ скуку, не вираж на шѣ мѣста, кои достойны удивленія, происходишь отъ того, что Гомеръ не вкореняетъ въ насъ чувствительной склонности ни къ одному изъ своихъ Героевъ. Ахиллесъ болыше вспыльчивъ и нескроменъ, нежели бы могъ возвудить въ насъ нѣжное къ себѣ прилепленіе. А хотя бы его храбрость и величество духа привлекли насъ въ сїе желательное движение, которое обыкновенно идея отличнаго мужества производишь: его любовь и нераченіе исщреблять сюю идею; читатель забудетъ его, подражая въ томъ Стихотворцу.

Менелай, начало сїя браны и о комъ по справедливости должно болѣ полагать попеченія, не съ большую похвалою намъ представлена: Парисъ его совмѣстникъ, и со всѣмъ презрѣніемъ достойнымъ. Менелай въ сей пѣснѣ ничто иное, какъ братъ Агамемноновъ, а Парисъ Гекторъ. Агамемнонъ, сей царь царей, своею гордостью рождаешь въ насъ отвращеніе, не вкореняя достойнымъ поведеніемъ почтенія. Не знаю, отъ чего чи мудрый Улиссъ никѣмъ не бываетъ любимъ. Прекрасная Елена, причина всѣхъ бѣдствій и напастей, представлена намъ гнусною особою. Никто не приемлетъ участія въ томъ, что на которой сторонѣ она остановился. Она и сама кажется мало склонною ко обоимъ мужьямъ и непредпочитающею одного другому.

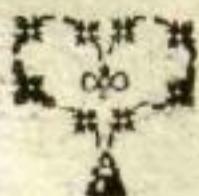
Когда два воина сражаются межъ собою въ Иліадѣ: тогда мы бываемъ приведены въ восхищеніе, сея битвы описаніемъ; и часто чувствуемъ тоже въ себѣ воспламененіе, которое ихъ поощряло; однако ни за одного изъ нихъ не спрашивимся, ниже кому желаемъ побѣды.

Правда,

Правда, мы соболѣзнуемъ о нещастіяхъ Прѣама; и онъ кажется достойнымъ слезъ, кошо-
рыя мы о немъ проливаемъ: но Гомеръ своею пѣ-
снию долженствовалъ раждать въ насъ оныя ко
Грекамъ, ибо онъ ихъ хотѣлъ прославить, да
они же его и Герои. Здѣлаемъ еще нѣкоторое
примѣчаніе: хотя мы и приходимъ въ концѣ пѣ-
сни въ движеніе о Прѣамѣ, но во всемъ прочемъ
течении дѣйствія, онъ не получаетъ о себѣ на-
шего попеченія.

Изо всѣхъ воиновъ, представленныхъ въ Илїадѣ,
храбрый, нѣжный и къ богамъ прибѣжный Гекторъ
удобенъ лигъ принудиши насъ братъ въ своей
судѣбѣ участіе. Онъ наполненъ наиблагород-
нѣйшими свойствами, хотя несправедливую
защищаетъ спорону; и онъ оставляется богами,
хотя всѣхъ добродѣтельнѣе: но участіе, которое
въ немъ беремъ, изчезаетъ въ великомъ множествѣ
Героевъ. Наше вниманіе, будучи раздѣлено, ума-
ляется, подобно какъ раздѣляющаіяся на многіе
ручи, рѣка не сошавляеть какъ одни только
источники: такъ воображенія читателя въ самое
то время наполнены величественными и благоро-
дными мыслями, когда душевныя въ немъ склон-
ности остаются безъ дѣйствія не принимая въ
шомъ ни какового участія; по чому и неудиви-
тельно что сердечные движения не слѣдуютъ
воображенію, и что мы въ одно время напол-
няемся удивленіемъ и скукою.

Окончаніе предѣль.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МИКРОКОСМЪ,
Однимъ изъ новыхъ Пиѳагоровыхъ послѣдователей.

ПЕРЕВОДЪ.

Душа моя, оставя въ послѣдній разъ тѣло, съ которымъ была соединена, не вдругъ перешла въ другое. Освободяся своей грубой одежды, не безъ органовъ она осталась: тѣло тонкое и почти таковое, какъ Лейбницъ описалъ, она на себѣ сохранила; и я узналъ въ то время, что она не бываетъ съ нимъ разлучена. Тогда испыталъ я правость сего правила Философовъ, что идея о великости единственно состоитъ въ мысляхъ: тѣло человѣческое показалось мнѣ цѣльнымъ свѣтломъ, котораго рѣдкости извѣдать я намѣрился. Ты можешь догадаться, читатель, что философская голова была первая изъ сихъ подвижныхъ съѣдовъ, которая привлекла мое любопытство.

Вошедъ безъ труда въ сию голову, спѣшилъ скорѣе къ мозгу. Я скоро увидѣлъ себя на большой площади, къ которой приходили пять широкихъ улицъ; они назывались по имени пяти чувствъ. Сими улицами не престанно привозимы были разные товары: *предстапленїя, чупстенности, смѣшанныи иден, и прочая.* Тутъ сильной носильщикъ, называемой *ламять*, забирая все, что могъ относить въ свои амбары, гдѣ онъ ихъ разбиралъ, онъ опиралъ нѣкоторую часть изъ оныхъ, и укладывалъ порядочно въ сосуды, къ которымъ для знаку привязывалъ ерлыки, такъ какъ бываетъ при лѣкарственныхъ смѣсяхъ въ аптекарской лавкѣ: прочее оставалось въ беспорядкѣ.

порядкѣ; отъ чего превращася по большей части въ пыль, отъ времени изчезало.

Надъ сими амбарами жительство имѣло разсуденіе, коего должностъ состояла оные рассматриваші. Онѣ выбирай изъ нихъ нѣкоторые, относилъ въ лабораторію; гдѣ Химистъ, называемой различеніе, перегоняя черезъ кубъ, опредѣлялъ отъ того одну силу, которая была относима въ кабинетъ лонятія. Въ семъ кабинетѣ удивительное позорище глазамъ моимъ предстало! Начальныя правила тѣхъ вещей, кои я видѣлъ въ амбарѣ памяти наилучшимъ порядкомъ, поличности свойствъ, установлены были; и съ начала, какъ и всѣ спирты, сохранялися долѣе, нежели то количество, отъ котораго онѣ опредѣлялися. Онѣ и со всѣмъ не были подвержены теплѣнію, когда только произведеніе ихъ было порядочно здѣлано.

Остроумной Министрѣ, называемый разумъ, ихъ съ прилежаніемъ рассматривалъ. Онѣ, слѣдя разнымъ соображеніямъ, ихъ равнялъ, соединялъ, во многїя раздроблялъ доли, и прилежно примѣчали того происходство. По томъ вписывали въ свои реестры; и сочили Метафизику, или первую Философию. Послѣдуя своймъ изъ сего производства изобрѣтеніямъ, составлялъ онѣ указы, и отсыпалъ для исполненія къ полѣ.

Сей Министрѣ имѣлъ опаснаго себѣ соперника въ волхвѣ, называемомъ поображеніе. Душа приняла его въ свои услуги, для нѣкоторыхъ полезныхъ дѣлъ, а болѣе для присутствованія его при ея забавахъ. Сей Волхвъ съ своими дарованиями могъ бы быть похваленъ, еслибы онѣ повиновался повелѣніямъ разума: но будучи на-

полнень предубѣжденіями , не знаешь онъ никакихъ законовъ, и часто ушбшается тѣмъ, что препятствуетъ Министру упражняться въ его трудахъ. Онъ чрезвычайно искусенъ въ живописи; двумя чертами кисти представляеть какъ то, что чувства на площадь приноситъ, такъ и тѣ предметы, которые собираетъ *лонгтѣ*. Онъ ихъ соединяешъ, раздѣляетъ, уменьшаешъ и сообразя по своему, отсылаешь къ *полѣ* подъ именемъ указовъ *разума*. Часто способомъ волшебного фонаря , изображаешь онъ на внешней стѣнѣ *лонгтѣ* всѣ пустые призраки. Выводишь въ поле страсти войска вѣроломныя и неспокойныя , которые прѣмлють обманчивыя повелѣнія сего волхва , за указы своей государыни . Иногда стараешься онъ представить своею кистью силу содержанія вещей, чтобы подмѣнять оными тѣ , которыми Химистъ разсужденія снабдѣваешь *лонгтѣ*. Душа моего Философа сильно страдала здѣшность сего чародѣя улобосноснѣ : сна отъ него великой ожидала пользы , когдабы возможла принудить его согласно жить съ Министромъ.

Осмотрѣвъ весь дворъ малаго моего свѣта , похотѣлъ я узнать его царицу ; но сна отъ глазъ моихъ укрывалась. Я мнилъ, что я у тѣхъ восточныхъ Государей , которые стараются сказать свое великолѣпіе , скрывая свою особу отъ взора своихъ подданныхъ. Въ началѣ полагаясь на Карпезія , пошелъ я въ *линеалинѣй* столь ; но не нашелъ тамъ чого искалъ. Тогда не сумнѣваясь , чтобы кѣо изъ новѣйшихъ описателей не понялъ сной справедливѣе , спѣшилъ въ твердое тѣло *Corps calleux*: но и тамъ въ желаніи своемъ не полу-

Получилъ успѣха. На конецъ удостовѣрился, что съ материальными бѣгами, которые я имѣлъ, не возможно мнѣ было усмотрѣть существа прошаго и состоящаго въ духѣ. Я намѣрился дашь знать Философамъ, что они имѣя глаза гораздо грубѣе мѣхъ, каковые я тогда имѣлъ. Тщетно стараться станутъ искать на раздробленіе исполновой головы, и что не найдутъ они въ ней нижѣ слѣдовъ душі.

Я зачиналъ ужѣ скучать въ толь важномъ свѣтѣ. Любопытство мое было со всѣмъ удовольствовано. Я чаялъ найти болѣе упѣшенія въ другой шакова же рода планетѣ: я принялъ твердое намѣреніе изъ онаго выйти. Случай къ тому скоро мнѣ предсталъ. Соперникъ напалъ на моего Философа, опровергая его мнѣнія; отъ чего воспала въ его головѣ жестокая буря, и все пришло въ движеніе. Онѣ въ ярости кричалъ во все горло: я пользовался тѣмъ, вышелъ изъ него, плавая въ бурномъ его словѣ течеши.

Епиграммы.

I

Прѣмѣненный на себя видъ Клара принимаешь,
Старуху въ ночь, а въ день молодку представляешь
Ночную бабушкой возможно той назвашъ,
Котору изъ себя обыкла въ день казашъ.

II

Весь вѣкъ свой не хочу я ни на комъ женившись.
Чтобъ болѣе еще мнѣ въ жизни не вздуришъ;
Я въ правдѣ признаюсь, себѣ самъ не маня,
Что мнѣ себя бѣсить довольно и меня.

ОДА.

Фортуна, думають, слѣпая,
Судьба упрямая и скупая,
А случай всѣми управляетъ:
Но топъ воздержной человѣкъ
Веденъ съ прѣятношью свой вѣкъ,
Которой лишковъ не желаетъ.

Умѣренная жизнь одна
благополучія полна.
Отъ злата надлежитъ спречься,
Не вѣ - все прочь ево гоня:
Мы зябнемъ въ спужѣ безъ огня,
И можемъ близъ его ожечься.

Желаній нѣтъ во мнѣ иныхъ,
Какъ только ради нуждъ моихъ;
Не лестно мнѣ веселье ложно,
Пустова щастья не ишу,
О томъ во вѣки не грушу,
Когда чего достать не можно.

Блажу я Бога моего

За то, что принялъ отъ Него,

И жалобы не возвылаю.

благодаря за жизнь Творца,

Спокойно жду ея конца,

Не трепещу и не желаю.

Прощедшее не придетъ къ намъ,

Не вѣдаемъ, что будетъ тамъ.

Такъ думай всякий о настоящемъ.

На что о многомъ намъ просить,

Не успѣвая благъ вкусить,

Въ семъ вѣкѣ стрѣль скорый лещащемъ?

Ученья собирать плоды,

Прѣшны таковы труды;

Но есть ли сердца не умѣю

Отъ прелестей мѣрскихъ спаси,

И жизнь спокойную веспи:

Что въ томъ, что много разумѣю?

Умы, которы дивны намъ,

Подобны упрѣннимъ цвѣтамъ.

Мы въ дѣствѣ оны собираемъ,

Находимъ ихъ когда цвѣтемъ,

Не зберегаемъ, какъ расшемъ,

И съ лѣтами со всѣмъ теряемъ.

Великъ и низокъ человѣкъ,
И кратокъ нашъ и долгъ вѣкъ;
И медлимъ мы и начинаемъ:
Теченіе мы знаемъ звѣзды,
Далекихъ положеніе мѣстъ,
Но только лишьъ себя не знаемъ.

О ИСТОЧНИКѢ СТРАСТЕЙ.

Чтобъ достигнуть до по знанія источника стра-
стей то надлежитъ различить два рода оныхъ,
изъ которыхъ однѣ даны намъ точно естествомъ;
прочія же происходятъ отъ возстановленія
общества.

Чтобъ опредѣлить, которыхъ изъ сихъ раз-
новозбужденныхъ въ насъ спрастей произвели
прочія, пренесемся духомъ къ первымъ днямъ
свѣта, гдѣ увидимъ естество наставляющее
человѣка въ его нуждахъ посредствомъ жажды,
голода, стужи и зноя, прилагаящее безконечное
множество веселій и беззокойствъ къ наслад-
женію и лишенню оныхъ нуждъ. Увидимъ
человѣка способнаго получать дѣйствія, веселья
и печали, и раздающагося, такъ сказать, съ любо-
вью къ одному и съ ненавистью къ другому.
Таковъ человѣкъ при входѣ своемъ въ свѣтъ.

Въ семъ состояніи не было для него ни за-
висиши ни скучости ни честолюбія. Все его
чувствованіе происходило отъ веселья, и болѣзни
шѣле-

тѣлесной; не зная еще всѣхъ тѣхъ присвоенныхъ намъ скорбей и веселій упомянутыми мною спрастъми. И такъ оны намъ даны не естествомъ, но ихъ бытность полагающая такъ же бытность общества, полагаетъ въ насть тайную искру сихъ же спрастей. Въ разсужденіи чего, естьли естество не даетъ намъ при рождениіи нашемъ ничего иного кромѣ нуждъ: то надлежитъ искать источника сихъ присвоенныхъ намъ спрастей въ нашихъ же трудахъ и первыхъ желанияхъ, которыхъ и не льзя ни чѣмъ инымъ, какъ извѣщеніемъ способности чувствовать.

Кажется, что Богъ положилъ одно начало всему что ни было, такъ какъ въ душевномъ такъ и въ тѣлесномъ свѣтѣ; чего для настоящее и будущее, суть ничто иное какъ нужное слѣдствіе.

Сколько скоро онъ сказалъ матери, я даю тебѣ силу: то стихіи покорныя правиламъ движенія, но заблуждающіяся и смѣшанныя въ пустыняхъ пространства, составили тысячу чудныхъ собраній, произвели тысячу разныхъ хаосовъ, прежде нежели установились въ тѣлесномъ равновѣсіи и порядкѣ, въ которомъ полагается теперь извѣстной свѣтѣ.

Кажется, что онъ такъ же сказалъ человѣку, я даю тебѣ чувствованіе; имъ долженъ ты бывъ слѣпымъ орудіемъ моей воли и не въ со-
стояніи проникнуть глубину моихъ предметовъ, исполнять всѣ мой намѣренія безъ твоего видо-
ма. Я предаю тебя въ охраненіе веселью и болѣзни: ибо они будутъ рачить о твоихъ мысляхъ о твоихъ дѣлахъ, родить въ тебѣ спрости, возбудятъ твои отвращенія, твои дружбы, твой нѣжно-

нѣжности ; выведутъ тебѧ изъ предѣловъ ,
зажгутъ въ тебѣ желанія , опасности надежды ;
откроютъ тебѣ правды , погрузятъ тебѧ въ за-
блужденіи и вѣшава тебѧ выдумашь тысячу ра-
зныхъ системъ нравоучительныхъ и законода-
тельныхъ , противорѣчущихъ всѣмъ извѣстнымъ
правдамъ , откроютъ тебѣ на конецъ простыя
основанія , кѣ изъявленію которыхъ привязанъ
порядокъ и благополучіе душевнаго свѣта .

Самымъ дѣломъ положимъ многихъ людей
вдругъ сопворенныхъ . Ихъ первое упражненіе
будешъ , удовольствоватъ свои нужды ; скоро по-
томъ испытающъ они изъяснить крикомъ чув-
ствуемыя ими дѣйствія , веселья и печали . Въ
сихъ восклицаніяхъ состоять будеть ихъ первой
языкъ , которой и долженъ быть весьма коротокъ
по сравненію съ бѣдностю нѣкоторыхъ дикихъ
языковъ . Когда же люди умножившия ужѣ на-
чнутъ распроспраняться по землѣ , и подобны буду-
чи волнамъ , которыми море заливаетъ свои бе-
рега , и поглащающъ оныя : многіе роды покажутся зе-
млѣ и возвратятся въ хлябъ пожирающу все что
ниестъ . Когда семи будуть ближе одна отъ дру-
гой , тогда общее желаніе владѣть одними вещами ,
какъ на примѣрѣ : плодами какого нибудь дерева ,
или милостью одной женщины , возвуждающъ въ
нихъ несогласія и драки , отъ которыхъ родятся
гнѣвъ и мщеніе . Когдажъ онѣ удовольствовавши
кровью и скуча жить въ непреспанной болѣзни ,
согласяются лишиться малой части той волѣности ,
которую онѣ получили отъ первобытнаго , и имѣ
ужѣ вреднаго состоянія , тогда здѣлающъ онѣ
между собой договоры , которые будутъ ихъ пер-
выми законами . По здѣлашіи надлежать будѣть
пору-

поручить ихъ наблюдение нѣкоторому числу людей; и отъ того произойдутъ первые судьи. Сижь грубые судьи дикихъ народовъ будутъ жить съ начала въ лѣсахъ, и истребя въ нихъ звѣрей, и не имѣя способа питья болѣ охотой, не достанокъ въ сѣстныхъ припасахъ, научишъ ихъ воспитывать стада, которыхъ и удовольствуютъ сю ихъ нужду; отъ чего сїи звѣроловные народы превратятся въ народы пастырей. По прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ когда сїи послѣдніе сполько умножатся, что земля не въ состояніи будетъ снабдить пищею большее число людей на шомъ же пространствѣ безъ помощи рукъ человѣческихъ къ ея плодородію: тогда народы пастырей испребившись замѣняются народами пахарей. Нужда голода открывъ искусство земледѣльства научитъ ихъ по томъ искусству мѣрить и раздѣлять земли, что и принудитъ ихъ стараться утвердить каждому его собенность, отъ чего произойдетъ множество наукъ и законовъ. Но какъ земли по различію своего качества и земледѣльства произносятъ разные плоды: то люди принуждены будучи замѣняться оними, почувствующи какая произойдетъ отъ того полза, есть ли договорятся о общей размѣрѣ, представляющей все потребное къ сожитию, и выберутъ къ тому какая ни есть раковины или мешаллы. Когда общества достигнутъ до сего совершенства: тогда нарушимся все равенство между людьми. Будутъ ужѣ различать большихъ и подчиненныхъ: тогда слова хорошо и худо здѣланныя къ изясненію фѣлесныхъ чувствованій, веселья или печали, получаемыхъ нами отъ наружныхъ предметовъ, будутъ значить все то, что можетъ

жетъ произвести въ насъ одно или другое изъ сихъ чувствованій , и то что можетъ ихъ умножить или уменьшить , какъ на примѣръ , богатство и бѣдность . Тогда богатство и знанность здѣлаются общимъ предметомъ желаній всѣхъ людей привязанными къ нимъ полезностями , и изъ сего рождаются поразличному образу правленій , добродѣтельныя и виновныя страсти , какъ на примѣръ : зависть , скучность , гордость , честолюбіе любовь къ отечеству , страсть къ славѣ , человѣколюбіе , да и самая любовь , которая хотя и дана намъ естествомъ въ надобность , здѣлается смѣшившись съ гордостью присвоенною намъ страстью ; и будетъ такъ какъ и всѣ прочія только извѣщеніемъ чувствованія тѣлеснаго .

Сколь ни справедливо сѣ заключеніе , однако мало сыщется такихъ людей , которые бы ясно понимали тѣ мысли , изъ которыхъ оное произходилъ . Сверхъ того признавшись , что страсти наши происходятъ отъ тѣлеснаго чувствованія , можно было подумать , что въ нынѣшнемъ состояніи просвѣщенныхъ народовъ оныя страсти чувствуются не отъ причины произведеній оныхъ . И такъ я покажу слѣдя обращенію болѣзней и удовольствій намъ присвоенныхъ , что въ такихъ страстахъ какъ скучность честолюбіе , гордость и дружба , которыхъ предметъ принадлежитъ повидимому меныше всѣхъ весельямъ тѣлеснымъ . Мы однако всегда или удаляемся , или ищемъ какъ , печали такъ и веселья тѣлеснаго .

Продолженіе предъ .

ПЕРЕВОДЪ
О НЫТЬ О ДРУЖБѢ.

Сей опытъ не долженствуетъ иначе почитаться, какъ наилегчайшимъ начертаніемъ изображенія дружбы, въ которомъ я не стану наблюдать никакова въ размышеніяхъ порядка, опасаясь впасть въ погрѣшность тѣхъ, кои повтореніями опустошили сю убитую дорогоу.

Дружба есть сильнѣйшая между душъ особъ склонность; побуждающая всякаго изъ нихъ рачить о благололучїи другопа; хотя наиславнѣйшіе нравоученія писатели многочисленно и пространно пользу и пріятность онья изображали, называя ее блаженствомъ жизни человѣческїя: Но мы рѣдко видимъ въ свѣтѣ такихъ, кои бы вкушать онью способны были.

Всякой можетъ дать пространнѣйшую роспись добродѣтелей и достоинствъ, коихъ онъ въ другѣ найти желаетъ; но если ли хотя одинъ спащающійся себѣ онья пріобрѣсть?

Благовolenіе и почтеніе, суть главнѣйшия основанія, на коихъ дружба созидаема быть должна; и оная никогда не можетъ быть совершенна, еспѣли которая изъ сихъ сїи не причастна будеть.

Еспѣли ты съ одной стороны спыдился любить человѣка, коего ты почитать не можешь; съ другой опять конечно, сколько бы ты ни былъ

увѣренъ о изрѣдныхъ его качествахъ, не возможно будеши оныя съ горячностю любить, не имѣя къ нимъ благоволенія.

Дружба изгоняетъ зависть, какъ бы оная ни шалилася; и человѣкъ могущей хотя однажды усомниться о возрадованіи, видѣвшъ своего друга щасливѣ себя, можетъ быть увѣренъ, что оная добродѣтель ему не извѣстна.

Дружба имѣетъ въ себѣ нѣчто споль величавое и благородное, что во всѣхъ героическихъ повѣстяхъ, изданныхъ въ честь нѣкоторыхъ особъ, Авторы чтились всегда ихъ представить подъ видомъ добрыхъ друзей и вѣрныхъ любовниковъ. Ахиллесъ имѣетъ своего Патрокла, Эней Ахата: въ первомъ изъ сихъ примѣровъ легко усмотреть можемъ въ пользу причины моихъ размышлений, что Греція была со всѣмъ почти разорена любовью сего Героя, а дружбою его избавлена.

Разумъ и обычай Ахата привлекаютъ насъ къ примѣчанію ближайшихъ сопряженій великихъ мужей, кои по болѣшей части выбирали друзей своихъ по качествамъ сердечнымъ, а не по силѣ разума, предпочитая искренность, совокупленную съ снисходительнымъ благонравiemъ, всѣмъ гремящимъ въ свѣтѣ достоинствамъ. Я не помню, чтобы Ахатъ, будучи означенъ первѣйшимъ Енеевымъ любимцомъ, подалъ когда нужной какой съвѣтъ, или вынуль хотя однажды шпагу во всей Энейидѣ.

Чѣмъ меныше громка дружба, тѣмъ чашто она полезнѣе бываєтъ: въ разсужденїи чего, я предпѣчель бы всегда осторожнаго ревностному другу.

Аппикъ; наичестнѣйшій гражданинъ древняго Рима, изряднымъ можетъ быть примѣромъ къ упомянутой рѣчи. Онъ среди между усobныхъ браней, раздирающихъ отечество въ то время, какъ обѣимъ споронамъ равномѣрно целяю было опроверженїе вольности, онъ столь умѣлъ прѣобрѣстъ себѣ всеобщее почтенїе; что былъ въ состоянїи служить съ обѣихъ споронъ раздѣленнымъ друзьямъ своимъ; и въ то время, какъ онъ посыпалъ деньги младшему Марію [коего отецъ былъ объявленъ злодѣемъ республики] въ то же самое, говорю, время, онъ былъ первѣйшимъ Силловымъ любимцомъ, и вседневное съ онымъ имѣлъ собесѣданїе.

Во время войны между Цезаремъ и Помпеемъ, онъ равномѣрное имѣлъ поведенїе; а послѣ смерти первого, посыпалъ брушу для вспомоществованія въ нуждахъ, деньги, дѣлая тысячу благодѣяній Антоніевої женѣ и дѣтьямъ, коихъ спорона казалась почти со всѣмъ быть рушена. На послѣдокъ въ кровопролитнѣйшую войну между Антоніемъ и Августомъ, онъ столь хорошо умѣлъ сохранить къ себѣ, обѣихъ ихъ дружество, что первой, по сообщенїю намъ Корнелія Непота, еслѣ былъ отдаленъ отъ Рима, ему неопредѣнно писывалъ всѣ свои поведенія, даже до того, что онъ писалъ, и кудаѣхать былъ намѣренъ; а другой въ самое тоже время сообщалъ ему всѣ свои дѣла и движенія.

Всѣ по болѣшер части считающѣ, что взаимное благоволеніе межъ двухъ особъ, происходищъ отъ большаго согласія въ ихъ склонноспяхъ: но довольно доказательна сїя ненужность, частымъ обрѣтеніемъ со всѣмъ разныхъ нравовъ людей, съ горячностю любящихся; ибо и отъ того по видимому происходит удовольствіе наше, познавать въ другъ качества, въ насъ не имѣющіяся, что онъ будучи предъ свѣтломъ другой мы, кажется, что и намъ нѣкоторымъ образомъ возможно себѣ оныя присвоить. Нѣть ничего труднѣе, какъ извѣшишь къ статѣ другу его недостапки или заблужденія; и для лучшаго въ ономъ успѣха, должно вести себя съ удобною бережливостю, то есть, чтобы ему примѣтно было единственное о его пользахъ и прибылкахъ свое раченіе: въ рассужденіи чего, выговоры должны быть рѣдки, и какъ можно болѣ основательны.

Безъ сей предоспорожности, чрезмѣрное желаніе ему угодить, можешь превратиться въ отчаяніе успѣха, видя себя обвиняема нѣкоторыми иногда не причастными ему пороками: ибо умягченной нѣжностью дружбы разумъ, не можетъ снести частыхъ упрековъ, долженствуя или пасТЬ подъ игомъ оныхъ, или очень много умаливть дружбы и почтенія къ особѣ, произносящей оныя.

Нерачивость отъ друга болѣе непростительна, какъ отъ ближняго: ибо первыя должности происходящи отъ нашего выбора и соизволенія, а другія напрошивъ намъ невольно данные природою.

Изъ того

Изъ того слѣдуетъ , что естьли не должно развращаться другомъ , преисполненнымъ хотя пороками ; но чтобы не получить порицанія въ на шемъ выборѣ , тѣмъ наиболѣе не пристойно , оставивъ друга добродѣшельнаго и благоразумнаго , чтобы не заслужишь навсегда упреку въ по терянїи неоцѣненнаго сокровища , коимъ мы уже владѣя , сохранить не умѣли .

ПЕРЕВОДЪ

БАСНЬ ОБЕЗЪЯНА.

Старая и хитрая обезьяна умерла , а тѣнь ея сошла въ тѣмное жилище Плутона , въ коемъ она просила о возвращеніи своемъ къ живущимъ . Плутонъ хотѣлъ ея отослать въ пѣло тяжелаго и лѣниваго осла , чтобы тѣмъ отнять отъ нее гибкость , живность и хитрость : но она столько надѣлала смѣшныхъ и шуточныхъ дѣйствъ , что угрюмой царь адской , не возмѣши удержаться отъ смѣха , далъ ей на волю избѣгать свое состояніе . Она просила , чтобы послать ея въ пѣло попугаево ; по мѣньшей мѣрѣ , сказала она , я симъ сохраню иѣкоторое подобіе съ человѣками , которыми я сполѣ долгое время подражала . Будучи обезьяной , тѣлодвиженія мои подобны были онимъ ; а будучи попугаемъ , я буду вмѣшиваться въ самые ихъ прѣятнѣйшѣ разговоры .

Лишь только луша обезьянинъ введена была въ сїе новое жилище , какъ старая женщина раскащица ее купила . Попугай былъ онай ушѣнiemъ : она посадила его въ прекрасную клетку : онъ пилъ иѣль хорошо , и разговаривалъ съ уш-

ра до вечера съ старою болтуньею, которой рѣчи не разумнѣе попугаевыхъ были. Онъ соединилъ кѣ новому своему таланту, замѣвашъ весь свѣтъ, и ючто изъ древней своей професси. Онъ помахивалъ страннымъ образомъ своею головою, дѣлалъ спо разныхъ движеній крыльями, а ногами своими столько много строилъ хитростей, что еще видна была въ немъ обезьяна. Старуха почти всякой часъ принималась за очки, ему удивляясь: чрезвычайно сердилась, что она не много глуха, и что тѣмъ нѣсколько прораниваєтъ слова попугаевы, въ которомъ она чрезмѣрно много разума полагала. Попугай тѣмъ испортился, здѣлался скученъ, болтливъ и глупъ: онъ столь сильно мучилъ себя въ своей клеткѣ, и пилъ столь много вина съ старухой, что на конецъ умеръ.

Вышедши изъ попугая тѣнь обезьянинъ, опять предстала Плутону, которой, чтобъ здѣлать ее юмою, хотѣлъ послать въ тѣло рыбы; но она еще подѣлала премножество проказъ предъ царемъ тѣней. А какъ Государи мало, или почти со всѣмъ не отказывають прозьбамъ глупыхъ шутовъ, кои имъ льстятъ: то и Плутонъ дозволилъ сему шуту преселиться въ тѣло человѣческое. Однако Богъ постыдился послать ее въ тѣло мудраго и добродѣтельного человека: онъ опредѣлилъ ей тѣло несноснаго и докучливаго говоруна, которой лгалъ, безпрерывно хвасталъ, дѣлалъ странныя тѣлодвиженія, пересмѣхалъ весь свѣтъ, перерывалъ учтивѣйшія и разумнѣйшія бесѣды, для того только, чтобы сказатьпустое, или наговорить самыя грубѣйшія глупости.

Мер.

Меркурій узнавъ оную въ семъ новомъ видѣ, сказаъ ей смѣючися: гей, гей! я тебѧ узналъ; ты ничто иное, какъ смѣсь обезьянъ и попугая, коего я не давно видѣаъ. Кто отъимеш отъ тебѧ твои тѣлодвиженія, и твои рѣчи выученныя наизусть безъ разсужденія: чтоѣ ничего не оставишъ твоего собственнаго. Изъ хорошей обезьяны и изъ доброго попугая не вышелъ болѣ, какъ глупецъ.

О! коль много въ свѣтѣ людей съ пришвornoими тѣлодвиженіями, рассказами и важнымъ видомъ, не имѣющихъ ни разума, ни поведеній.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУССКАГО.

Элегія.

Я стражду, и болѣнь моя не исцѣлима,
Я помощи ищу, и мной она не зrima;
Жалѣю, слѣзы лью, отчаяваюсь, рвусь,
Раскаиваюсь вдругъ, и на себя сержусь.
Тоска терзаетъ грудь, виню и укарлю,
И въ мысляхъ оправдашь я тоѣ чашъ ускоряю.
Хочу забыть, бѣгу, страдаю и грущу,
И отъ чево бѣгу, я що опять ищу.
Повсюду слѣдуешъ за мною зракъ невѣрной,
И мой смягчаешь гнѣвъ въ досадѣ пребезмѣрной.
Я часто самъ себя спараюсь обманушъ,
И мышлю, что моя ужѣ въ свободѣ грудь:
Но чувствую по томъ, что сердце такъ же спрасшино,
И сердце говоритъ, кому оно подвластно.
Оно наполнено вреднѣйшихъ мнѣ заразъ;
Намѣреваюсь икъ изкореняшъ сго разъ,

Сто разъ на каждой день спрашь вредну оспавлю,
 Но болѣ лишь свои тѣмѣ раны расправлю.
 Во плѣнѣ узы рву, и вѣ нихѣ вхожу опять:
 Я началъ спрашь гона, вѣней болѣ утопаю;
 Ихѣ чѣмѣ спаряюся сильнѣй не бывшъ вѣ нѣволѣ,
 Тѣмѣ чувствую ее вѣ своею я сердцѣ болѣ.
 У всѣхѣ нещастливыхъ сїя отрада есть,
 Что могутъ жалобы свои другимъ принесіть;
 Имъ легче кажется сносить свое мученіе,
 Услыша о себѣ отъ проптихъ сожалѣніе:
 Но я кому свое нещастіе разкажу?
 И горесть я свою кому изображеніу,
 Когда отъ всѣхѣ людей я спрашь мою скрываю?
 Иль вѣ сердцѣ той найти я жалости уповаю,
 Которая смѣясь мученіямъ моимъ,
 Вѣ досаду мнѣ, теперь плѣняется другимъ?
 Я спрастенъ, а она любви не ощущаетъ;
 Я мучусь, а она безъ жалости взираетъ.
 Измѣница, тобой оспавленъ я, забытъ,
 Ужѣ не прогаетъ тебѣ любовь, ни спыдъ,
 Ни жалобы, ни спонѣ, ни самой плачъ безмѣрной;
 Я изгнанъ ни зачио изъ сердца сталъ невѣрной;
 Другому, а не мнѣ по сердце вручено:
 Кѣ другому, не ко мнѣ пылаєтъ ужѣ оно.
 То сердце мнѣ теперь ужѣ невѣрно стало,
 То сердце мнѣ теперь столько пластилъ мало,
 Которое ко мнѣ вѣ прошедшіи дни пытало.
 Скажи, чѣмѣ виненъ я передъ тобою былъ?
 И тѣмѣ ли отъ тебя измѣну заслужилъ,
 Что не притворно я одну тебя любилъ?
 Тѣ взоры, что меня по всѣмъ мѣстамъ искали,
 Тѣ взоры, что меня надеждою ласкали,
 И умножать мой жаръ тогда не успевали,
 Когда всечасно ихѣ я вѣ новой силѣ зреялъ,
 И новымъ пламенемъ всечасно я горѣлъ,
 Тѣ взоры ижинные къ другому обращенны,

Другой, не я имъ миль; другимъ, не мною плачны:
 Не видяшъ муки моихъ, тоски, взыханій, слезъ,
 Жѣ прежній жаръ ко мнѣ со всѣмъ ужѣ изчезъ.
 Окамененное ты сердце знать имѣшь,
 Когда, измѣница, о мнѣ не сожалѣши.
 Нѣмъ, только лишь ко мнѣ ожесточилась ты,
 Но сердце твое въ тебѣ, и тѣ же красоты:
 Да только ими ужѣ не я, другой владѣешь,
 И счастье то въ тебѣ не я, другой имѣешь.
 О! хищникъ, ты къ моей погибели нашелъ,
 Ты опиялъ сердце то, которо я имѣль.
 Упѣхъ себѣ исца, лишилъ меня упѣхи:
 Но должно ль ихъ искать, чиня другимъ помѣхи?
 На шоль, невѣрная, плачилася я тобой,
 Чтобъ ты плакала мнѣ измѣною такою?
 Пропивъ меня твое казалось сердце иѣжно,
 И лести таковой повѣрилъ я надежно.
 Но ахъ! я лѣспя себѣ къ несчастью своему,
 Призворства не видалъ, и вѣрилъ я всему:
 И будучи своимъ я слабостей въ неволѣ,
 Не сопротивился любви заразамъ болѣ.
 Всечасно видѣшъ я тебѣ тогда желалъ,
 Всечасно бышъ съ тобой я случая искалъ.
 Прѣятны мнѣ съ тобой казались разговоры:
 Я зря тебя, имѣль не насыщены взоры,
 Не запрещалъ моимъ я жаждущимъ очамъ,
 Послѣдовать тебѣ тогда по всѣмъ мѣстамъ;
 И взглядъ мой вспрѣченъ былъ твоимъ взаимнымъ взглядомъ,
 Что послѣ въ грудь вошло, и преворилось ядомъ.
 Онъ сладкимъ пышемъ въ плѣненну входить грудь:
 Я сердце отворилъ, и далъ свободной пушь.
 Горѣлъ, терзался я, и вздыжалъ спокращно,
 И все то для меня казалось прѣятно:
 На грусть и на тебя не жаловался я,
 И мука для меня легка была моя,
 За тѣмъ что спрашь мою ты видѣла и знала,
 И ласками сама на ласки отвѣчала.

Передо мною ты сурова не была,
 И ты сама въ меня съ надеждой спрасить замка.
 Но что ты на меня въ то время не сердила?
 Какъ въ первой разъ тебъ мои любовь открылась?
 Я видѣлъ прелести въ тебѣ тогда однѣ,
 Но строгости своей ты не казала мнѣ.
 Но что ты дерзости моей не удержала?
 Я спрасить удерживать легко бы могъ съ началь.
 Легко бы могъ тогда себя преодолѣть:
 Но ты позволила надежду мнѣ имѣть.
 Когда жъ ты не была сурова предо мною:
 То былъ ли дерзокъ я тогда передъ тобою,
 И виноватъ ли я моей любовью былъ,
 Когда не досаждалъ тебѣ, что я любилъ?
 Я следовалъ моей любви ослѣпленной,
 Подобно, какъ трудомъ въ день лѣтній утомленной.
 Спѣшишъ къ источнику воды отъ жажды пить,
 И раснахенну кровь отъ жару прохладить;
 Но прежде нежели исполнитъ онъ желанье,
 Зришъ оной возмущенъ, зришъ оной во сменанье,
 Что дѣлашь болѣе оспался тогда?
 Непивъ идешь назадъ, когда мутна вода:
 Противна ужъ ему она теченьемъ грубымъ,
 И съ жаромъ отъ воды отходишь онъ сугубымъ.
 Равно такъ я моей надеждой обольщенъ,
 И при концѣ ея, къ нещастью обращенъ.
 Обманчивость ея довольно я измѣрилъ
 Въ то время, какъ я ей отмѣнио болѣе вѣрилъ;
 Она спокойной мой возводила дужъ,
 Я съ нею все имѣлъ, теперь теряю вдругъ,
 И только лишь на то одно я лѣшился ею,
 Чтобъ послѣ болѣе быть сраженъ измѣной ею.
 Невѣрная, когда хотѣши ту имѣшь честь,
 Что прежнія любви въ тебѣ оспашопъ есть,
 Когда стыдишися ты: я все тебѣ прощаю,
 И страшныиъ госомъ въ послѣдній разъ вѣщавъ;
 Не для того, чтобы въ тебѣ любовь родить,
 Но чтобы тебѣ сказать, что я преснадъ любить . . . .

Ахъ! я не воздожнувъ, еще щебя не кину:
 Скажи мнѣ, измѣнишь имѣла ль ты причину?
 И шакъ ли плашишь мнѣ за всю любовь мою? . . . .
 Но слабошамъ своимъ по чю я власнъ даю?
 По чю ужѣ щебѣ измѣнной упрекаю,
 Когда любви шзой я болѣ не желаю?
 И жалостъ тронетъ ли тебя, иль чю нибудь?
 Когда любовь тебя не возмогла тронуть?
 Не будешь слышать словъ и вздоханій спастныхъ?
 Бѣгу очей твоихъ прелестныхъ и ужасныхъ,
 Ужѣ не чувствую я въ сердцѣ болѣ ранъ,
 Ужѣ я разсмотрѣлъ довольно твой обманъ;
 И ласки нынѣ всѣ твои притворны вижу: . . . .
 Я удаляюся, виню и ненавижу.
 Но не любишь тебя конечно не могу,
 И сердце можетъ быть я щеще берегу. . . . .
 Ахъ! нѣпъ, я чьей хочу себя подвергнуть власни?
 Не мни, чтобъ дѣйствовалъ во мнѣ осашокъ спасніи,
 Которую твоя краea произвѣла.
 Вонъ шолько для чево ты мнѣ еще мила:
 Ково я полюблю, и полюблю не должно,
 Возненавидѣть мнѣ тово ни какъ не можно. . . . .
 Ахъ! сердцу своему хотъ я хочу вѣѣшь,
 Чтобъ спастью болѣе къ измѣнницѣ не плаѣшь:
 Но щеще не любишь ему велю я болѣ,
 Когда оно въ ее, а не въ моей ужъ волѣ.
 Увы! я чувствую . . . . я самъ себѣ злодай!
 А чтобы слабости не показать своей,
 Скажу: я чувствую къ невѣрной отвращенье,
 Симъ скрою спасніи мою и ушаю мученіе.

СРѢДНІЯ

ГОСУДАРЬ МОИ!

Вчерашній разговоръ вашъ о состоянїи человѣка, о его благоденствїи и о совершенномъ въ свѣтѣ благополучїи , заставилъ меня войти въ подробное изслѣдованіе всѣхъ причинъ , ко- торыя могутъ причинить намъ оное ; и по дол- гомъ о томъ размышенїи , нашелъ я только двѣ вещи , кои справедливо доспойны послѣдованія разумныхъ людей. Первое , любовь къ добродѣ- стели , отъ которой человѣкъ научается быть че- спнымъ ; впорое , истинное познаніе обращенія жизни , чрезъ которое онъ бываетъ спокоенъ , естъли спокойнымъ быть можетъ ; или меныше нещастливъ , когда со всѣмъ своей горести от- вратишь не въ соспоянїи : но исканіе совершен- наго благополучїя въ здѣшнемъ нашемъ вѣкѣ , я почитаю со всѣмъ не правымъ. Всѣ разные о ономъ идеи древнихъ Философовъ суть иначе иное , какъ мрачная тѣнь того , которое бы могло нанести намъ совершенное въ жизни благоден- ствїе. Ихъ не основательныя мнѣнія разностію своею ясно доказываютъ , сколь сумнительно то непоколебимое блаженство , которое однако съ великимъ надменiemъ они обѣщевають.

Естьли человѣкъ похочетъ когда войти въ подробное испытаніе самого себя : тогда онъ увидитъ , что таковое блаженство не сопворено для смертныхъ ; что составъ его существа оному супротивляется , и что самыя чувства , вина всего нашего понятія и разсудка , которыми мы только и можемъ все касающееся намъ употреблять въ свою пользу , несовершенностию своею

свою не удобны оное постигнуть ; слѣдовательно не могутъ его и намъ преподать.

Всегдашняя ревратность свѣта , не престанное прошивумысле внутри насъ самихъ , и не постоянство нашего желанія , не допускаютъ насъ и до того часа , въ которой бы могли мы положить основаніе возможному нашему благденствію . Когда размаштруиваю малоспѣ окружющихъ насъ предметовъ , что не могутъ насъ удовольствовать , и слабость собственныхъ силъ нашихъ , что не въ состоянїи отъ нихъ много заимствовать : тогда презираю я тщетное исканіе сего благополучія ; и мало чѣро не попускаешь меня войти въ совершенное отъ всѣхъ вещей отвращеніе . Какое ущѣшеніе найти можно въ свѣтѣ , что бы чѣ смѣшано было съ горестію ? Выше упомянутыя чувства не бывають ли превожены несогласностію органовъ нашихъ ? а память и разсудокъ не имѣющъ ли въ себѣ неравенства , причиняемаго слабостію чувствъ ? Самая бездѣлка не удобна ли насъ возмутить ? Стужа , зной , дурной день , или и сего еще маловажнѣе , со всѣмъ дѣлаетъ насъ , такъ сказать , другими , и самихъ на себя почти не похожими ; а перемѣнья насъ , перемѣняетъ и все до насъ касающееся . Но хотябы въ насъ , или въ ка-
сающемся намъ , и ни какой перемѣны не было ; однако извѣстно , что съ благополучнѣйшимъ состояніемъ духа , съ здорою крѣпостію тѣла , не можемъ мы наслаждаться непрерывнымъ благополучіемъ .

Ни всегдашнее обращеніе во многолюдствѣ , ни роскошные и великолѣпные пиры , ни пріят-

ное

ное согласіе музыки , не удобны причинить того удовольствія , котораго отъ того получать чаютъ.

Ни прѣятность садовъ , украшенныхъ фонтанами , гротами и спауями , ни огромное зданіе , великолѣпнымъ убранствомъ , ниже лутчія бесѣды умныхъ людей или красавицъ , однимъ словомъ , ни какія представленія , ни какая роскошь , ни какое богатство , не удобны подать человѣку совершенного удовольствія .

Естьли кто когда ни будь могъ бытъ совершенно щасливъ : то всякой со мною признается долженъ , что ешо только потѣхъ великой Государь которой одаренъ былъ отмѣннымъ отъ другихъ людей разумомъ ; не упражняясь въ пустыхъ дѣлахъ , искалъ онъ истиннаго добра . Его власть ему по скоро и доставила : все успѣвало , по его хотѣнїямъ ; чѣо онъ только желалъ , то и получалъ скоро . Однако признается онъ , что сполько нашелъ сущности въ забавахъ , что на силу могъ воздержаться , чтобы не возненавидѣть жизни , и не имѣшь скорби о долготѣ ея . Слѣдовательно иѣтъ въ здѣшнемъ свѣтѣ истиннаго блаженства человѣкамъ . Имъ приличнѣе стараться отвратить отъ себя угнѣщающія ихъ прискорбности , нежели искать пищено такого благополучія , какого найти не можно .

Однако не должно намъ искать сокращенія жизни по причинѣ , что до совершенного блаженства достигнуть не можемъ : но надлежитъ стараться изыскать средство , коимъ бы можно

ибо нѣкоторымъ образомъ уменьшишь горести, о которыми смигнаша наша жизнь. Правда, редко сие рѣдкому знакомо: одинъ отъ горести его не знаешьъ, другой зараженъ будучи звою самолюбія, знать его не хочеть; инойща подлбстю своего щастья въ знаныхъ, виновъ свои поступки препятствіемъ къ доспіженію онаго. Тутъ можешьъ быть спросятъ меня: кто же сыскать его можетъ? Тотъ, опровергнувъ, кто всѣхъ суетъ бѣжитъ, не лѣстнися лестною славою, мнимою честью чиновъ не прельщается, ябедъ, клевещъ, лжи и раздоровъ не знаеть; тотъ, кто на слабости людской жалостнымъ, а на пороки грознымъ взираетъ окомъ, и не колеблется отъ мирскаго волненія; однимъ словомъ, тотъ, кто въ маломъ сообщивъ искреннихъ прѣятелей, не желая ничего лишняго, нужнымъ умѣетъ быть доволенъ.

Можешьъ быть мнѣніе мое меня и обманываешьъ: но мнѣ таковое только поведеніе способнымъ кажешся средствомъ къ доспіженію возможнаго благоденствія въ здѣшнемъ нашемъ вѣкѣ; а особенно, что до меня принадлежитъ, то выговорить могу смѣло: ничто такъ не прилично, какъ человѣку, которой на трехъ только вещахъ себя основываетъ, а именно: жить честно, мыслить справедливо, и на конецъ умереть не робостною смертью; съ тѣмъ имѣю честь быть вашимъ.

ГОСУДАРЬ МОЙ И ПР:

*Стихи, сочиненные троякимъ образомъ
на одинъ заданныя риѳмы.*

I.

Что есть всему Творецъ, сумнѣнья не... имѣю,
Миѣ сердце говоритъ ..... о немъ :
Но иначе любить я бога не . . . . умѣю,
Какъ только въ ближнемъ лишь моемъ.

II.

Не мучуся , что я богатства не . . . . имѣю ,
И не пекусь онемъ :
Довольно , еспѣли я спокойнымъ быть . . . умѣю
Въ нещастїи моемъ.

III.

Влюбляся я въ тебя , спокойства не . . . . имѣю ;
И потерявъ покой , хотя грущу . . . . о немъ :
Но возвратишь его , Клариса , не . . . . умѣю ,
Прѣятность находя въ спраданїи . . . . моемъ .

*Оглавленіе матеріямъ , въ семъ мѣсяцѣ
находящимся*

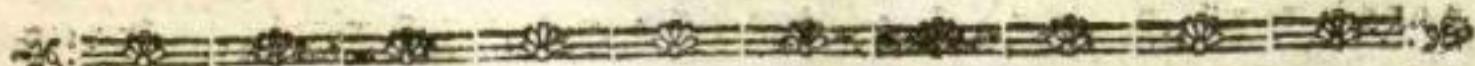
Стр:

Стр.

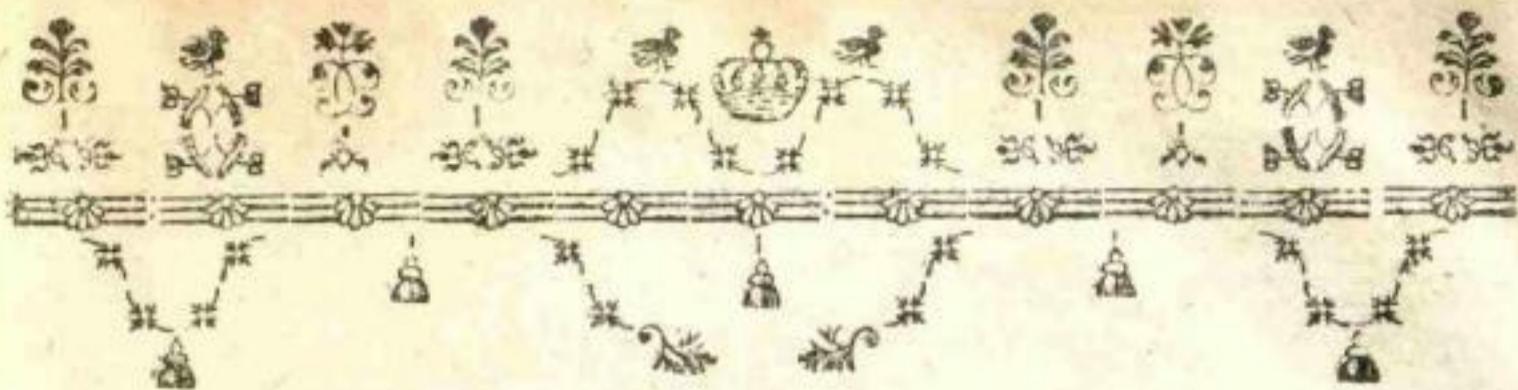
Письмо къ читателю	3	Ода - - - - -	26
Рѣчь о равенствѣ состояній	5	О источникѣ страсти	28
О постоянствѣ - - - -	11	Опытъ о дружбѣ - -	33
О всегдашнемъ поведеніи	12	Баснь. Обезьяна - - -	37
Примѣчанія изъ Опыта о		Елегія - - - - -	39
Етическомъ спицомъ	13	Письмо - - - - -	44
Путешествіе въ Микро-		Стихи , на заданныя риѳ-	
космъ - - - - -	22	мы - - - - -	48
Эпиграммы - - - - -	25		

НЕВИННОЕ УПРАЖНЕНИЕ.

Мѣсяцъ Февраль.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Универ-
ситетѣ 1763. года.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИМѢЧАНИЙ
ИЗЪ ОПЫТА
О ЕПИЧЕСКОМЪ СТИХОТВОРСТВѢ.
О ВИРГИЛИИ.

А диссонѣ былъ первой , которой разсматривалъ составы , изъ коихъ сочинена *Енеида*. Извѣстно , что *Виргилій* основался въ сей поэмѣ на басняхъ и на народныхъ рассказахъ о прїѣздѣ *Енея* въ Италію , подобно какъ и Гомеръ основалъ свою *Иліаду* на рассказахъ о осадѣ города Трои.

Не вѣроятно , чтобъ *Гомеръ* и *Виргилій* себя подвергали правиламъ Лебосю , которой утверждалъ , что Епическому стихопворцу должно выдумать прежде свою басню , и учредить ея порядокъ , нежели изобразить своихъ Героевъ и ихъ имена ; но и то съ правою сходно , что не кроили онѣ плащъ прежде , нежели знали спанѣшъ , коихъ имъ одѣти надобно было . Правило Лебосюево можетъ быть принято для комедіи , гдѣ надлежитъ представлять обычай и погрѣшности паго вѣка , въ которомъ онѣ пишутся .

Но Епическіе творцы равно какъ и Трагическіе, должны выбирать Героя, которой бы былъ знамъ и заслуживалъ всю къ себѣ прилежность отъ читашеля. Все , что они вымыслишь , должно согласоваться съ тѣмъ; что было. Еслылибъ кто изъ нихъ началъ созидать свою пѣснь основанію только на вымыслѣ; тобѣ конечно не нашелъ въ свѣтскихъ лѣтописяхъ такого произшествія, котороебѣ могло ему служить.

Я понять не могу , какъ вздумалъ Лебосю намъ совѣтовать , созидать такимъ образомъ , чтобы быть въ не обходимости опять оное разрушить; чтобы изъ того ни было.

Часть пропицствій , кои въ Енеидѣ , выбраны изъ сочиненій Длонися Галикарнассаго.

Что касается до расположения Виргилиевой басни : многіе ее хвалили , а многіе хулили ; но еслыли смѣю я сказать свое мнѣніе : я нахожу что оно не заслуживало ни похвалы ни хулениѧ . Ему не возможно было обойтись безъ Гомеропыхъ боговъ , кои были и Римскіе боги , ниже забыть Троянского приступа ; когда Еней былъ Троянецъ . Сіи вымыщленныя воображенія были равно не важны для Греческаго и Латинскаго стихотворцевъ . Еслыли одинъ прибегнулъ къ источнику другаго ; то конечно безъ того , чтобъ пользоваться на ево щотъ . Правда ; что Виргилій себѣ присвоилъ нѣкоторыя строки изъ Иллады и Одиссеи , и что онъ изъ нихъ заимствовалъ нѣсколько описаній и примѣровъ ; но можно сказать , что сей величайшаго разума человѣкъ , могъ безъ

безъ того обойтись, и что онъ тѣмъ большей славы себѣ не пріобрѣлъ. Онъ болѣе чести зѣвалъ Гомеру, нежели доказалъ, что имѣлъ нужду отъ него заимствовать.

Забавно видѣть Критиковъ торжествующихъ, найдя Виргилія въ мнимой кражѣ и взаимствѣ отъ другихъ. Тѣ, кои вооружаюшся пропизѣ его въ пользу Гомера, и которые жершвуютъ удовольствиемъ, коебъ они имѣли отдавая, справедливость красотамъ обѣихъ, предпочтенію одного другому; утверждаютъ, что Диодона ничего иное какъ подражаніе Калипсы, и что Еней снисходишъ во адъ съ примѣра Улиссона. Однако когда читатель станеть сличать сіи подражанія съ мнимымъ ихъ оригиналомъ; тогда увидишъ между ими великую разницу.

Страсть Диодоны, ея нещастія и смерть, которую Сиргилій полагаетъ причиною венависки Карфагенъ прошивѣ Рима, суть красоты незаимственные у Гомера. Не сродствено разумному и одаренному дарованіями человѣку быть спицѣ комъ и подражателемъ. Въ чемъ Виргилій великъ, вѣ томъ онъ себѣ одному долженъ, а вѣ тѣхъ малыхъ подраженіяхъ Гомера онъ часто, слабѣ и хужѣ самаго себя находится, что служитъ ему въ наказаніе за то, что онъ подвергалъ вольность своего вымысла и разума и умалялъ его, покоряясь нискому подражанію.

Нѣкоторые Критики еще далѣе простираютъ свои осужденія говоря, что онъ впору книгу всю у Пизандра занялъ, а четвертую у Аполлонія

лолія. Но все сїе можно смѣло опровергнуть; по тому что впорая и четвертая книга *Енеиды*, суть наисовѣршеннѣи плоды искусства. Слѣдовательно не могутъ назывы быть подражаніями. Подобно тому нѣкоторые люди думаютъ, что *Милтонъ* занялъ свою поэму у одного Италіанскаго Комического автора, называемаго *Андреино*.

Въ прочемъ не *Виргилія*, но *Енеиду* мы должны почитать и хвалить, пусть впорая ея и четвертая книга, сочиненій *Пизандра*, *Аполлонія*, *Виргилія*, или другаго кого; имя авторово не должно прибавить ни убавить красоты у сочиненія. Хотя *Макробій* и другіе глупо упражнялись, разбирать и крипиковатъ литеры, кои составляли имя *Виргиліо*: его сочиненіи тѣмъ не меныше будущъ услажденіемъ во всѣхъ вѣки, и примѣромъ всѣмъ стихотворцамъ.

Справедливо примѣчено, что послѣдняя часть *Енейды* не столь живѣ какъ первая, не для того, чтобъ послѣднія шесть книгъ были посредственны: но для того что они помрачены блестаніемъ первыхъ; что происходитъ отъ расположения сея поэмы, и отъ существа содержанія.

ЛУКІЯНЪ.

Общая мысль, которую имѣють о семъ авторѣ, весьма справедлива. Его почитаютъ высокаго разума человѣкомъ, но не хорошимъ стихотворцемъ. Драгоценные бриліанты, его Фарсалы, хотя

хопя дурно оправлены, но свѣтлы и блестящи въ нашихъ глазахъ. *Корнелій* говоривалъ, что онъ болѣе обязанъ *Лукіану*, нежели *Виргилію*, не потому чтобъ онъ былъ столь мало разсудителенъ, чтобъ предпочелъ *Фарсалу Енеидѣ*, но для того что Авторъ, которой предлагаешь у себя истинныхъ героевъ, не имѣетъ нужды прибегать къ вымысламъ Епическихъ, но болѣе свой щотъ находишь въ мужескихъ и острыхъ мысляхъ, находящихся въ *Фарсалѣ*, нежели въ прекрасномъ описанїи и разумномъ разложенїи порядка *Енеиды*.

Господинъ *Адиссонъ* заимствовалъ *Лукіянопыхъ* красокъ, чтобъ описать *Катона*, сей древній стихошворецъ не могъ болѣе получить чести, какъ имѣть подражателями себѣ *Корнелія* и *Адиссона*, двухъ человѣкъ столь разумныхъ и преимущественныхъ ему.

Тѣ, которые прѣемлютъ начало искусства за правило искусства, увѣрены сами въ себѣ, что не можно въ Епической пѣсни обойтись безъ боговъ единственно для того, что *Иліада* ими наполнена, но боги столь мало нужны для позмы, что лучшее мѣсто въ *Лукіяновой*, [а можешъ быть и во всякой другой] есть рѣчь *Катона*, въ коей сей Стоикъ врагъ басенъ, гнушаєтъ войти и видѣть храмъ *Юпитера Амона*. Я прилагаю здѣсь переводъ *Бредѣфа*, не взирая на его погрѣшности:

„Поносную сю мы помощь, говоришъ,
„Оставимъ тѣмъ, кого грядущій вѣкъ спрашишъ;
„Чтобъ въ томъ увѣришься, что жизнь полна бѣдами;
„Что внутренной борьбы конца страшимся сами.“

„Что мужественна смерть почтеннѣе оковъ,
 „Не вопрошаю я, въ сомнѣнїи, боговъ;
 „Какъ Богъ насть въ бытіе изъ прака сотворлеть,
 „Что нужно вѣдать намъ тогда въ насть полагаешь,
 „Вездѣ Богъ есть, вездѣ онъ съ нами говоришъ,
 „Мы знаемъ, что его гибель множишъ и мягчишъ;
 „Въ томъ каждой отъ себя совѣты получаешьъ,
 „Когда лишь прелестъ чувствъ ихъ въ насть не помрачаетъ;
 „Иль мнише въ храмѣ семъ себѣ Богъ заключилъ?
 „И благодать свою лишь въ сихъ мѣстахъ скрылъ?
 „Но нуженъ ли ему иной храмъ особливо,
 „Какъ небо и земля, какъ сердце справедливо?
 „Онъ самъ содержитъ насть, онъ правитъ нами самъ;
 „Его рука ведетъ, его лучъ свѣтишъ намъ,
 „Что видимъ мы, то все его намъ возвѣщаешьъ,
 „И проч:
 „Довольно, Римляне, намъ наставлений тѣхъ,
 „Что при рожденїи имъ въ сердцѣ кладутся всѣхъ,
 „Что будешъ съ нами впредь, когда теперь не знаемъ,
 „Въ грядущи времена Когда не проницаешьъ:
 „По чѣмъ намъ суетно стараться узнавать,
 „Полезнѣй то не знать, что хочешь онъ скрывать,

Продолженіе предѣль.

ПИСЬМО.

Вотъ, государь мой! одна изъ тѣхъ двухъ сатирикъ моего пріятеля, о которыхъ я намялся съ вами говорилъ, и которыхъ вы хотѣли видѣть. Я нынѣ сообщаю вамъ одну, а и другую отъ сказъ прислать къ вамъ не умѣлю. Вы найдете въ нихъ при изрядныхъ мысляхъ [изъ коихъ нѣкоторые занятые] много неисправности въ стихахъ; но позвольте мнѣ въ защищенье господина Г... сказать, что онъ свои сатиры писалъ на двадцать первомъ году будучи должностю обязанъ, которая не позволяла ему никакъ чему много прилагаться. Онъ же никогда не выдавалъ себя за стихопворца, и не чаялъ, чтобы сїи вышли когданибудь въ свѣтъ. Онъ далъ токмо оныя мнѣ по дружбѣ, взявъ на передъ обѣщаніе никому ихъ не казать. Я свое слово держалъ, доколѣ онъ былъ живъ; но по его смерти, ошь оного я спалъ освобожденъ; по чему вамъ оныя нынѣ и сообщаю. Вотъ, Государь мой! первая.

САТИРА НА НЕВѢЖДЪ.

О! вы, что ничего не знали никогда,
Но знающими слышь желаете всегда;
Вступаешь во все и все рѣшише смѣло,
Входишь во что не зналъ безумныхъ только дѣло.
Вы мнише знаніостью почтение найтишь,
И по однимъ чинамъ учеными прослышишь:
Съ презрѣніемъ другихъ вездѣ всегда мрачите,
Надменностью своей себя лишь только яшишь;

Одумайтесь вы, прилично ли такъ вамъ
 Мрачитьшу честь, что съѣпъ почтеннымъ даъ мужамъ;
 Прилично ль мыслить вамъ, что вы отъ всѣхъ спомѣны,
 И естествомъ одни вы знаніемъ почтениы,
 Что съ вами никогда не будетъ тѣмъ сравнеиъ.
 Не такъ коль знашно кто, какъ вы во съѣпъ рожденъ;
 Въ упробѣ матерней науки вамъ открылись,
 Да жаль что ничему родясь вы не учились,
 И мил въ незнаніи искусиѣ бытие всѣхъ;
 Приводите вы тѣмъ людей разумныхъ въ смѣхъ,
 Вамъ кажется, что рожденъ лишь только знашно,
 Тому все знаніе ужъ должно бытие понятно.
 Рожденье знашное не можетъ намъ то дать,
 Что долженствуемъ мы трудами лишь снискать;
 Вы въ пышности взросли, къ чинамъ все устремлялисѧ
 И для того на вѣкъ въ незнаніи оставались.
 Изъ васъ мнитъ всякъ, что онъ и знающъ и ученъ,
 И что весь съѣпъ его дѣлами удивленъ.
 Льстецы хотъ внутренно его и презираютъ:
 Но въ очи всѣ его пристрасно похваляють,
 Онъ мня, что въ истину отъ всѣхъ онъ такъ почтенъ
 И будучи въ своемъ невѣжествѣ надменъ;
 Ругаетъ смѣло всѣхъ и всѣхъ уничтожаетъ,
 Себя лишь одного онъ только почитаетъ.
 Мой прадѣдъ въ старину былъ знашной господинъ.
Отецъ мой, говоритъ, имѣлъ великой чинъ,
 Въ дѣлахъ разсудливъ былъ и скроменъ, и опасенъ,
 И въ мирѣ и въ войнѣ врагамъ бывалъ ужасенъ;
 Предъ войскомъ на поляхъ онъ въ переди скакалъ,
 Нигдѣ ни у кого послѣднимъ не бывалъ,
 Такъ можетъ ли со мной кто въ чемъ ни будь сравняться?
 Просстой, и пересстань ты родомъ величашся,

И выслушавъ меня , дай скорой мнѣ отвѣтъ :
 Отецъ твой чѣмъ нашелъ , что чтилъ ево весь свѣтъ ,
 Виски ль онъ подвивалъ ? водами ль окроплялся ?
 Онъ вѣкарты ли игралъ ? вѣубранствѣ ль упражнялся ?
 Онъ на бѣзѣлки ли имѣнья распоточалъ ,
 И вѣроскошахъ свои забавы полагалъ ?
 Конечно иѣтъ ; не пѣмъ себя онъ вѣжизнѣ прославилъ ,
 Породокъ онъ вѣ судѣ и вѣ воинствѣ уставилъ ,
 Гражданамъ онъ своимъ полезенъ былъ всегда ,
 Не упражнялся онъ вѣ безѣльѣ никогда ;
 Такъ можно ли тебѣ сѣ отцемъ твоимъ сравниться ?
 Стыдись , и перестань такъ много ты гордишься .
 Твой прадѣдъ былъ великъ , его дѣдъ превзошелъ ,
 Поченѣе твой отецъ у всѣхъ себѣ нашелъ .
 А ты такова сынъ отъ всѣхъ лишь презираемъ
 Отъ всѣхъ несмысленнымъ бываешь почитаемъ ,
 Ты пышностю мнишь снискать хвалу себѣ ;
 Но зри , какъ многие ругаютя тебѣ ,
 Поступками людей ты вѣ мысль сию приводишь
 Что не отъ тѣхъ во свѣтѣ ты предковъ произходишь ,
 Которыхъ самъ себѣ отцами ты нарекъ ,
 Что не отъ нихъ течешъ твой нынѣ вѣ свѣтѣ вѣкъ ;
 Коль вѣ родѣ бы твоемъ всѣ постоянно жили
 Супругамъ жёны ихъ всю вѣрность бы хранили ,
 Тогда бы не такой рожденъ былъ ими плодъ ,
 Поступкомъ что своимъ мрачилъ свой только родѣ ,
 Ихъ сынъ бы имъ во всемъ и былъ всегда подобенъ ;
 А ты скажи кѣ чему возможенъ быть способенъ ,
 Лишь только дерзостно себя превозносить ,
 По модѣ куклою богатой нарядишь ,
 И расшрепавъ високъ вѣ румнахъ замарашь
 Сказашъ ч то удалось сѣ дѣвидей дѣловашся ,

Иль къ картамъ уголки искусенъ пригибать ,
Въ одинъ присѣстъ доходъ трилѣтній проиграть .
По шомъ чтобъ у скупцовъ рублямъ не залѣжаться ,
Торопиша на нихъ деревнею мѣняться ,
И деньги получа опять ихъ промошать ;
Но на конецъ какъ ихъ ужъ нѣгдѣ будешъ взять ,
Какъ роскошью твои доходы всѣ увищъ ,
И въ долгъ ростовщики давати перестанутъ :
За что , скажи за что ты примешся тогда ?

О ! вы что такъ свой вѣкъ проводите всегда ,
Одумайшеся вы между собою сами ,
Возможноль васъ за то взносиши похвалами ,
Когда достоинствъ въ васъ прямыхъ ни мало нѣть ,
Что знанно отчесшво вамъ прилагаетъ свѣтъ ,
Коль неращенъемъ вы въ пороки погрузились ,
Коль ни чему родясь въ свой вѣкъ не научились ,
Коль добродѣтели изъ сердца изтребя ,
Въ ругашельство , въ посмѣхъ даете всѣмъ себя ;
И шѣмъ достойны бывъ лишь одного презрѣнья
Возможе ль себѣ ждать отъ другихъ почтенья ?

Внемлише дцесь меня , коль слушать вамъ досугъ .
Я дать хочу совѣтъ какъ искренний вашъ другъ :
Забудьше на время что рождены вы знанно
И не ведите такъ вы молодость превратно ;
Благопристойностью свой обуздайще нравъ
И чести гордостью не раздражайще правъ ;
Не шрамя времени къ наукамъ приблѣтайшесь ,
Но добродѣтели въ началѣ научайшесь .
Сия наука намъ полезна и нужна
Съ блаженствомъ нашихъ дней она сопряжена .

Коль въ добродѣтели изъ васъ кто предуспѣшъ ,
 Тотъ справедливую отъ всѣхъ честь возымѣшъ .
 Но ешьли вы въ страстиахъ свой поведете вѣкъ ;
 Тогда пренебрежетъ васъ честной человѣкъ .
 Хоть ваши были бы отцы полубогами ,
 Но вы своими коль унизищесь дѣлами ;
 Тогда позѣрте всѣ васъ станутъ презирать
 И вашихъ всѣхъ бѣсѣдъ , какъ язвы убѣгать ,
 Вы въ жизни горестной свсіи дни поведете
 И жалости ни въ комъ къ себѣ ужъ не найдете .

ПОСЛѢДОВАНІЕ

О ИСТОЧНИКѢ СТРАСТЕЙ.

О скучности.

Золото и серебро могутъ быть почтаемы ма-
 шерими прѣятными зѣнію ; но ешьли бы
 мы не желали въ полученїи оныхъ ничего иного ,
 кромѣ удовольствія , производимаго блескомъ и
 красою сихъ металловъ , тобъ скупой доволь-
 спивался вольнымъ зѣніемъ богатствъ ; собран-
 ныхъ въ народныхъ сокровищахъ . Но какъ сїе не
 удовольствуетъ спрасть его : то надлежишъ
 скупому , въ какомъ бы то родѣ ни было , же-
 лашь богатства считая оное обмѣною всѣхъ ве-
 селій или исключеніемъ всѣхъ болѣзней при-
 соединенныхъ къ бѣдности .

Я скажу, положив съе основаніемъ, что
человѣкъ чувствуя по сложенію своему, покмо
увеселенія тѣлесныя, долженъ полагать въ нихъ
всѣ свои желанія; и такъ спрашь къ роскоши
къ великолѣпію, къ празднествамъ и къ домо-
вымъ уборамъ, есть ничто иное, какъ посторон-
ная спрашь, не обходимо произведенная тѣле-
сными нуждами любви или сластолюбія. Самымъ
дѣломъ какія дѣйствицельныя веселія съя ро-
скошь и великолѣпіе произвести могутъ въ че-
ловѣкѣ сластолюбивомъ, скупомъ и склонномъ
къ женщинамъ, естълибъ не почиталъ онъ ихъ по-
средствомъ нравиться онымъ и получить отъ
нихъ знаки благосклонности, или когда бы онъ
не лъстился обманывая людей, принуждать ихъ
слѣпою надеждою награжденія, удалить отъ
себя всѣ скорби и приближить всѣ веселія?

Въ таکовыхъ сластолюбивыхъ скупцахъ, ко-
торыхъ прямо симъ именемъ и называть не дол-
жно, скупость производится точно опасностью
отъ печали и любовью къ веселію тѣлесному;
но какимъ же образомъ скажутъ мнѣ? оная же
любовь къ веселію, или оной же страхъ отъ пе-
чали могутъ произвестъ оную въ прымыхъ ску-
пыхъ людяхъ, въ тѣхъ нещастныхъ скупыхъ,
которые никогда не мѣняютъ свои деньги на
веселы: я скажу на то, что хотя онѣ и живутъ
въ непрестанномъ недостаткѣ самонуж-
нѣйшаго, и хвалятъ себѣ и прочимъ веселье
привязанное ко владѣнію золота, но то дѣлаютъ
только чтобъ ссыпать и здѣлать себя не чув-
ствительными къ такому нешастію, о которо-
ромъ никто не хочетъ и не долженъ сожалѣть.

Сколь

Сколь ни удивительно противорѣчие находящееся въ ихъ поведеніи съ причинами побуждающими ихъ къ симъ поступкамъ: я буду однако стараться изъяснить причину, для чего они желая все да веселья, непрестанно отъ онаго удаляются.

И такъ я возму во первыхъ въ разсужденіе, что сей родъ скучности происходит отъ безумнаго страха быть бѣднымъ и возчувствовать ко оной привязанныя печали. Скулье много подобны болящимъ иллюхондрею, живущимъ въ непрестанномъ страхѣ отъ смерти, имъ кажется все опаснымъ, все ихъ упѣсняетъ и все ихъ давитъ, что къ нимъ ни приближится.

Скулье симъ подобные находятся болышею частию между людьми, рожденными въ бѣдности испытавъ уже собою какія болѣзни ей слѣдуютъ, прощающееся имъ сіе дурачество скоряе, какъ такимъ, которые родились въ изобилии, между которыми и находятся почти всегда такие скучные, которые любятъ роскошь и великолѣпіе.

Чтобъ показать какимъ образомъ въ первыхъ опасность потерять нужное, принуждаешь ихъ онаго лишаться добровольно: то положимъ что одинъ изъ нихъ угнетаемъ будучи игомъ бѣдности, вздумаешь отъ оной свободиться, когда оснуется въ своемъ намѣренїи, надежда оживляешь его душу, упѣсненную такъ сказать бѣдностью, возвращаешь ему бодрость, принуждаешь его искать милостивцовъ, привязываешь его въ передней у его покровителей, принуждаешь его вплетаться въ дѣла у Министровъ, пол-

затъ

зать передъ большими и опредѣлить себя къ самой скучной жизни до полученїя такого мѣста , которымъ онъ можетъ защищиться отъ бѣдности. Дошедъ до сего состоянїя веселіе будетъ ли единственнымъ предметомъ его исканія ? въ человѣкѣ свѣтлая робкаго и недовѣряющаго ; по моему положенію , свѣжая память претерпѣнныхъ имъ болѣзней , должна съ начала влѣять въ него желаніе свободиться отъ оной и принудишь его , въ разсужденіи сего намѣренія , описывать себѣ въ тѣхъ нуждахъ , которыхъ онъ привыкъ уже лишающія бѣдностью . будучи на конецъ безопаснѣ съ сей спосы , еспѣли оной человѣкѣ дошелъ до трипцата пяти , или до сбрука лѣтъ и не чувствуешь уже столь сильно въ сердцѣ своеи любви къ веселю , которой живность убавляетъ каждую минуту , что будетъ онъ тогда дѣлать ? разборчивѣ будучи уже въ весельяхъ , еспѣли онъ любишъ женской полѣ , то надлежитъ ему любишъ лучшихъ , и которыхъ бы любовь покупалась дорожѣ ; и такъ онъ будетъ стараться достичь новое богатство ко удовольствованію новыхъ своихъ вкусовъ , еспѣли же въ то время , которое онъ употребитъ къ полученію онаго , недовѣренность и робость прибавляющаяся съ лѣтами , и который почитать можно дѣйствомъ чувствованія нашей слабости , докажутъ ему , что въ богатствѣ сущности не бываетъ , и довольно никогда не довольно ; и еспѣли жадность его будетъ равна любви его къ веселю : то онъ будетъ тогда покоренъ двумъ разнымъ влечениямъ ; для послушанія обоимъ покажетъ онъ въ себѣ , не отрицаясь однако со всемъ отъ веселія , что онъ долженъ

жень по крайней мѣрѣ отложи наслажденіе онаго до тѣхъ поръ, когда имѣть больше богатства будешьъ, и ужѣ въ состояніи упражняться, настроющими своими веселоспѣми не опасаешься будущаго. Въ семъ же новомъ времени употребленномъ имъ на собаніе сихъ новыхъ богатствъ ешьли лѣша здѣлающъ его со всѣмъ не чувствительнымъ ко удовольствію, перебѣгни ли онъ образъ своей жизни? отстанешь ли онъ отъ привычекъ здѣлавшихся ему весьма дорогими, по не способности прилѣплѣться къ инымъ? Нѣтъ, безъ сумнѣнія доволенъ будучи зреищемъ своихъ сокровищъ, полагаетъ еще для себя возможность удовольствій, которыми богатство служитъ обмѣною поддашися со всѣмъ обыкновеннымъ своимъ упражненіемъ для избѣжанія болѣзней тѣлесныхъ, привыканныхъ къ скучѣ; сверхъ того будешъ при спарости тѣмъ еще скучяе, что привычка збирать, не будучи уже умѣрена надеждой пользоваться, будешъ болѣе подкрепляема природною опасностью недоспака, свойственною спарости.

Заключеніе сей главы состоимъ въ томъ, что чрезвычайная и смѣшная опасность отъ напастей, привыканныхъ къ бѣдности, причиняетъ мнимое пропиорѣчие въ поступкахъ нѣкоторыхъ скупыхъ съ причинами побудившими ихъ къ тому: симъ - то образомъ желая они веселья, лишаються онаго всегда скупостью.

Продолженіе преды.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

Хелая пользоваться своими путешествиями, я скоро предпрялъ я вторичное. Дѣло состояло только въ томъ, чтобы выбрать такъй свѣтъ, въ которомъ бы не самое то найти было можно, что въ прежнемъ уже я видѣлъ. Я вознамѣрился войти въ голову молодой кѣтки, не чая, что бы чья другая могла быть столь не сходственна съ Философовою головою.

Въ началѣ хотѣлъ я посѣтить сердце, уповая его быть живое и чувствителнѣе головы. Я къ тому приготовился, увидя пепиметра похвалять ее намѣряющагся и съ звономъ словъ его вошелъ въ ухо красавицы. Удивленіе мое было велико, увидя себѣ въ мозгѣ. Я ласкался, что столь нѣжныя слова доведутъ меня прямо до сердца; но тутъ я свѣдалъ, что достиженіе до онаго подвержено великимъ затрудненіямъ. Чудовище, называемое, гордость, охраняло въ него входы, оноже всегда окружено льдомъ и снегомъ отъ чего не проѣздны къ нему всѣ дороги. Въ некоторое только время подымашающееся съ нискихъ мѣстъ пары распаяваютъ окружные снѣги. Само чудовище отъ сей отшепели бываетъ въ страхѣ и смѣшени; и топъ, кто умѣетъ способнымъ пользоваться часомъ входитъ тогда въ крѣпость. Но увѣряю, что въ ней не здоровъ воздухъ, отъ котораго никто на долгое не остается мало времени. Читатель долженъ быть дозволенъ симъ описаниемъ, которое я ему предлагаю.

лагаю оно по исправлѣніи сочинено запискамъ а я пошерялъ ужѣ склонность повторять въ та
кія государства свои путешествоія.

Однако, будучи ужѣ въ головѣ взялъ намѣре-
ніе ее осмотрѣть. Въ ней на площади гораздо
большее было въ безпорядкѣ движеніе, нежели въ
Философовой головѣ. Я думалъ, что я на большої
ярмонкѣ; спремышльное теченіе всякого рода
чувственности, наполняя всѣ пять улицъ чувствъ
впадали въ площадь, изъ оныхъ острѣйшие и
легчайшие входили окнами въ амбаръ памяти,
которая ихъ въ порядокѣ привести нимало не
старалася. Я примѣтилъ только что она от-
дѣляла лишь тѣ, на которые указывали ей нѣ-
какіе присланники отъ Царицы. Я спросилъ у
одного изъ нихъ, возможно ли мнѣ увидѣть
государыню споль примѣчанія достойныя зе-
мли. безъ всякого затрудненія, отвѣталъ онъ,
вездѣ ее можно видѣть: такъ я увижу, вскри-
чалъ я душу! я и чаялъ что сїя не станетъ
такъ укрываться какъ Философа; что ты гово-
ришь о душѣ? сказалъ онъ, мы никакой здѣсь
не знаемъ; наша государыня есть вѣщество пріят-
ное и оживленное, предметъ нашего почтенія
и искренности. Спѣши скорѣе пастъ къ ея спопамъ:
она определенно жалуетъ новопрѣбужихъ.

Я вошелъ въ палаты, увидѣлъ на престолѣ
точное прекрасное малое подобіе того тѣла, въ
которомъ я былъ. Ето была ихъ государыня и
начало всего въ семъ маломъ свѣтѣ произшествія.
Самолюбие было ея наперстникомъ, поображеніе
отправляло должностъ первого Министра а при-

Хоть имѣла подъ нимъ главное начало, съ ними
рѣзкость, сущность и тщеславіе съ двумя,
или тремя еще пристрастіями, сосипавляли ея
севѣшъ. Удивляясь сему учрежденію, спросилъ я
у одного изъ придворныхъ, не имѣетъ ли ихъ
Царица Министра, называемого разсудокъ? На
одинъ день, сказалъ онъ, появился было онъ у двера,
да его слушать не похотѣли; его совѣты были
старого вѣка. Онъ бы всѣ дѣла нашей Госуда-
рыни привелъ въ безпорядокъ. Однѣ забавы бѣза-
ющѣ упражненіемъ нашей любезной Самодержицы
а завоеваніе сердецъ первымъ предметомъ всѣхъ ея
подвиговъ. Сей старой вранъ, о кошоромъ ты упо-
минаешь, помутилъ бы всѣ наши уображеніи и
подѣ его правленіемъ, не завоевали бы мы въ
цѣломъ годѣ двухъ сердецъ. Мы всѣ согласно про-
тивъ его вошли, и Царица отогнала его отъ
двора на вѣкъ. Берегись о немъ говорить и не
показывай что ты его знаешь, а иначе худо бу-
дешъ принятъ. Войди въ совѣтъ, продолжалъ
онъ, гдѣ всѣ услышишь разсужденія. Какъ? спро-
силъ я у него, возможно ли чужестранцу вхо-
дить въ такое мѣсто. О! сказалъ онъ, тебѣ
тамъ и не примѣтишъ. Въ немъ члены такъ
часто перемѣняются, что государыня никогда
ихъ всѣхъ не знаетъ. Наперстники съ пѣши-
или съ шеспью особами, которыхъ ты увидишь
въ первыхъ, мѣстахъ бывають лишь непремѣн-
ными. Я вошелъ: тщеславіе предлагало собра-
нію, что видѣли прекрасного пепимешра, ко-
тораго завоеваніе сердца весьма важно, и что
оно удобно паче прославить побѣдоносное цари-
цыно оружіе. Всѣ единодушно съ восклікані-
емъ опредѣлили учинить на онсе нападеніе.

Нача-

Начал ужे разсуждать о способахъ, коими произвѣсти намѣреніе въ дѣйство. Но приходить зачашь говоришь, сказала грубымъ голосомъ: теперь хорошо время, поидемъ прогуливаться. Царица встала и часть ея двора пошли за нею въ сада. Она мимоходомъ меня примишила и оказалъ мнѣ милосердію улыбкою свое благоволеніе, приказала до своего возвращенія показать мнѣ всѣ рѣдкости своего двора. Топѣ, кому сїе было поручено, провелъ меня чрезъ многія залы, галлереи и кабинеты, въ которыхъ все имѣло видъ роскоши. Въ нихъ единственность уборовъ меня удивила, спѣны вмѣсто обой, уbraneы были зеркалами. Наша государыня, сказалъ мой проводникъ, всегда желаетъ себя видѣть, и нѣтъ для нея пріятнѣе предмѣта, какъ зреѣть во всѣхъ странахъ, куда ни обратитъ взоры свой образъ. не сколько любить она картины, которыя паки видишь промежъ зеркаловъ: дальнія представляютъ ея прошедшія побѣды, ближнія канутъ пѣ, которыя она въ передѣ произвѣсти намѣрена. Въ нихъ найдешь ты всякаго званія людей: придворныхъ, военныхъ и испанскихъ только все пепимѣровъ; а разумные люди своею твердостію и постоянствомъ, не заслуживають нашего о себѣ примѣчанія.

Вспоминая о свѣтѣ Философа, хотѣлъ я знать, не были ли въ немъ чего съ симъ сходнаго. Доведи меня, сказалъ я своему проводнику, до комнаты размышенія. Я люблю спрашивать, какъ отдаляется здесь сила отъ всего содѣянія. Очемъ ты говоришь? спросилъ онъ, я не знаю своего размышенія, ето топъ офицеръ, говорилъ я, которой чрезъ искуснаго химика перев

гоняетъ всѣ идеи, чѣобѣ ошѣлипъ отъ нихъ однѣ спирты. А! а! сказалъ онъ, теперь мнѣ помнился, что я онихъ слыхалъ оныя производства были хороши для спарого вѣка а нынѣ они годны однимъ только педантамъ. Мы ихъ здѣсь не знаемъ. Размышенїе оставило дворѣ вмѣстѣ съ разсудкомъ. У насъ одно поображенїе на все достаточнно. Царицѣ нужно вѣдать только поверхность вещей. Ея Министръ предлагаепъ ей миниатурные всему картины, а на нихъ утверждаяся дѣлаетъ она свои опредѣленїя. Признайся, что сїе довольно награждаетъ всѣ опредѣленїя твоего химиста. Войдемъ въ кабинетъ къ Министру продолжалъ онъ, гдѣ ты увидишь его упражненія. Я дѣйствительно увидѣлъ паргаментовые свертки, на которыхъ нѣжною кистью представлены были разного рода фигуры. Я подумалъ тогда, что передо мною лежатъ Георгиевскія древнихъ Египецкихъ священниковъ книги. Вотъ, сказали мнѣ, на что съ испиннымъ пянятіемъ можно положиться и вѣть справедливыя мѣры. Разсмотріи образъ сего кавалера не увидишь ли въ немъ съ первого взгляда благородной видѣ и прекрасной станѣ? до внутренности что намъ нужды? Въ прочемъ же по наружности легко можно и отомъ здѣлать заключеніе. Посмотри на сїе множесіво плѣнныхъ, прикованныхъ къ побѣдоносной колесницѣ. Всѣ швои перегоненные черезъ кубъ идеи удобныли изѣяснипъ съ такою силою всю славу, слѣдующую завоеваніямъ двухъ прекрасныхъ глазъ.

Съ трудомъ удерживался я отъ смѣха, въ семъ освященномъ государственномъ мѣстѣ. По щастію мой проводникъ изъ сего принужденія меня

меня вывелъ. Слѣдуй мнѣ сказалъ онъ, еще важные сихъ мѣста осталось тебѣ показать. Пойдемъ въ арсеналъ. Какъ? вскричалъ я, здѣсь есть арсеналъ. А для чего ему не быть? спросилъ онъ, не всякой ли побѣдитель имѣть его долженъ? По сихъ словахъ привелъ онъ меня въ пространной дворъ, окруженней спроеніемъ сложной Архитектуры, которое казалось сооружено изъ форфора и Китайского лака.

Весь стопъ дворъ наполненъ былъ военными припасами, состоящими въ одноколкахъ, коляскахъ разнаго рода подъ Маршевымъ лакомъ каретахъ. Въ нихъ дерева было очень мало, они состояли почти всѣ изъ стеколъ. Далѣе видимы были въ беспорядкѣ всѣ трофеи, президенскія брыжи абатскіе скуфы, сфицерскіе плюмажи, опукупщицкіе съ серебромъ сундуки, съ ерьхъ сныхъ лежали окрововленныя сердца и повредившіяся умы. Съ другой стороны подъ обшиною кровлею тысячи работниковъ, употреблены были къ дѣланію бѣлизнъ и румянъ. Тайна отмѣннаго оныхъ производства, была въ вѣре одному и крѣннему человѣку. Тутъ гнали разныя благовонныя вѣды и масло. Первая придворная болярия имѣла главное въ семъ арсеналѣ начало.

По шомъ вошли мы въ одно сгромное зданіе, гдѣ увидѣлъ я превеликую залу, уставленную вкругъ хрустальными шкафами, наполненными разными плащами, головными уборами, кружеvами, лентами и прочимъ. Изъ сей залы была дверь въ одну маленькую камеру, въ которой содержалось все отмѣнно нужное къ уборно-

му сполу. Я примѣтилъ, что не было въ ней ни одного прозрачнаго шкафа; но всѣ еще за замками. Мой проводникъ сказалъ мнѣ на ухо, что въ нихъ содержашся нужные отъ дурной погоды и нездороваго воздуха, лѣкарства.

Нѣкакое подобіе жертвенника, которой называли уборныиъ столъ, привлекъ на себя мои взоры; онъ былъ посвященъ красотѣ. Одна изъ придворныхъ госпожъ отправляла должность первосвященницы; бѣлила, румина, мушки, помады, благовонныя воды, наилучшимъ порядкомъ раздѣленныя по баначкамъ, горшечкамъ и скляночкамъ, казались приготовленнымъ приношениемъ того мѣста божеству. Первосвященница была погружена въ глубокихъ мысляхъ; но чтобъ сїе важное дѣйствіе не помрачило красоты царицыной: молодой Аббатъ долженствовалъ о всякихъ новизнахъ съ нею разговаривать, или что нибудь передъ нею читать.

Близъ сея камеры была ея библіотека, въ ней книги на двѣ раздѣлялись части. Одни историческія, другія о наукахъ. Въ первой, новѣйшіе романы и всѣ любовныя описанія, въ послѣдней, разныя странныя сочиненія, изъ коихъ важнѣйшимъ любопытству читательству реестръ при семъ прилагаю.

О уборахъ женскаго пола 50. книгъ въ листѣ.

Трактатъ о выборѣ кѣ сраженію мѣстѣ: 1. о гульбищахъ, 2. о представленіяхъ, 3. о балахъ, 4. о вечернихъ сполахъ, 4. книги въ четверть листа.

Искусство налѣнить по пристойности мушки, 2. книги въ восьмую долю листа въ лицахъ.

Искусство производить въ дѣйство дарованія естества, гдѣ исполковано какъ поводиши глазами, какъ веспи голосъ, а особливо какъ должно картизить и проч. 4. книги въ двенадцатую долю листа.

Поправленіе естественныхъ недостатковъ 12. книгъ въ двенадцатую долю листа.

Сатиры на скромность, на нѣжныя чувства, на постоянство, на вѣрность и проч. въ восьмушку.

Препровожденіе времени за уборнымъ споломъ, сїе состояло въ басняхъ, пѣсняхъ, епиграммахъ и прочемъ, болѣе тридцати книгъ.

Нужное свѣденіе свѣтскимъ женщинамъ о Философіи, Исторіи, Географіи и проч. изданіе моднаго писателя въ шести спраницахъ, въ двадцать четвертую долю листа.

Просмотрѣвъ въ скорости сю любопытства достойную библіотеку, возвратился я къ уборному сполу. Приманчивые взгляды, улыбки и ужимки училися передъ зеркаломъ. Я долго смотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Нижѣ Прусская пѣхота можетъ лутче дѣйствовать ружьемъ и производить свои движения. Двумя скрипками и одною флейточкою данъ былъ сигналъ, по которому всѣ сїи войска построились въ боевой по-

рядокъ. Кокетство имѣло главную надѣяни
команду, прельщающа поступль была дежур-
ныи Генералъ-Майоръ. Дѣло состояло въ заво-
ванїи сѣрдца пого пепиметра, о котоюмъ я гово-
рилъ. Смѣхи и забавы составляли авангардю, или
передовой полкъ. Въодно мигновеніе ока окружили
снѣ непрѣятеля, и все войско подступило. О-
стрые взглѣды поразили пепиметра. Царица
приспѣла сама къ мѣсту его паденія, желая поль-
зоваться своею побѣдою. Но вдругъ тошъ, кого
она чаяла бытъ побѣжденнымъ, вставѣ запѣлъ
пѣсню и здѣлавъ прыжокъ скрылся въ воздухѣ,
какъ легкіе пары. Или уларъ на него былъ недѣй-
ствителенъ, или какъ узѣрялъ армейской шапки-
лѣкарь, сей родъ людей не имѣетъ сердецъ,
и смертельно пораженъ бытъ не можетъ.

Царица будучи оскорблена симъ приключени-
емъ, приняла намѣреніе стараться о побѣдахъ,
кои бы сихъ были славные. Воображеніе гова-
ривало ей нѣкогда о одномъ прекрасномъ госпо-
динѣ, воспитанномъ въ истинномъ понятіи
наукъ и свѣтскихъ обычаевъ. Вотъ побѣда ска-
зала царица, удобная восстановить честь моего ору-
жія. По сѣмъ скоро вышло повѣленіе производить
сѣ предпрѣятіе въ дѣйство. Господинъ засѣлъ въ
крепость, которую разумѣ и частые опыты
укрѣпили; его въ ней и окружили. Царица упо-
требила всѣ свои силы и искусство, но какъ о-
кружныя мѣста были почти не проходны, а оса-
женные наполнены храбростю и осторожностью:
то и осада продолжалась безъ успѣха. Царица
будучи не довольна своими Генералами, поручи-
ла правление войскъ и осаду города Любпи. Сей
насмѣшной

насмѣшнои богъ предпрѣялъ употребить епопѣ
случай въ свою пользу, чтобъ оправдати царицѣ
за то что она ему ложное всегда почтеніе при-
носила въ даръ. Онъ обольстилъ прихоть; сей
измѣнникъ отворилъ ему потаенную дверь отъ
сердца своей государыни, которыми любовь овла-
дѣла.

Царица въ смятеніи предложила своему не-
прѣятелю мирные договоры, которые состояли
въ томъ, чтобъ соединить ихъ государства подъ
общую ихъ власть; но гордой ея непрѣятель
отвѣтствовалъ ей, что ихъ подданные не тако-
вы, чтобъ могли ужиться въ одномъ сообще-
ствѣ. Онъ совѣтовалъ ей отступить отъ крѣпости
ночью тайнымъ образомъ великодушно обѣщевая
не превозжитъ ея въ отступлѣніи. Здѣсь чиша-
тель ты долженъ простить мнѣ, что я не здѣ-
лаю описания о всѣхъ произшествіяхъ въ той
головѣ въ которой я былъ; мое перо къ тому
недостаточно. Въ одно мигновеніе ока все приш-
ло въ беспорядокъ. Воображеніе помутилося на-
перстникѣ *самолюбіе* впало въ смертельную
болѣзнь, *Тщеславіе* жестокою заболѣло горяч-
кою. Царица, перебила въ досадѣ часть своихъ
веркалъ и въ первомъ жару приказала зжечь
свой арсеналъ. Не хочу я, говорила она, видѣть
тѣ орудія, кои столь худо въ исполненіи моего
желанія служили. *Тщеславіе* не взирая на свою
горячку, сохранило столько твердости разума,
чтобъ ей представить, что меныше взыскивать
должно на орудіяхъ, нежели на той, кошорая ими
управляя безъ сумнѣнія не исправила своей дол-
жности.

Царица

Царца ему за таковой совѣтъ милосердиво възблагодарила , а госпожу имѣюшую надъ арсеналомъ смотреніе, со спыдомъ выгнала изъ своего двора лаская себѣ въ передѣ не минуемыми въ предпрѣятіяхъ удачами. Послѣ сего скоро настало прежнее спокойствіо. Я пользуясь сею тишиной избѣжалъ проломомъ учинившимся во время неспокойства.

ПИСЬМО

О нѣжныхъ , великодушныхъ и безкорыстныхъ чутепопаніяхъ ,

Я нѣкогда вамъ , государыня моя, говорилъ , что всѣ тѣ чувствованія каторыя мы называемъ обыкновенно великодушными и нѣжными, такъ же и всѣ дѣйствія сколь намъ ни кажутся безкорыстны , происходящіе единственно отъ нашего самолюбія , отъ той любви , которую всякое животное съ природы собственно къ себѣ имѣетъ . Васъ , казалось съ начала шо удивило . Великодушное ваше сердце обыкнши споль часто предпочитать пользу друзей вашихъ своей собственной , представило вамъ мой предлогъ ложнымъ ; но ясностью разума вашего , тошчасъ правость онаго возвчувствовали . Одна минута размышиленія васъ со мной согласила ; и вы сами уже основаніе моей мысли узнали .

Теперь вы хотите , чтобъ я вамъ представилъ со всею подробностью ея правила и околичности

ности. Съ радостью, государаня моя повелѣніе
ваше исполню: естьли по правда, что здраво раз-
суждать не можно о чувствованіяхъ нѣжныхъ ихъ
не имѣя: то съ кѣмъ могу споль пріятно изѣяснишь
сю матерію, какъ съ вами. Мое щаслие будетъ со-
вершенно, когда вы симъ описаніемъ будеше доволь-
ны. Я живле доказать могу дѣло такого рода, къ
вамъ обѣ немѣ писацъ; для того, что доходишь
до совѣщенаго въ томъ успѣха, не одинъ въ
дѣйствіи нуженъ разумъ: должно чтобъ и сердце
говорило; и равно какъ разумъ нашъ оживляется
по мѣрѣ тѣхъ людей съ кѣмъ мы разговарива-
емъ, такъ же конечно и между сердцами дѣй-
ствія находятся, когда еще я только размышилю,
что пишу о чувствованіяхъ къ любезной М...
какую нѣжность съ сею мыслею вдругъ чув-
ствую!

Сверхъ того и топъ еще имѣю выигрышъ
въ представлениіи вамъ моего мнѣнія: счиная
его справедливымъ, знаю, что вы чаще всѣхъ
имѣете случай удостовѣришься въ томъ сами
собою.

Я считалъ, государаня моя, что первомъ луш-
че могу исполнить то, чего вы отъ меня ожи-
даете. Естьли бы только нужно было краснорѣчіе:
тобъ я предпочелъ вашъ разговоръ, и видѣ бы
вашъ наградилъ мои недостатки. Но когда дѣ-
ло дошло до размышленія, порядка и точности
то я разумѣлъ, что исправнѣе буду въ моемъ
кабинетѣ, нежели въ глазахъ вашихъ.

Естьли мы посмотримъ хотя съ малою при-
лѣжностію на движенія нашей души: то мы
конечно

конечно не будемъ сумнѣваться , что всякой изъ
насъ имѣетъ къ себѣ любовь природную и не-
побѣдимую и любовь ко всему тому , что спо-
собствоватъ можетъ къ его благополучію . То
чувство , которое я называю , *самолюбіемъ* , не
обходило свойственно всякой твари смысленной ,
для того что не можно полагать никаковой ,
имъ не оживляемой . Чтобъ тварь себя не люби-
ла , тобъ надлежало ей себя не понимать и не
имѣть внутренняго чувства , своего бытія ; или
лучше сказать , быть не свойственной къ чув-
ствованіямъ , то есть , не смысленной ; по тому
что тварь , которая себя не понимаетъ и не
имѣетъ чувствованій , есть скотъ .

Любленіе **самого** **себя** , есть главной подвигъ
управляющій смыслами ; онъ ихъ доводитъ до
превозможенія *лѣности* , или природной уныло-
сти , склоняющей ихъ къ покою и побуждающей
къ усиленію включенному въ дѣйствіе . Безъ сего
главнаго подвига , не было бы никакого способа
привести ихъ въ движеніе и учредить дѣйствія .

Вы мнѣ скажете , государя моя , что вы
дѣлаете все согласное повелѣніямъ божіимъ въ
доказательство послушанія , которыми вы долж-
ны творцу своему : конечно хорошо , справедли-
во и хвально повиноваться существу всесовер-
шенному , которому мы всемъ должны ; и не
сомнѣнно нужно повиноваться существу всеще-
друму , справедливому и всемогущему : но вы
видите , что всѣ сїи подвиги имѣютъ свою си-
лу отъ любви , которую каждой къ себѣ имѣетъ .
Если бы вы себя не любили и благополучіе бы
ваше

ваше въсѣ не прогало : вы бы не могли болѣсь гнѣва божія, и не желали бы отъ него любви и награжденія. Вы, можетъ быть, скажете, что вы дѣлаете добро, въ соотвѣтствіе правилу, что оно преимущесівенное всегда въ своемъ естествѣ зл. Но естьли бы ваше совѣщеніе вамъ не споль было любезно : какую бы пріятность находили вы въ сномъ правлѣ ? и для чего бы вы хотѣли ему послѣдовать ? Конечно тогда вы мало бы старались разсуждать здраво или ложно. Наконецъ, естьли вы дадите волю говориши своему сердцу, не управляя его ясностю вашего разума : вы конечно мнѣ скажете, чтобы вы здѣлали такое и такое благодѣяніе, помогли бы бѣдному, отдали бы часть своего имѣнія другу для единственного удовольствія произвести доброе и великодушное дѣло ; но сами вы на сей предлогъ можете себѣ отвѣтствовать : безъ любви, которую я къ себѣ имѣю, для чего бы я желала сего удовольствія ? или, лучше какое бы я удовольствіе находила въ семъ великодушномъ дѣлѣ, естьлибѣ я не любила свое собственное совершенство ? Такъ, доказано что любовь къ себѣ свойственна всякой мыслящей твари.

Положивъ сѣ мы, ужѣ можемъ заключить, что нѣтъ такого самопроизвольного дѣйствія, которое бы противилось сей любви. Но сего еще не довольно, должно доказать, что онъ всѣ отъ нея происходятъ, какъ отъ начального своего источника.

Самолюбіе, или любовь къ себѣ и къ своему благополучію есть, какъ мы ужѣ сказали, первое движение и главной подвигъ всѣхъ нашихъ

дѣйствій; но мы еще имѣемъ въ разныхъ пред-
метахъ великое множество подвиговъ особливыхъ
и ому подчиненныхъ, по мѣрѣ предметовъ
представляющихся намъ такъ какъ добро способ-
ствующее къ нашему благополучію, или какъ
зло могущее то возмутить. Отъ различія сихъ
подвиговъ и отъ дѣйствій ихъ надъ нами, рожда-
ется разность чувствованій и нравовъ. Тѣхъ людей,
которые единственно любя свой покой, чувстви-
тельны только къ благосостоянію своего тѣла
и ко удовольствію жизни, мало уважаютъ со-
стояніемъ прочихъ людей, называю я ко-
рыстными, преисполненными самолюбіемъ не-
правымъ, и о которыхъ говоримъ, что они только
себя любятъ. Тѣхъ, которые считаютъ въ
богатствѣ верхъ своего благополучія, называю я
скучными, и такъ прочихъ. Ихъ чувствованія
никогда по мѣрѣ подвиговъ, къ которымъ онѣ при-
лагаются. Напротивъ тѣхъ, которыхъ вкусы
будучи чище и выше имѣютъ довольно силы и бо-
дрости подняться сверхъ низкой боязни приклу-
чающейся отъ сѣдности, болѣзни и худо-со-
стоянія подлымъ душамъ, которые только чу-
вствительны къ совершенству своего духа, всего
больше желая производить дѣла достойные тако-
выхъ великихъ склонностей, которые считаютъ,
что жертвовать свою жизнью отечеству, здѣшашь
добро другу, помочь бѣдному, суть дѣй-
ствія добра о еспесива; тѣхъ называю я велико-
душныи и безкорыстными. Ихъ чувствова-
нія велики и благородны, но вы видите, госуда-
рыня моя, что онѣ всѣ происходящѣ отъ само-
любія; отъ той любви, съ которой мы изыски-
ваемъ совершенства нашего существа. Удоволь-
ствіе

спвіе , котоroe паходимъ въ великодушномъ дѣлѣ , конечно тому доказательствомъ . Ешь либъ человѣкъ великодушной не счишалъ такое дѣйствїе , способомъ къ его совершенству : онъ бы его не производилъ ; еслибъ онъ не любилъ своего совершенства : онъ бы не сиаился его приращать дѣлами отмѣнными ; но ешьлибъ онъ себя не любилъ , для чего бы его совершенство ему было любезно ?

Есть примѣры , которые , можетъ быть , пред-
ставятся противны моему разсуждению ; да и въ
наше ужѣ время владычество любви , подаетъ при-
мѣчательныя . Часто видимъ мы любовниковъ столь
прилѣпленныхъ къ своимъ любовницамъ , что ка-
жется они себя со всѣмъ забываютъ ; но сїе ни
что иное , какъ то , что онѣ уничтожаютъ дру-
гихъ свои преимущества , для того , чтобъ имѣть
любовницу любезную , и ушѣшаться попеченія-
ми своими о ней , о ея удовольствіи и благополучіи . Сїе ушѣшеніе признаюсь имъ чувствител-
нѣе другова ; но тѣмъ самымъ , что оно ихъ самихъ
ушѣшаєтъ , премущество его , ими даваемое , не
мѣшаєтъ моему правилу .

Но настоящій любовникъ , скажутъ мнѣ , ты-
сячу разъ чувствителнѣе къ добру или злу ,
касающемся до предмета его любви , нежели
ко всему тому , что съ самимъ имъ случиться
можетъ : конечно пропизъ того не спорю ; а бо-
льѣ желаю , государыня моя , удостовѣришь въ
въ сей правдѣ : но она такъ же не пропивна мо-
имъ правиламъ ; любить тоже , что желать чѣго
добра . И такъ свойственно намъ чувствовашь
ушѣшеніе , когда мы видимъ нашу волю , или же-
ланіе исполнено ; и легко , можетъ статься , что

когда всѣ наши мысли заняты нашей любовницей: мы уже мало прилѣжимъ о другихъ вѣщахъ, которыя собственно до насъ принадлежатъ. Хотя человѣкъ взявъ на себя постоянство и твердость, можетъ удерживать себя отъ излишней чувствительности къ добру или злу ему самому приключающемуся; хотя разсудокъ ему, говорить, что мудрый не вдается скоро восторгу радости, и что великая душа не унываеиъ въ напастяхъ: но сихъ подвиговъ онъ уже не имѣетъ, когда то коснется до любимой имъ особы. Туже самую нечувствительность, которая ему пожалѣна казалась, въ вещахъ до него собственно принадлежащихъ, онъ бы почелъ себе порокомъ, еслѣлибъ она была для его любовницы или и для друга.

Былъ конечно не одинъ человѣкъ, которой вамъ говорилъ, государыня моя, чтобъ онъ съ радостью жизнь свою за васъ отдалъ; и вы можете быть принимали сїи увѣренія за обыкновенные увеличиванія любви: но еслѣли кто изъ нихъ былъ великодушенъ: [какъ то счишать и должно, по тому что онъумѣлъ васъ любить такъ, какъ вы достойны] я увѣренъ, что онъ говорилъ правду. Ещо разсужденіе васъ можете быть удивитъ, послѣ того, что я сказалъ: но я не думаю и шѣмъ отойти отъ своихъ правиль.

Отдать свою жизнь, для спасенія другова, покажется съ начала настоящимъ отрицаніемъ самого себя, и совершеннымъ безкорыстіемъ, для того что ужѣ не чего ожидать отъ любовницы послѣ смерти. Какой выигрышъ счишать можно

жно отъ такого дѣла? Есъли мы разсмотримъ прилѣжнѣе: то найдемъ въ подвигахъ его произведшихъ, то что утверждаетъ мое правило.

Любовнику, которой васъ обожаетъ, жизнь единственно для васъ пріятна; онъ не можетъ и мыслить, чтобъ безъ васъ ему жить было можно. Удивительно ли, есъли случится ему быть въ таковой крайности что должно видѣть васъ теряющую жизнь, или умереть самому: онъ не умѣдливъ васъ спасти такою вещью, кото-
рая уже ему ни чего бы не споила, когда бы онъ васъ лишился; и есъли ему жизнь несно-
сною безъ васъ покажется. Сколько же бы еще
было тяжелъ, когдабъ его сердце ему упрека-
ло, что онъ тогда робъя вамъ далъ погибнуть,
когда бы онъ могъ васъ избавить жертвуя собою!
Сверхъ того онъ находить въ сей жертвѣ нѣ-
что величавое и мужественное, которое доволь-
но сильно къ тому его довести. По щастію ко-
торое онъ имѣлъ живъ съ вами и для васъ, онъ
милѣе всего считаетъ, доказать вамъ такимъ дѣ-
ломъ, не только чрезвычайность своей къ вамъ го-
рячности, но и нежность своихъ чувствованій. Его
мысли упояваются заранѣе удовольствіемъ быть
у васъ почтеннымъ, и что память споль совер-
шенного любовника будеѣ вамъ пріятна. Вели-
кія души чувствительны таковымъ подвигомъ.
Сколько великихъ людей жертвовали собою сво-
ему отечеству! для чего же не хопятъ, чтобъ
честной человѣкъ могъ здѣлать таковую же жер-
тву для своей любовницы, которая ему конечно
не меныше дорога, какъ древній Римъ былъ своимъ
героямъ.

Вы легко можете присвоить, государыня моя, то чю я теперь сказалъ и къ другому случаю, въ кошоромъ любовникъ жертвуешь вамъ собою, чтобы васъ избавить отъ смерти, или нещастія, могущаго огорчить жизнь вашу.

Доказавъ вамъ, что означенныя подвиги доказали вашего любовника до такой крайности, скажу, что тотъ же любовникъ, не здѣлалъ бы можете быть равной жертвы для друга. Изъ чего кажется, что жизнь того не столь дорога ему, какъ своя. Однако онъ не погубилъ бы сего друга для вашего спасенія въ самое то время, когда самъ собою за васъ жертвовать не отрицается. Отъ чего же сїе? не казалось ли бы справедливо, что кто даетъ больше, долженъ бы дать и меныше? Но не имѣвъ права надъ жизнью своего друга, онъ бы здѣлалъ зло жертвованъ вамъ ею; и не могъ бы ужѣ лѣстится, что онъ произвелъ дѣло хвальное и великодушное, которыми заслужилъ ваше почтеніе. Естыли онъ свою совсѣмъ особу выключая, мыслитъ только о спасеніи своей любезной: тогда развѣ всѣмъ будетъ жертвовать для избавленія единственнаго предмета своей любви, не разбирая честности въ своихъ предпріятіяхъ.

Когда я доказываю, что самыя великодушныя чувствованія и дѣйствія наиболѣкорыстнѣйша происходяще отъ собственной каждого къ себѣ любви: я не думаю тѣмъ, государыня моя, убавить удовольствіе, которое вы имѣете въ чувствованіяхъ сердца вашего, и въ тѣхъ щедрыхъ дѣйствіяхъ, которыми вы упражняетесь; такъ

такъ же не боюсь , чтобъ черезъ то уменьшилось почтеніе отъ всѣхъ должное добродѣтельному вашему нраву. Чувствованія сіи и дѣйствія не теряють цѣнныя своей , хотя я ихъ и не приписываю причинамъ ложнымъ и противнымъ естеству ; они не меныше тѣмъ отличны отъ чувствованій подлыхъ и корыстныхъ . Хотя шѣ и другія происходяще отъ одного источника ; какъ добродѣтельной такъ и порочливой внутренне для себя трудятся ; но человѣкъ великодушной почтишленъ тѣмъ , что онъ знаетъ цѣну добродѣли и въ случаѣхъ отрицаєсь искрѣнія , и самой жизни для спасенія отечества , или особы достойной его любленія . Онъ предпочитаетъ всему удовольствіе , произвѣшъ великолѣпное дѣйствіе , могущее дать новыя услуги совершенству душѣ его . Предпочитаетъ его , говорю я , всѣмъ прелестямъ , которыя богатство и сама жизнь въ себѣ имѣютъ . Напротивъ того подлая душа , корыстливой , скупой тѣмъ мерзокъ , что онъ предпочитаетъ имѣніе и удовольствія жизни всему тому , что лѣстишъ сердце благородное .

Не воспіаю противъ великодушныхъ чувствованій ни противъ тѣхъ , которыхъ ихъ имѣютъ : но еще исоглашаюсь сними . Всякой внутренне увѣренъ , что не можно ни на часъ перервать къ себѣ своей любви ; отъ того многіе считаютъ сіи сполъ безкорыстныхъ чувствованія за красные выдумки . Но показавъ какъ можно согласить ихъ съ самолюбіемъ порядочнымъ , я ихъ дѣлаю вѣроятными ; и всякой можетъ вѣритъ , что добродѣтельнымъ сердцамъ онъ свойственны . Вы сами , государыня моя , хотя мало успремише свою

прозорливость: посправедливости не должны сумнѣваться въ томъ что я нелицемъно увѣряю васъ, будучи готовъ жертвовать вамъ всѣмъ, даже и жизнью еспѣлибъ тѣмъ было нужно вамъ усугубить, и доказать совершенную преданность, съ коимъ имѣю честь называться вашъ

ГОСУДАРЯ МОЯ,

Покорный и послушный слуга.

ПЕРЕВОДЪ

О КОММЕРЦІИ.

По испреблениї Карагены, ни одинъ народъ не могъ здѣлаться вдругъ сильнымъ коммерцію и оружіемъ покаместъ Венеция не подала въ томъ примѣра. Португальцы прошѣдъ мысъ доброй надежды, были нѣсколько времени великими властителями на берегахъ Индѣйскихъ, но никогда не могли быть спранимыми въ Европѣ. Соединенные провинціи любили оружіе по неволѣ, и не для того, что были согласны между собою, но въ разсужденіи союза съ Англією, для содержанія равновѣсія въ Европѣ въ началѣ осьмаго надеялись вѣка.

Карагена, Венеция и Амстердамъ были мощны: однако они тоже здѣлали, что между нами дѣлаютъ тѣ, кои собравъ торговлею деньги, покупаютъ знаменія деревни. Ни Карагена, ни Вене-

Венеция, ни Голландия и никакой народъ не начинался воиною и побѣдами, чтобы основать и распространить купеческіво. Агличане прежде, нежели знали щотъ, дралися долгое время. Когда выиграли они Азинкускую, Крестийскую и Поапьерскую баталии: тогда они не знали, что могутъ продавать множество хлѣба и дѣлать хорошія сукна, что все приноситъ имъ безчисленныя пользы. Сѣи только званія умножили, обогатили и укрѣпили сей народъ. Лондонъ былъ бѣденъ, когда Едуардъ III. завоевалъ половину Франціи, единственно отъ размноженія коммерціи Агличанами. Лондонъ превосходиша Парижъ пространствомъ своимъ и числомъ гражданъ; помошью оной же могущъ они вывести въ море двѣстѣ военныхъ караблей, и вспомоществовать деньгами союзнымъ себѣ государямъ. Шотландцы по природѣ мужественны и разумны: отъ чего жъ произошло, что ихъ земля подъ имѣнемъ соединенія, здѣлалась Аглинскою провинцію? отъ того, что Шотландія кромѣ угляевъ не имѣетъ ничего, а Англія имѣетъ чистое олово, мягкую шерсть, хорошій хлѣбъ, минифактуры и компаний коммерческія.

Когда отъ Лудовика XIV. трепещала Италія, и какъ ужѣ войска его владычествуя Савою и Піемонтами, готовы были взять Туринъ: тогда надлежало Принцу Евгенію изъ самой глубины Германіи ити на помощь Герцогу Савойскому. Онъ не имѣя денегъ, безъ коихъ ни берутъ ни защищаютъ городовъ, прибѣгнулъ къ Аглинскимъ купцамъ и въ полчаса времени получилъ онъ оныхъ пять миллионовъ; чрезъ что освободилъ

Турииъ, побилъ Французовъ и писалъ къ шѣмъ, кои его онымъ числомъ ссудили, слѣдующую цыдулку : „Государи мои , я ваши деньги полу-
„чилъ и льшу себѣ, что я оныя употребилъ къ „вашему удовольствію . „ Все сїе даетъ справедли-
вую гордость Аглинскому купцу, и причиняетъ,
что онъ нѣкоторымъ образомъ праведно осмѣли-
вается уподоблять себя Римскому гражданину.
Менший сынъ вельможи Аглинского не презиралъ
купечества , такъ же Милорда Висгенла Шот-
ландскаго министра брашъ , доволѣшвовался быть
мѣщаниномъ въ городѣ. Въ то время , какъ Милордъ
Оксфордъ управлялъ Англіею: менший братъ его
былъ фактюромъ въ Алепѣ ; оттуда не желалъ
онъ возвращатися , и тамо умеръ. Сїе обыкновеніе
кажется гнусно и мерзко Нѣмцамъ , гордящимся
своими поколѣніями. Они не могутъ понять , что
сынъ вельможи Аглинского ни чѣо иное , какъ бо-
гатой и сильной мѣщанинѣ вмѣстѣ того , что въ
Германіи всѣ Принцы. Видали около тридцати
сїятельствъ одного имени , составляющихъ все
своё богатство въ гербахъ и благородной спѣси .

Во Франціи всякой , кто хоченъ , можетъ наз-
ваться Маркизомъ ; а кто прїдешъ въ Парижъ
изъ дальней провинціи съ деньгами и съ именемъ ,
кончающимся на акъ и на иль , можетъ сказать :
челопѣкъ такой благородной , какъ я ! и пре-
зирать купца. Купецъ самъ слышитъ часто го-
ворящихъ съ презрѣніемъ о его ремеслѣ и иног-
да бываетъ столько глупъ , что того стыдится ;
однако я не знаю кто больше нуженъ государ-
ству , господинъ ли щегольски напудренной и
знающей точно въ каторомъ часу Король просыпа-
ется

ешся, въ которомъ часу ложитсѧ почивать, и
прѣмлющїи на себя величавой видѣ, исправляя
должность невольника въ передней у Министра;
или купецъ, которой обогащаю свою землю, по-
сылаешь изъ своего кабинета повелѣнія въ Суратъ
и Каиръ, и вспомоществуешь благополучію свѣта.

ЕПИГРАММЫ.

Ты упрекаешь мнѣ: къ тебѣ я не склонна;
Но я ли въ шомъ, скажи, передъ тобой винна,
Что не по волѣ ты моей въ меня влюбился;
И говоришь, что тебѣ ты разума лишился:
Я разума въ тебѣ не знала никогда,
Какъ глупъ щеперь, таковъ бывалъ ты и всегда.

Въ судьи сказали мнѣ пожалованье Дамонъ:
Я вѣришь не хощѣлъ, чтобъ чинъ сей принялъ онъ.
Спросили для чего, я съ смѣхомъ отвѣчаю,
Что збыться естому я въ точности не чаю;
За тебѣ не чаю что въ приказѣ за столомъ,
Потребно завсегда съ большимъ сидѣть умомъ.

УЕДИНЕНИЕ.

Сладкое уединенье,
Ты въ мои смущенны дни
Мнѣ едино упѣшенье,
Ты печаль мою гони,
Хоть въ слезахъ я утопаю,
Но въ тебѣ оправду я томну сердцу почерпаю.

Мысль моя въ шебѣ свободна,
И въ душѣ волненья иѣпѣ,
Смертнымъ суенца природна
Миѣ отправы не даешьъ,
Умъ во слабоспяхѣ не понемѣтъ
Ни кого я не трону, и никто меня не тронетъ.

Чисты Музы повсечасно,
Собесѣдующъ со мной,
Та миѣ жизнь полкуешъ ясно:
Шутки внемлю отъ иной,
Та смеешся, та прельщаешьъ,
Перемѣнность шаковѣ лѣспитъ мой духъ и про-
(свѣщаешьъ.)

Сердце то благополучно,
Коѣ чувствуешьъ ево.
Съ нимъ спокойство неразлучно
И милай оно всево:
Сладкое уединенье
Ты прѣянность жизни сей, ины прямое упѣшенье.

Диссертація

О древнемъ Китайскомъ законѣ.

Какъ всѣ великия области, не могли утверждаться безъ того, чѣмъ души и сердца, составляющихъ оныя какому бы то ни было божеству, наружнымъ приношеніемъ вмѣстѣ связаны не были: то и законъ въ основаніи щѣхъ, всегда большое участіе имѣлъ. Поздней

длой народъ съ природы суевѣрной , болѣе вѣроятіемъ , нежели разсудкомъ ведется ; въ разсужденіи чего и древніе всѣ законодавцы въ покореніи народовъ , подъ иго своего правленія , или проповѣданіе и познаніе испиннаго Бога , или лжеученіе многобожія употребляли . Кишайды въ своемъ началѣ щасливѣе прочихъ , заимствовавъ почти отъ самаго источника святую и непоколебимую испинну первому своему закону . Дѣти Ноевы разсѣялись въ Восточной Азіи , конечно область ту основали , и бывъ сами еще свидѣтели всемогущесвѣ Созадателя , познаніе о немъ и страхъ въ постомковъ своихъ вперили . Въ чемъ по свидѣтельству читателей испорѣя ихъ , находящимися въ неи признаками почти непрекословно нась утверждаютъ ; и вотъ , что одинъ изъ славнѣйшихъ туда путешественниковъ намъ сообщаєтъ .

Фоти первой Кипайской Императоръ рачительно питалъ семь родовъ животныхъ , для жертвоприношенія Всемогущему духу , неба и земли . Гоампи третій ихъ обладатель , создалъ храмъ Всемогущему Господу небесъ . И хотя Іудея въ томъ и преимуществовала , что великолѣпнѣйший ему соорудила : однако въ не малую то славу Кипайды себѣ поставляютъ , что они въ древнѣйшемъ всего міра храмъ , Творцу своему жертвовали . Греигно пятый ихъ государь , поставляя за грѣхъ приношеніе

къ Богу заключить въ одномъ мѣсяцѣ, опредѣли нарочныхъ священниковъ или церковныхъ Мандариновъ, чтобы первенствовали при жертвоприношеніяхъ и въ другихъ провинціяхъ его государства, наказывая имъ, чтобы служба Божія проходила съ благоговѣніемъ, и чтобы обряды наблюдаемы были съ точностью. Тако его наследникъ не менѣе къ закону былъ привѣщенъ. Исторія рассказыває о его Императорицѣ, что бывъ безплодна, просила въ жертвоприношеніяхъ съ толикимъ усердіемъ Бога о дѣтяхъ, что шотчасъ по томъ оберемѣнѣвъ, родила сына, котормъ былъ прославленъ пошомствомъ сорока Императоровъ его рода. Ясъ и Хунъ, его наследники, толь отличные ихъ набожностию и мудрымъ правлениемъ передъ предками своими гораздо въ цвѣтущемъ состоянїи не сомнѣнно и законъ содержали.

Вѣроятно же и то, что и послѣдующіе три рода въ правленияхъ осмидесяти Императоровъ черезъ цѣлые двѣ тысячи лѣтъ познаніе испиннаго Бога сохранили. Когда лучшіе Китайскіе законотолкователи утверждающъ, что до суевѣрія, котормъ беззаконіе Бога Фое заразило Китай, ни болваны ни идолы дословно со всѣмъ народу знаемы не были, что до самаго того времени всѣмъ ихъ Государямъ въ примѣръ пославляемъ былъ Императоръ Яо, котормъ выше всего почиталъ по-

знаніе Создателя міра. И хотя не смотря на то и такие безбожники были, кои до такой мѣры забывались, что дерзали угрожать небесамъ, и въ безуміи своемъ ихъ вызывать къ бою: однако они за то чудовищами почипались, а проще всегда велику искренность въ набожности оказывали. Въувамъ начальникъ претъяго поколенія, по древнему обыкновенію, самъ былъ жертвослужителемъ перваго исповѣданія. Братъ его почтая въ немъ полезную государству особу и любя ошмѣно, никогда къ смерти изнемогающа его увида, палъ предъ величествомъ божіимъ, и молился съ усердіемъ и со слезами, въ сихъ словахъ: „Ты Владыко намъ далъ его, онъ былъ нашъ отецъ и „Государь. Естьли мы заблуждаемъ: кто „лучше насъ наставитъ на путь истинны? Ко- „гда же мы точно исполняемъ чему по свя- „шой твоей волѣ онъ насъ научаетъ: за что „лишеніемъ его насъ наказуешь? Естьли по „праведнымъ твоимъ судьbamъ я мало коле- „венъ міру, и тебѣ жертва угодна: охопно „жизнь мою щебѣ приношу, толькобѣ спасенъ „былъ Государь мой и братъ „Исторія утверждаетъ, что молитва его услышана и онъ по окончаніи той умеръ. Сей примѣръ точно доказываетъ, что не только законъ сохраняетъ еще быть, но что и истинное человѣколюбие почитаемо было оного совершенствомъ.

Хамвамъ съ нѣ его и наследникъ при концѣ
 своей жизни толь великие знаки набожности
 оказалъ, что уже никакова сомнѣнія намъ не
 остается о предложенной мною исправнѣ. Древ-
 нія Китайскія книги такъ о немъ свидѣтель-
 ствующі, что сей государь, копорой во всемъ
 себя велъ по волѣ всемогущаго Повелителя
 небесъ, на пятьдесятому году своего вѣка, а
 тридцать седьмомъ своего царствованія, забо-
 лѣвъ жестоко, и познавая опасность своего
 состоянія, собралъ всѣхъ двора своего слу-
 жителей съ собою, чтобы объявить своего на-
 следника, и чтобы ничего не оставилъ, что
 въ случаѣахъ такихъ наблюдалось. Вставъ съ
 трона, на копорой онъ по волѣ его былъ пре-
 несенъ, велѣвъ себѣ обмыть лицо и руки, и
 возложа на главу свою дѣадиму, одѣвшись себя
 во всю Императорскую одежду; по томъ
 опершись о столъ, всему собранію говорилъ
 рѣчъ, исполненную мудрости и набожности, о
 должностяхъ государя къ Богу и къ своему
 народу. На конецъ обращаясь къ своему спар-
 шему сыну сказалъ: для тебя, сынъ мой, я все
 то говоришь спарался, будь наследникъ до-
 споиствъ и добродѣтелей твоихъ предковъ
 болѣ, нежели моей власти и величества. Я
 тебе дѣлаю Императоромъ, сверхъ того ты
 отъ меня ожидать ничего не можешь; будь
 Государь мудрой, добродѣтельной, и не будь
 под-

подверженъ укоренію. Вотъ о чёмъ тебя прошу и тебѣ повелѣваю, и чего отъ тебя все государство ожидаетъ. По окончаніи сей рѣчи велѣлъ отнести себя опять на одръ, гдѣ на другой день и предалъ духъ свой мирно. Въ правленіи сего великаго монарха и сына его Хамвама чистосердечіе, правосудіе и миръ rule-
дычествовали въ Китаѣ такимъ образомъ, что преступники часто посыланы бывали для оранія земли и для жатвы хлѣба безъ всякаго ка-
раула и опасенія, чтобы страхъ наказанія, ихъ понудилъ къ побѣгу. По окончаніи работы воз-
вращались они сами собою въ оковы для при-
нятія казни за ихъ преступленія по суду закона.
Словомъ, еспѣли разсмотрѣть приближно Ки-
тайскую исторію: то увидимъ, что еще три-
ста лѣтъ послѣ, то есть, до царствованія Гау-
вана, которої за восемь сотъ лѣтъ до Христа
жилъ, идолослуженіе еще не извѣстно было
въ Китаѣ; и следственno народъ сей около
двухъ тысячъ лѣтъ содаблюлъ познаніе испиннаго
бога съ такимъ почтеніемъ, что и самимъ
христіанамъ то въ примѣръ и наставленіе слу-
жить можетъ. Рачительно воспитываемы были
животныя для жертвоприношений, и содержа-
ны были особые жрецы; и не только самое бого-
служеніе, но всѣ подробности съ крайнею бере-
жливостью наблюдаены были для убѣжденія
народа. Многія Царицы ихъ, сами воспитывали

шелковыхъ червей и шкали своими руками разные штофы, для украшения олтарей и одѣяній церковныхъ. Императоры шакъ же сами поливали тѣ поля, съ которыхъ собиралась пшеница и приготовлялось вино къ жертвоприношенію. Священники не постялись семи или трехъ дней, касаться жертвениковъ не держали. Посты и народныя моленія были учреждены особенно, естѣли государство терпѣло отъ недорода, наводненія, землетрясенія или войны. Въ случаяхъ таковыхъ Императоры, приготовленія ихъ къ походамъ всегда начинали сими обрядами ихъ закона; или когда они вступали на престолъ, или собирались осматривать свою имперію, чтобы Богъ благословилъ предпрѣтѣ ихъ, народно маливались и часто у подданныхъ своихъ спрашивали, не должны ль они сами въ чемъ исправиться, и не находить ли народъ въ нихъ какихъ пороковъ, будучи увѣрены, что всѣ народныя скорби, всегда отъ дурныхъ правленій происходяшъ, какъ и дѣйствительно многія въ исторіи мы тому видимъ примѣры.

Продолженіе предв.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.		стр.
Продолженіе о Епич: стих:	51	О коммерціи.	86
Письмо къ Сапира. -	57	Епиграммы.	89
Продолженіе о источ: страсти:	61	Уединеніе.	89
Второе путешеское.	66	О древнемъ Китайскомъ	
Письмо о безкор: чувство:	76	законѣ.	90

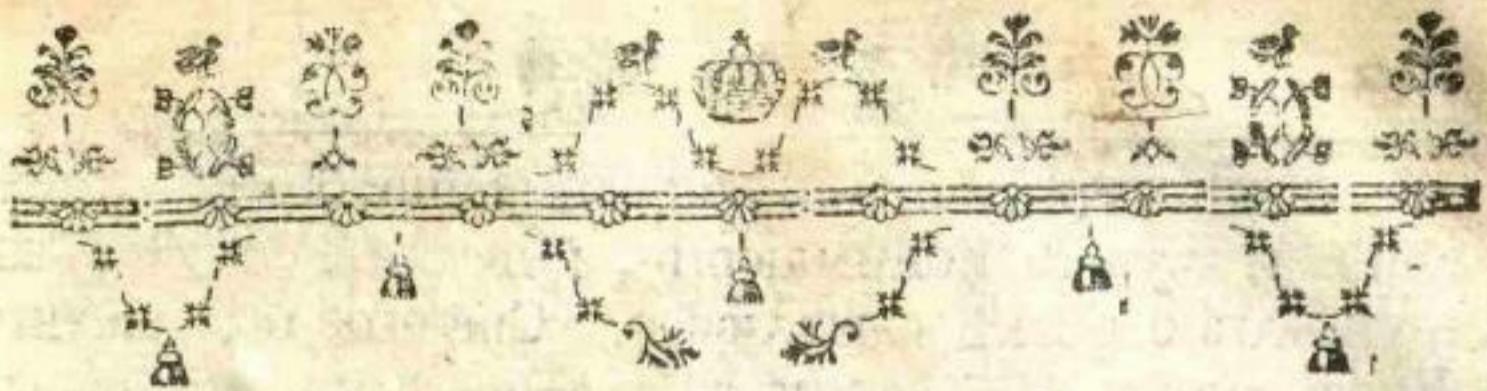
НЕВИННОЕ УПРАЖНЕНИЕ.

Мѣсяцъ Марпъ.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ
съ шептѣмъ 1763. года.

ПОСЛѢДОВАНИЕ О ЕПИЧЕСКОМЪ СТИХОТВОРСТВѢ.

Трисино.

Многїя государства возстали по паденїи Римской имперїи на западѣ, и многие языки состарилися изъ испансковъ ея языка. Сѣверные побѣдишли ввѣли съ собою всюду свое варварство и невѣжество. Ихъ языкъ съ началя составленной изъ испорченного Готфскаго, былъ столькоожъ грубъ какъ ихъ обычай, и столькоожъ неплодовитъ, какъ ихъ разумъ; но вѣщеніе тысячи лѣтъ исправили они то и другое.

Нынѣ многие жалуюцся, что Латинскій языкъ кромѣ училищъ и Римскихъ церквей нигдѣ не вѣ употребленіи; сожалѣютъ они о неудобности новѣйшихъ языковъ, и говорятъ, что сныя своимъ недостаткомъ часто не могутъ изѣснить всѣхъ ихъ мыслей. Но они болѣ бы имѣли причины сожалѣть когда бы по ихъ желанію вся Европа говорила Латинскимъ языкомъ. Чѣмъ онѣ вѣ шаковомъ случаѣ дѣлали? Множество

древнихъ сочинителей, коихъ обще болѣе читаютъ и лучше понимаютъ, нежели новыхъ, застушими бы ихъ самолюбіе. Строгое подражаніе *Виргилію* и *Цицерону* здѣлаетъ подльмъ только перепищикомъ. Отважное жъ отъ оныхъ сподаленіе введетъ въ притворство и неизѣсшво. Свѣтъ наполненный искусствами примѣрами древнихъ испровергъ бы всѣ новыя предпріятія и устрашилъ бы наилучшихъ писателей.

Напротивъ того шо, кто пишетъ нынѣшимъ своимъ языкомъ, долженъ почитать древнихъ писателей мнѣе соперниками, нежели предводителями. Онъ подражая имъ обогащаетъ свою землю; свойство его языка возбуждаетъ въ немъ воображенія; предлагается ему новый путь и подаетъ всѣмъ его мысламъ видъ новости и прѣяспва.

Италіянской языкъ въ концѣ пятаго надѣсь вѣка, приведенъ былъ въ то совершенство, въ которомъ онъ нынѣ есть, и впредь споль долго будетъ, сколь *Tasse* въ спихахъ, а *Maxi-apelъ* въ провѣ будутъ примѣрами въ слогѣ.

Трисино, справедливо удивлялся красотамъ *Гомеропыль*; но важнѣйшая его погрѣшность состояла въ снрограмѣ ему подражаніи; ибо подражаніе требуетъ болѣе искусства и разума, нежели обычайно думаютъ.

Цвѣты древнихъ кажутся блекнутъ, когда бывають сняты не искусными руками; однако ычно такъ часто не видно, какъ щѣ творцы, кой

кои скрыва Гомера и Виргиля, прикрываясь сими великими именами, не взирая, что самое то, чѣд достойно удивленія въ древнихъ бывшъ посмѣшельно въ ихъ сочиненїяхъ.

Трисино старался подражать Гомеру въ его описаніяхъ; но въ то время, какъ онъ описываетъ о всемъ, чѣд принадлежитъ дослугъ и до домовъ его Героевъ, и не забывая въ ихъ одѣяніи ни пуговицы, ни подвязки, ничего не говоритъ онъ о ихъ свойствахъ.

КАМОЕНСЪ.

Въ то время, какъ Трисино старался въ Италии прочистить дорогу Наукамъ и художествамъ, одолѣвая всѣ затрудненія, собранныя грубостью десяти вѣковъ, Камоенсъ въ Португалии открылъ новой путь, и приобрѣль себѣ славу, которая и поднесъ не умалилась. Его сограждане сполько же имѣютъ къ нему почтенія, сколько Агличане къ Мильтону.

Камоенсъ удивительнымъ былъ примѣромъ сея непобѣдимыя склонности и сего сильного движения естества, которое въ пропавность всѣмъ затрудненіямъ понуждающъ великой духъ вдастъся своей склонности. Онъ препроводилъ свое дѣтство среди лѣности и невѣжества Лиссабонского двора: а молодость въ любви, или въ войнѣ пропавъ Мавровъ, въ совершенныхъ лѣтахъ его долговременное на морѣ путешесшие, его при

Португальскомъ дворѣ нещастіе , сего государства замѣшательство , ничто не могло пошушишь въ немъ великоſти его дарованія .

Въ Камоенской поэмѣ находятъ такое вымышленное представлѣніе . кото́рое безъ сумнѣнія сполько же нравно будеъ Италіянцамъ , какъ Португальцамъ , но болѣе никакому другому народу . Епо волшебной островъ , называемой островъ благополучія , кото́рой сбрѣтақтъ Португальцы въ то время , какъ онѣ выходиша изъ моря для ихъ упѣшенія , и имѣ въ награду и во увеселеніе . Камоенъ описываетъ сей островъ такъ какъ Гассъ нѣсколько лѣтъ послѣ описывалъ Армидинъ . Въ немъ божеское производитъ множество красотъ и предлагаетъ всѣ разныя забавы , какія естесшво подать и сердце пожелать можетъ .

Камоенъ , давъ волю своему воображенію , увѣдомляетъ по томъ чишателя , что сіе представлѣніе изъясняетъ единственно то удовольствіе , кото́рое отъ упражненія въ добродѣтели и отъ славы отъ того произходящей чувствующій честные люди . Но естьли вѣритъ Португальцамъ : то приятное оного описание основательнѣе извинишь можетъ сю странную аллегорію ; ибо красота язвищенаго слога часто скрываетъ пороки спихшевъ , какъ цвѣты Рубенсовыя красокъ извиняешъ нѣкоторыя его погрешности въ разположеніи его картины .

Еще чудное другое дѣйствіе видимо во все теченіе сея поэмы , кото́раго извинить не мож-

но: оно состоитъ въ безразсудномъ смѣшении Елинскихъ боговъ съ Христіанскимъ закономъ.

Такое не къ стати смѣшеніе обезображиваетъ всю поэму; и надлежитъ въпрочемъ быть въ ней многимъ отличнымъ красотамъ; ибо не взирая на сіе, нравится она Португальцамъ. Камоенсъ имѣетъ много того, что называютъ истиннымъ разумомъ, и того, что называютъ ложнымъ понятіемъ, которое ввергаетъ его часто въ непростительные заблужденія.

Я нахожу вообще его поэму наполненную прекрасными и гнусными вещами, которые безъ раздѣленія онъ смѣшиваетъ. На каждой почти страницѣ есть хорошія и смѣха достойныя; изъ лучшихъ его мыслей, я предложу двѣ, по причинѣ сходства ихъ съ славнѣйшими стихами Валлера и Денгама: *Валлеръ* говоритъ въ своей, къ Зелиндѣ, епистолѣ: *тиоя совершенная красота подастъ важность письму, о чёмъ я стану пѣть.* Камоенсъ такъ же говоритъ, упоминая о путешествіяхъ Улиссопыхъ и Аргонаповъ, что предпрѣятіе Португальцовъ своимъ превосходствомъ подастъ важность всѣмъ его вымысламъ.

Денгамъ въ своей поэмѣ о Кооперопой горѣ, говоритъ рѣкѣ Темзѣ.

„ Да получашъ мои стихи теченіе твоему „ подобное, и стремленіе твое да будешъ мнѣ „ примѣромъ, какъ служитъ оно теперь мнѣ при- „ чиною. Ты свѣтила при глубокости, прѣятъ „ на при тихости, сильна безъ порывовъ и все- „ гда подна безъ разливія.

Камоенсъ подобное сему говориша Нимфамъ
рѣкѣ Тага:

„О! Нимфы, есть ли я когда пѣлъ въ ваше
прославленіе: въ награду за то подайше ны-
нѣ новыя силы моему голосу; да слогъ мой
сравнится съ приятношю течениемъ вашихъ водъ,
и да будетъ столькоже чистъ, сколь онъ при-
своей глубинѣ.

Изъ сего еще заключить не можно, что Вал-
леръ и Денгамъ заняли у Камоенса.

Мы основательнѣе должны думать, что испан-
ской разумъ свойственъ всѣмъ народамъ; однако
неправосудіе называетъ обычайно подражаніемъ
то, что только есть сходствіе.

ТАССЪ.

Торкато Тассо началъ писать свой избаплен-
ной Іерусалимъ въ то время, какъ Камоенсъ
окончилъ свою Лузгаду.

Никто не получилъ при рожденіи своею
поликой склонности, и поликаю дарованія къ
эпическому слогу какъ онъ; но самое сїе даро-
ваніе, причина его славы, было виною всѣхъ его
и нещастій; вся его жизнь состояла въ огор-
ченіяхъ и напастяхъ. Выгнанъ будучи изъ сво-
его отечества, принужденъ былъ подвергнуть
себя прискорбной необходимости, вдашися въ
волю господина. Онъ терпѣлъ голодъ, ссылку,
заключеніе, и что еще сего несноснѣе, оклеве-
ніе напавъ на него его отягощало.

Злоба проспирала свой ядъ даже до помрачения его спихотворческой славы. Мнимое ущербеніе въ испинной бѣдности! Число его непрѣштей мрачило долго его славу, и на конецъ, какъ его достоинство превозмогло ненависть, и какъ опредѣлили здѣлать ему таковую же торжественную въ Римѣ честь, каковую нѣкогда Петрархъ съ менышиими имѣлъ достоинствами, [что тогда за велико почиталось, а нынѣ бы было посмѣятельно] онъ умеръ на канунѣ назначенаго дня къ сему чудному обряду.

Ничто не подаетъ такихъ высокихъ о Тассѣ мыслей, какъ надгробная ему надпись. Папа по окончаніи здѣланныхъ ему великолѣпныхъ похоронъ [какъ будто бы сїя пѣщетная честь могла наградить за претерпѣнныя имъ въ жизни нещастія] обѣщалъ награжденіе тому, кто лупчую здѣлаетъ ему Эпипрафю. Ихъ много предложили. Онѣ всѣ наполнены были испинными похвалами спихотворцу. Суды назначенные къ выбору епишафи, были въ размышеніи о выборѣ лупчею, какъ молодой человѣкъ подалъ имъ сїю надпись:

Тассопы kostni.

Тогда суды опредѣлили единогласно вручить ему обѣщанное награжденіе, будучи уверены, что лупчею Тассу похвалою будеть, его имя.

Время, разрушающее преходящую славу посредственныхъ авторовъ, не могло поколебать без-

бесмертной чести *Тассопыжъ* сочиненій. Его поэма во многихъ нынѣ мѣстахъ Италіи поется, какъ нѣкогда Гомеропа въ Греціи. Хотя стихописцы, его послѣдователи уничилися, хотя Италія впала въ пустую надменность, въ собраніе ничего не значущихъ словъ и въ гнусныя шутки: но однако же можно сказать, что весь народъ вообще сохраняетъ еще языкъ рода испиннаго вкуса, которой вкоренилъ въ него *Тассъ*. Въ самое то время, какъ удивляются ему читатели, не подражаетъ ему ни одинъ писатель. Такъ во Франціи Корнелій, Расинъ, Мольеръ, Бодо и Фонтенъ, не взирая на нѣкоторыхъ послѣдующихъ имъ писателей, которые ввели новой образъ мыслить и писать, получающъ общенародную похвалу, бывающъ ото всѣхъ читаемы, но никѣмъ не подражаемы.

Избапленный Іерусалимъ сходствуетъ во многихъ мѣстахъ съ Иліадою; но содержаніе *Тассопой* поэмы величественнѣе Гомеропой. Вся Европа вооруженная къ возвращенію государства, освященнаго Рождествомъ и кровью Спасителя, предлагаетъ разуму идею гораздо почтительнѣе, нежели вооруженіе вся Греціи за женщину. Чтожъ до производства сего великаго сочиненія, всякой безпристрастной и просвѣщенной читатель видѣть можетъ, превзошелъ ли *Тассъ* своего учителя въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ онъ ему подражалъ, или нѣтъ.

Годеффруа, кажется мнѣ, представляетъ лице Агамемнона, но съ болѣшимъ только достоинствомъ и разумомъ, а съ менышею гордостью

съю. Отшельникъ *Петръ* походитъ на *Калласа*. Естьли смѣю я сказать о нихъ свое мнѣніе : я въ нихъ обѣихъ не нахожу ничего чрезвычайно хорошего , ни очень дурнаго.

Ренольдъ, тоже межъ христіанскими героями, что *Ахиллесъ* межъ Греческими , его мужество столько же дерзновенно , но поведенія его гораздо лупче. Побѣда *Іерусалима* зависитъ отъ его меча , какъ города Трои отъ оружія *Ахиллесопа*. Описудствіе одного взимствовано отъ нерадѣнія и лѣносши другаго ; но *Ренольдъ* къ большему удовольствію читателя препровождаешъ лупче свои свободныя часы , нежели въ лѣности герой *Иллады*.

Аладинъ сходствуетъ съ *Прѣамъ* только въ томъ , что онъ царь осажденнаго города ; а *Аргантъ* съ *Гекторомъ* , потому что онъ храбрѣйшій защитникъ *Іерусалима*.

Справедливо , что *Гекторъ* превосходитъ *Арганта* , что *Прѣамъ* величественіе *Аладина* , и что нещасшье его болѣе достойно сожалѣнія. Я не буду судить , худо или хорошо здѣлалъ *Гомеръ* , влагая въ насъ склонность къ *Гектору* и жалость къ *Прѣаму* : но только скажу , что есть ли бы *Тассѣ* не представилъ *Аладина* и *Арганта* прымы и несклонными , и не описалъ бы ихъ достойными ненависти : тогда бы онъ отъ своего намѣренія ; ибо мы вмѣсто участія , которое брашь должны въ предприятіи христіанскихъ государей , почли ихъ за разбойниковъ , соединившихся къ отнятою чужой земли и къ яростному

спному искоренению въ лѣпахъ почтеннаго во-
сточнаго государя со всѣми невинными его под-
данными.

Тассѣ научился у Гомера давать однимъ
краскамъ разныя шѣни; на примѣрѣ; отличать
мужественнаго отъ мужественнаго, осироум-
наго отъ осироумнаго и прочихъ. Годесфруа
разуменъ и умѣренъ, а Аладинъ полищиченъ
и, беспокоешъ. Великодушное мужество Тан-
креда не сходствуешъ съ буйственnoю отва-
гою Арканта. Любовь въ Армидѣ, странное
кокетство, а въ Герминѣ пріятное и нѣжное чув-
ствованїе, каждой изъ его героевъ имѣешъ, какъ
и у Гомера нѣчто отъ другихъ отличное; но
у него каждой представленъ по приличности сво-
его лица, чѣло не всегда видимо въ Илладѣ; и
съ сей стороны, кажется мнѣ, что Тассѣ привелъ
въ совершенство то искусство, которому научилъ
его Гомеръ. Но то, которому онъ ни у кого не
учился, есть пріятное описание, коимъ онъ за-
ставляетъ насъ братъ участіе въ своихъ герояхъ.
Сие дарованіе, коимъ онъ искусно соединяетъ
разныя дѣйствія своей поэмы, переводитъ насъ
изъ военнаго ужаса къ любовному увеселенію, и
отъ любви обратно къ войнѣ, возбуждаешь умѣ-
ренно нашу чувствительность и понуждаешь ее
всегда возвращаться.

Хотя содержаніе сея поэмы общее получаетъ
удивленіе; однако есть и въ ней погрѣшности
пропавшія разсужденію, которыхъ, какъ я думаю,
будутъ вездѣ похулены. Епизодъ его о Олин-
дѣ и Софроніи, кажущія мнѣ весьма дуренъ.

Стихотворецъ представляетъ Магометанскаго волхва, называемаго *Исменѣй*, которой въ пропицности строгимъ Магометанскимъ законамъ, вноситъ образъ въ начальной своей храмъ, чтобъ своимъ волхвованіемъ понудить его быть залогомъ въ сохраненіи города, какъ въ древнія времена судьба Трои зависѣла отъ Паллады. Случилось что сей образъ выкради нѣкогда ночью: христіане во Іерусалимѣ обвиняются въ сей кражѣ; султанъ во гнѣвѣ осуждаетъ всѣхъ на смерть, чтобъ быть увѣрену о казни винаго въ числѣ общаго испребленія. Но Софронія христіанская девственница приходиша предъ Султана, и желая избавить всѣхъ въ городѣ христіанъ, взлыгавши на себя великодушно будто она выкрыла образъ. Аладинъ приказываетъ ее сжечь; но Олинда ее любителъ впоричною геройственою ложью предпрѣмлетъ спасти ея жизнь. Онъ сказываетъ, что онъ одинъ виновенъ, и бѣжитъ на изготавленной его любовницѣ костерѣ. Они оба осуждаются на смерть, ихъ къ одному привязываютъ къ столбу. Тогда Клеркида прибуждаетъ изъ Персии. Она подвигнула жалостью, увидя сихъ двухъ нещастныхъ и гнувшись съ презрѣніемъ *Исменѣему* волшебству, испрашиваетъ имъ прощеніе. Си любители съ костра идутъ въ церковь, гдѣ ихъ вѣнчаютъ; а по томъ во всей поэмѣ о нихъ ничего не говорится.

Тассъ украсилъ сей эпизодъ лупчими цвѣтами стихотворства. Онъ описываетъ Софронію, и говоритъ о любви *Олинда* съ такимъ жаромъ, и возбуждаетъ такое ко обоимъ сожалѣніе, что читатель съ начала почишаетъ ихъ первѣйни-

ми особами сея поэмы. По чомъ удивляется онъ, и соболѣзнуешъ, увидя, что они сполько же мало полезны христіянамъ, какъ образъ Магометанамъ. Всѣ украшения, употребленныя *Tassomъ* въ семъ мѣстѣ, служатъ ишлько къ скорѣйшему показанию его заблужденій.

Признаться должно, что одни токмо Италіицы могутъ извинить странную и неразсудительную чрезмѣроность его вымысловъ. Десять Князей христіанскихъ, превращенныхъ въ рыбы въ прудахъ *Армидинихъ* и попугай поющій любовныя пѣсни своего сочиненія, суть странности, которыхъ разсудительный читатель вкусить не можетъ.

Мы однако должны прощать сей стихотворческой бредъ, въ разсужденіи тѣхъ красотъ, которые съ нимъ совокуплены. Пусть черпи, когда они тушь вмѣщены, имѣютъ всю свободу проказить; но сего понять не могу, какъ люди разсудительные извiniяютъ, что христіанского закона колдунъ избавляетъ *Ренольда* изъ рукъ Магометанскихъ колдуновъ; и что разные церковные обряды съ волшебными дѣйствіями у *Tassa* вмѣстѣ смѣшаны.

Долго спорили въ Италии о преимуществѣ *Аргоста* или *Tassa*; но во всѣхъ другихъ государствахъ упрекаютъ сему послѣднему подражаніемъ *Аргосту*. Онъ кажется и самъ въ томъ признавался, и возчувствовалъ, что странный его басни, [кои тогда были употребляемы] не согласовались съ важностю епического стихотворства;

шворства; и чиобъ себя оправдать, онъ на пе-
чапаль предисловіе, въ которомъ увѣритъ хотѣлъ,
чио вся его поэма основана на аллегоріи.

Армія Христіанскихъ Князей, говоритъ онъ,
представляетъ тѣло и душу, Іерусалимъ,
образъ прямаго блаженства, до которого труда-
ми достигнуть можно и проч:

Вотъ ключъ, которой намъ Тассъ даетъ къ сво-
ей поэмѣ. Онъ самъ съ собою такъ поступилъ,
какъ съ Гомеромъ и съ Виргилиемъ ихъ изъ-
яснили; кои, какъ Схоластики, сходны съ тѣми
политиками, которыя великимъ людямъ всегда
приписываютъ наихончайшия и мудрыя намѣре-
нія, великия идеальные виды въ самыхъ малѣй-
шихъ ихъ предприятияхъ.

Продолженіе преды.

ЗЕЗЕ ЗЕЗЕ

»»»»»

»»»»

»»»»

»

МАДРИГАЛЫ.

I.

Младая Агнія въ недоумѣньѣ,
Увидя нѣкогда любви изображеніе,
Любовника о томъ спросила своею:
Скажи мнѣ отъ чево?

Какою,
Жестокою судьбою?

Иль чей былъ варварской приказъ?
За каковой просупокъ дерзкой,
Прелестной Богѣ Цитерской
Лишился глазъ?

Что слѣпъ онъ, ты причина,
Ей Дафнисъ отвѣчалъ:
дабы всѣ прелести имѣла ты едина,
Тебѣ дала глаза Венера вмѣсто сына,
Которые бы онъ имѣть долженствовалъ.

II.

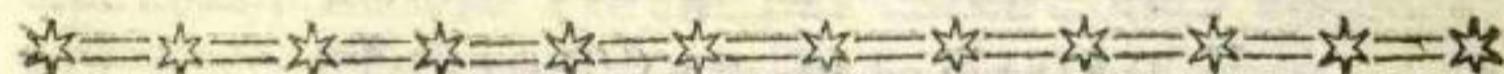
КЪ ГОСПОЖЪ К . . .

Надежда и Любовь и Вѣра намъ въ сердца,
Низ посланныя въ дарѣ небесной отъ Творца,
Кѣ троякому теперь мнѣ служатъ щастью:
Чрезъ Вѣру будешъ знать, какъ я пылаю страстью;
Надеждой оживиши мое ты сердце въ новь;
Остатки совершишъ Любовь.

Стихи къ другу.

Я вѣсилъ щастъи всѣ ; любезной другъ , людскія :
 И съ первой стороны я клалъ богатство , честь ,
 Клалъ пышность , роскоши и клалъ чины большія ,
 Которыхъ штууламъ приноситъ жертвы лестъ .
 Съ другой , свободу клалъ , умѣренность , науку ,
 И отдалающиахъ друзей печаль и скучу .
 Посредникомъ я быть разсудку повелѣлъ ,
 Чтобъ видѣть истину ; когда онъ вѣсить станетъ ,
 Конора спорона , котору перетянеть ,
 За тѣмъ что щастливымъ я прямо быть хотѣлъ .
 Лишь только на вѣсахъ сравненіе началося :
 Съ другими щастьями богатство поднялося ,
 Свободу предпочелъ съ умѣренностью я ,
 Прямое щастіе , науки и друзья .

МАДРИГАЛЬ.

О ! сильной Богъ любви ,
 Желалъ бы я , чтобъ ты сказалъ моей прекрасной ,
 Какой безмѣрной жаръ я чувствую въ крови ,
 И чтобъ ты мнѣ помогъ въ моей любви нещастной ;
 Но трепещу , чтобъ ты
 Толики видя красоты
 И бытъ повѣреннымъ моимъ ты мнѣ къ нещастью ,
 Не воспыпалъ , какъ я подобною къ ней страстью ,
 И не сказалъ бы , что не я , а любишь ты .

БАСНЯ.

Какъ нѣкогда любовь вѣ присудствїи прекрасной,
Козала тысячи кѣ своимъ побѣдамъ стрѣль:

О ! день , о ! часъ нещастной ,
Работу Бога я сего вѣ близи скончалъ .
Онъ искрами меня со всѣхъ споронъ осыпалъ ;
Жаръ вѣ кузницѣ его тамъ воздухъ такъ разжогъ ,
Что вѣ страхъ былъ и самъ сей Богъ .

Бывъ молошъ раскаленъ изъ рукъ любови выпалъ :

Хотѣлъ отъ жару на конецъ
Бѣжать кѣ красавицѣ любовныхъ стрѣль кузнецъ .
Но мимо онъ огня бѣжалъ неосторожно :
Згорѣли крылья вдругъ ево ;
И далѣе лѣтѣть ему не стало можно ,
Какъ лишь до сѣрдца моево .

Продолженіе диссертациіи

О дрепнемъ Китайскомъ законѣ.

Познаніе испиннаго Бога , которое нѣсколько
вѣковъ по смерти Императора Хампама
наблюдалось было , не всегда вѣ своей ѹблости
содержалось . Идолослуженіе на конецъ обладало
жушами . Нравы такъ развратились , что законъ
здрался вѣ соблазнъ и употребляемъ спаль во
здо до того , что божіимъ попущеніемъ отняты
спаль совсѣмъ . Между выѣдрившимися во оной
заблужденіями главные были лева , которые и до-
жались сю Имперію разѣбляютъ . Аоакунъ , быль
жачалникъ перваго . Сей философъ жилъ задолго

до Кокфуцгуса ; и ешьли мы върту приложимъ его ученикамъ : рожденіе его было чудесное , по тому что мать его съ восемьдесятъ лѣтъ во чревѣ своемъ носила , изъ котораго за пѣсколько дній передъ еї кончиною , онъ разшвоя бокъ еї самъ вышелъ на свѣтъ . Сей извергъ , которой остался живъ къ нещастью своего отечества вскорѣ гибельнымъ своимъ учениемъ здѣлался славенъ ; но припомъ писалъ много и полезныхъ книгъ о добродѣтели , о изчезающей чести , о презрѣніи богатствъ и о прелестномъ томъ уединеніи душѣ , котурое отдалая пасъ мѣра , возвращаешь наси самихъ себѣ . Онъ часто говоривалъ сей предлогъ , которой починаль основаниемъ испинной мудрости : вѣчной разумъ произвелъ одно , одно произвело два , два произвели три , а три произвели всѣ вещества , что доказывало въ чёмъ пѣкоторое познаніе троицы ; но онъ училъ при томъ , что всемогущій Богъ тѣлесенъ , и что онъ владычествовалъ надъ прочими божествами , какъ Государі управлюющіи своими подданными ; сверхъ того прилежалъ химіи , а пѣкоторыя его и изобрѣташемъ оныя починаютъ . Упорственno призвался къ изобрѣтенію Философического камня и твердо уверенъ былъ , что способомъ пѣкотораго питія , можно здѣлать себя бессмертнымъ . Ученики его для приобрѣтенія того вдались въ волшебство , и сїе безумиѣйшее ученіе на конецъ здѣлалось общимъ . Всѣ того искали , чтобъ избѣжать смерти . Женщины сколько дѣлали , не менѣе и изъ любопытства всѣмъ болгопрошивающимъ подверглись .

Вторая Секта , которая владычествуетъ
 Китаѣмъ , еще гибельнѣе и сильнѣе первой , за
 единственное міра божество , обожаешь нѣкоего
 идола , называемаго фо или фое . Оная пресели-
 лась туда изъ Индїи по прошествіи трицати
 двухъ лѣтъ по Рождеству Христовомъ . Сіе
 зараженіе началось дворомъ , и пренеслось на
 конецъ въ провинціи и по всѣмъ городамъ ,
 такъ что сей великой народъ уже волшеб-
 ствомъ и беззаконіемъ зараженной , со всѣмъ идоло-
 служеніемъ развратясь , здѣлался смѣшнейшемъ
 всѣхъ заблужденій . Басни , суевѣре , мешем-
 психозъ , идолослуженіе и безбожіе раздѣлили
 сердца и такъ оными овладѣли , что пынѣ само
 христіанство къ распространенію своему ни въ
 чемъ такой великой пропагнности себѣ не на-
 ходилъ , какъ въ безбожномъ семъ ученїи . Прямо
 не известно , где сей идолъ фо родился [а его
 идоломъ для того , а не человѣкомъ , называю ,
 что нѣкоторые думають , будто онъ былъ
 духъ изъ ада пришедший .] Тѣ , которыя основа-
 шельнѣе счишають его бывшъ человѣкомъ , рож-
 деніе его полагаютъ болѣе тысячи лѣтъ до
 Христова Рождества , въ одномъ изъ Индїй-
 скихъ Королевствъ выше Екватора лежащихъ ;
 можетъ бывшъ около Венгалии . Сказываютъ онъ
 Царской былъ сынъ , и сперва именовался Кекія ,
 а будучи трицати лѣтъ , назвалъ себя фо .
 Мать его , которой онъ изъ праваго бока въ
 свѣтъ вышелъ , умерла въ родахъ . За нѣ-
 сколько дней предъ тѣмъ видѣла сонъ , что она
 проглошила слона . Сей сонъ причиною , что
 Индїйскія монархи отличаютъ бѣлыхъ сло-
 новъ такъ много , что за прѣобрѣтеніе или
 лише-

лишнѣ оныхъ , часто между собою имѣли кро-
вопролитныя войны . Чудовище сѣе только
лишь родилось , сказывающъ имѣло силу само
о себѣ стоять , и ступило семь шаговъ указы-
вало одною рукою на небо а другою на землю .
Онъ и говорилъ доказывая какой въ немъ бы-
лъ спровадъ духъ , что на небѣ и на землѣ онъ
одинъ только почтенія достоинъ . Семнадцати
лѣтъ онъ женился и имѣлъ одного сына , ко-
тораго онъ , какъ и свѣнъ , скоро пошомъ осла-
вилъ , удалясь въ пустыню съ время или че-
тырьмя Индѣйскими мурецами , коихъ онъ
принялъ къ себѣ въ наставники или свидѣтели
своихъ поступокъ . Въ тридцать лѣтъ своей
жизни , вдругъ будто духа божественнаго ис-
полнясь , получилъ вообще всѣхъ вещей поня-
тие . Съ того часа сталъ онъ богомъ и приоб-
рѣлъ себѣ множествомъ чудесъ народное обо-
женіе . Число учениковъ его было велико , ко-
торыхъ способомъ вся Индія гибельнымъ его
ученiemъ заразилась . Стамайцы назвали ихъ
Талапуинами , Тапара ламами или ламаси-
мами , Японцы бонзами , а Китайцы гохами .

Мнимой сей Богъ на конецъ долженъ быль
познать , что онъ человѣкъ , какъ и друїе , умирая
семидесяти девяти лѣтъ . И чтобъ здѣшашъ
богопрошвиность свою совершиенною , разсвѣа-
въ жизни своей идолослуженіе , старался при са-
мой смерти впериши во всѣхъ безбожіе , объясня
ученикамъ своимъ , что онъ не иначе , какъ пріи-
чами говоривалъ , и что , еслыли кто искашъ сча-
стія нача вешеспѣ индѣ , какъ виѣ существѣ-
юющъ конечно заблудишъ . Ихъ несущеспва , го-

ворилъ онъ , произошло все : необходимо все
 въ несущество обрашишься должно. Вотъ пучи-
 на гдѣ вся наша надежда погибнетъ. Но какъ
 сей лжеучитель признавалъ , что онъ въ жизнь
 свою міръ обманывалъ : то и достойно заслу-
 жилъ , что при смерти никто ему въ томъ не
 вѣрилъ. А какъ безбоже всегда больше послѣ-
 дователей находишь , нежели богопочитаніе :
 то между боязю вѣдалась особливая секта
 безбожниковъ , удержаннаяющихся на послѣднихъ
 словахъ своего учителя. Проштѣ не возмоши пре-
 одолѣть свои предубѣжденія остались въ пер-
 вомъ своемъ заблужденіи. Иные спарайсь то
 и другое согласинъ , вѣдались особливыми отъ
 обѣихъ по двоякому закону ученію , почивая
 одинъ вънѣшимъ , другой внутреннимъ , и полагая
 одинъ приготовленіемъ духа къ другому. Не об-
 ходимо нужно , говорятъ они , кружалы къ
 строенію свода ; а по вѣданіи онаго выламы-
 ваны бывають. Такимъ то образомъ дьяволъ
 равно пользуется какъ проспокою , такъ и
 лукавствомъ человѣка къ его погибели. Въ иѣ-
 которыхъ погасилъ со всѣмъ признаніе испинна-
 го божества , которое въ нихъ разсудкомъ бы-
 ло влішо ; въ другихъ , стремленіемъ къ
 богослуженію , произвѣлъ почитаніе идовъ ;
 по тому что не одинъ сей уродъ былъ обожа-
 емъ , но обезьяна , слонъ и лраконъ туже почестъ
 въ разныхъ мѣстахъ имѣли , по причинѣ можетъ
 быть той , что богъ Фо во всѣхъ живописи
 преселенъ былъ. Китай болѣе прочихъ госу-
 дарствъ суевѣрію подверженной , число идовъ
 своихъ умножилъ , и такъ какъ мы нынѣ видимъ ,
 крамы свои ими наполнилъ къ вящшему обману
 и проспокы народной.

Правда

Правда, что не всегда равное богамъ тѣмъ почишаніе отъ нихъ бываетъ; но случаетъся часто, что послѣ великаго почтенія, еспѣли народъ желаемаго не получить, скуча безплоднымъ моленіемъ, оставляетъ ихъ какъ боговъ безсильныхъ. Иные покидаютъ ихъ въ совершенномъ презрѣніи, а не терпѣливѣйше наказываютъ и тѣлесно, приговаривая: какъ? собачий духъ, мы тебѣ построили храмы, позолотили какъ лупче не лъзя, а мы намъ и нужнаго дашь не хочешь. Но томъ связавъ веревками шаскаютъ его по улицамъ, мараж грязью и каломъ, чтобы вымѣшишь принесенное ему благованіе. Есть ли же во время желаемому здѣлашься слушающими: тогда они его обмываютъ и съ великимъ чинопослѣдованиемъ возвращаюшь опять на прежнее мѣсто, и проспервшись на землю передѣльнимъ приносятъ свои оговорки: праѣда, что мы иѣсколько были не терпѣливы; но признался что мы и самъ виновеныъ своимъ упрямствомъ; за чѣмъ изъ доброй воли искашь побой? не лучше ль бы то было, чтобы здѣлашь добрымъ порядкомъ? но ужъ что было, того не воротишь и думашь о томъ излишнее; мы опять тебѧ по прежнему вызолотимъ и только чуръ старого не помнишь.

Не должно ли со всѣмъ лишенну быть смѣла, чтобы обожать такихъ слабыхъ и робкихъ боговъ, которыхъ споль дешево бить и позорить всякой можешь? но вмѣсто этого, чтобы народъ тѣмъ могъ понять лжебожіе ихъ и возвратившись къ разуму, онъ больше онъ онаго отступаетъ и ослѣплѣется. Бонзы, за получаемой себѣ прибышокъ, спаравшися що безуміе уважашъ

сколько можно. И для лучшаго въ шомъ успѣхъ, воиъ какъ они нравоученіе свое учреждающъ; они разтверживають, что не надобно думашъ, чтобъ было добро и въ будущемъ мѣрѣ такъ какъ здѣсь смишано. По смерти какъ добрымъ воздаяніе, такъ и наказаніе злымъ конечно будешь; и для того разныхъ мѣстъ по разнымъ человѣческимъ достоинствамъ учреждены. Богъ Фо былъ спаситель мѣра, онъ рожденъ для показанія способа къ спасенію и для испребленія грѣха. Пять заповѣдей онъ намъ оставилъ: первая запрещаетъ убийство, впораж чужому имѣнію касаться, третья повелѣваетъ сохранять себя отъ всякой скверны, четвертая не лгать, пятая не пить вина.

Сверхъ того требуютъ добрыхъ дѣлъ говоря, почищайте бонзовъ, созидайще имъ храмы и монастыри, дабы они посѣмъ своимъ и молитвами избавили васъ отъ заслуженной грѣхами вашими въ будущемъ вѣкѣ казни; сожигайще на жертвеникахъ позлащенные и посеребренные бумаги и драгія ваши одѣянія; все сное въ будущемъ превратившися влатомъ и нещадною одеждой, которая вѣрою отцамъ вашимъ отдана будетъ въ случаихъ ихъ нуждъ. Еспѣли вы заповѣдей и повелѣний не исполнише; по смерти вашей вы жестоко мучимы будеше, и безконечному слѣдству мемесихозовъ подвергнешься: то есь, что вы будеше перераждаться во образъ мышей, ословъ, лошадей и всякаго рода зверей. Оныя угрозы великое въ народѣ производяще дѣйство. Бонзы оныя весь безъ изъятія изъ самаго подлѣшаго зброда, кошо-

которыхъ праздность, лѣношь и нужда со-
брали въ сожищѣ питаться общимъ подаяніемъ.
Къ сему, какъ къ единственной своей цѣли,
чтобъ побудить народъ, они ничего упо-
шреблять не оспавляютъ; о чёмъ ежедневно
слышимъ вѣши доказывающія ихъ пронырли-
вое искусство. Два изъ сихъ бонзовъ, увидѣвъ
нѣкогда во дворѣ одного богатого крестьянина
двухъ жирныхъ ушокъ, пали ницъ на землю пе-
редъ его ворѣшами, и вздыхая съ спономъ, с па-
ли плакать горько. Хозяйка увидѣвъ ихъ въ
шомъ состояніи вышла изъ избы чтобъ узнать
опѣ нихъ причину ихъ шоликой скорби. Мы
знаемъ, ошѣщевовали они, что души оп-
цовъ нашихъ преселились въ сихъ ушокъ; и
сѣрахъ, чтобъ вы ихъ не убили заставляешь
насъ плакать, вздыхать, да и умрешь конеч-
но. Правда, ошѣщевовала крестьянина, мы на-
мѣрялись ихъ продать; но когда сюо ваши
родишли: я обѣщаю вамъ ихъ зберечь. Но не
шого опцы сяпыя хомѣли. Можешъ бысть,
говорили они, мужъ твой не такъ щелѣ, и
соболѣзнованія шого имѣшь не будешъ; и мы
конечно погибнемъ, ешьли опѣ съ ними что здѣ-
лаетъ противное. На конецъ по многихъ раз-
говорахъ, они того добились, что хозяйка для
утѣшенія ихъ на збереженіе имъ тѣхъ ушокъ
отдала, которыхъ они съ почтеніемъ при-
няли; а на вечеръ своему обществу изъ опцовъ
своихъ изрядной приготовили ужинъ.

У одного изъ знамыхъ Императорскихъ
свойственниковъ умеръ человѣкъ, котораго онъ
много любилъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, случилось

ему передъ бонзами съ прискорбiemъ о немъ напомянути, которые ему сказали, что шаташа оная не безъвозвраша; шотъ, око шоромъ вы говорили, находиша въ великой Таршарии; по тому что душа его преселилась въ одного изъ шамошнихъ младенцевъ. Но чтобъ его узнать, надо раздать шамошнимъ священникамъ великия деньги. Князь тошъ обрадованъ будучи неожидаемою сею вѣстю, щедро требуемое отдавалъ пока [что есть чрезъ иѣсколько мѣсяцій] ему одного изъ шамошнихъ дѣтей, на удачу взяшаго, предспавили съ душою умершаго. Такимъ то образомъ опѣ князя и до селянина всѣ подвержены обману служителей беззаконія. Чего они прощаніемъ присвоинъ не могутъ, приобрѣшаюшъ то приворствомъ, по томъ и наружною святостью, которая вмѣсто всѣхъ доспояніє передъ народными глазами служитъ, и производитъ къ нимъ соболѣзнованіе. Съ предлиными и тяжкими цепями паскаль по улицамъ предъ каждыми воротами кричать они: вонъ, какъ за ваши грѣхи жертуемся. Не спбишъ ли по великой милости? Другія сидя на площадяхъ бьются камнями; однако же всѣ они зполь свято восхищены. Есть между ими и шакія, которые между тѣмъ, какъ ихъ товарищи въ одномъ краю города наружною набожностью облекаются, они въ другомъ вымыщеніемъ волшебствомъ, приворствомъ и тысячами беззаконіями деньги добываюшъ.

Хотя вообще народъ къ нимъ и предубѣжденъ: одпако разумнѣйше не оставляюшъ себѣ безъ осторожности отъ сихъ злодѣевъ;

особливо судьи радѣшельно смотрѣть на все что
что дѣлается въ монастыряхъ. Нѣсколько лѣтъ
 тому назадъ , какъ одинъ Губернаторъ или пра-
 вицель одного города єдучиъ обычайною своею
 силою, увидѣлъ на большой дорогѣ великое со-
 браніе народа ; онъ любопытствовалъ знать збода-
 того причину. Тутъ бонзы праздновали чрезвы-
 чайно свой праздникъ. На превысокомъ позорищѣ
 построенъ былъ храмъ , въ верху котораго
 сквозь устроенные балясы , одинъ молодой человѣкъ
 выставлена имѣлъ голову ; руки и туло-
 вище его было привязано , такъ что кромѣ
 глазъ онъ ни чего свободнаго не имѣлъ , кото-
 рыми онъ ужасно ворочалъ. По ниже его на
 шеатрѣ видѣнъ былъ одинъ преспарѣй бонзъ
 полкующій народу ту жертву , которую по
 древнему обыкновенію молодецъ тѣмъ исполнить
 намѣрился. Вдоль подлѣ дороги стекла
 глубокая рѣчка , въ которую , онъ объявлялъ ,
 броситься было ему должно. Но еслѣли онъ
 хочетъ , онъ не уронетъ , для того что
 всѣ добродѣтельные рѣки токи духи ево
 встрѣтятъ и примутъ съ желаемымъ имъ уг-
 шенiemъ. Сверхъ того ето щастіе превосходи-
 дитъ всѣхъ , которыя бѣ съ нимъ могли случиться.
 Не одно спо человѣкъ снарались имѣть его мѣ-
 сто , но онъ по усердїю и добрымъ его каче-
 ствамъ преимущество то получилъ. Мандаринъ
 все то выслушавъ сказалъ , что молодецъ тѣмъ
 великую имѣеть отвагу ; но что онъ съ своей
 стороны удивлешся , для чего онъ не самъ въ
 толь спасительномъ предпріятїи. Пусть гово-
 рилъ онъ бонзу , онъ сойдетъ на часъ , чтобъ
 мы могли съ нимъ не много переговорить. Бонзъ

уди-

удивясь шому намѣренію топчасъ спалъ со-
 прошиелясь, и утверждалъ что все то пре-
 вратится, еспѣли онъ слово вымолитъ, и что
 онъ не ручающаѧ о напастяхъ, каковы въ шакомъ,
 случай всему уѣзду приключиться могутъ. На-
 пасъ, которой ты спрашишь, отвѣтствовалъ
 Губернаторъ, я прѣмлю на себя; и по томъ пове-
 лѣвалъ молодому человѣку, чтобъ онъ сошелъ; но,
 онъ на есъ его повелѣнїя не инако отвѣтствовалъ,
 какъ ужаснымъ и непорядочнымъ движеніемъ глазъ,
 кошорые почти у него вонъ изъ головы выходи-
 ли. По его трепету отвѣтствовалъ бонзъ, ты
 долженъ заключишь, какое ты предпрѣмлеши съ
 нимъ насилие. Онъ смотрѣлъ въ какомъ отчаяніи;
 еспѣли ты свое желаніе не оставилъ: онъ вѣр-
 но умрешъ отъ скорби. Мандаринъ не далъ
 въ обманъ, но велѣлъ своимъ людямъ ввойти
 на вѣрхъ и его привесить. Они его нашли шакъ
 связана и припушана съ кляпомъ ворѣ, что
 онъ не могъ шевельнуться. Топчасъ какъ сей
 нешастной былъ развязанъ, и какъ отдохнулъ,
 зачалъ кричать что есть мочи. А! государь
 отмѣти симъ убийцамъ, кошорые меня хотѣли
 утопить. Я школьникъ, которой шелъ для
 свидѣтельствованія меня въ моихъ наукахъ въ
 Пекинъ. Толпа бонзовъ вчера со мною встрѣ-
 чилась, меня удержали, а сего дnia рано при-
 вязали къ сему мѣсту, такъ что я ни кричать
 ни жалоѣться не могъ. Они въ сей рѣчкѣ упо-
 питъ меня намѣрились, чтобъ лиша меня жи-
 зни исполнить проклятыхъ свои обряды. Толь-
 ко онъ зачалъ говорить, бонзы въ убѣжаніи спа-
 сенія своего искаль начали; но иѣкоторое чи-
 сло губернаторскимъ конвоемъ поимано. Началь-
 никъ,

никъ , которой увѣрялъ , что брошеной въ рѣку не утонешъ , самъ туда сверженъ и утонулъ , а прочія взяты въ тюрьму и послѣ жестоко наказаны , чего и заслужили . По овладѣніи Китая Ташарами , Ламы родъ такихъ же бонзовъ тамъ поселились . Одежда ихъ отмѣнна отъ Китайской и цѣломъ и покроемъ . Но выключая нѣкотораго особливаго рода суевѣрія , законъ ихъ таковъ же ; богъ Фо равно и ими обожаемъ . Въ Пекинѣ прошими только господами попы живущъ , а въ великой шаршаріи они сами боги своего народа . Тамъ то испинная преславная Фог , которой въ чувствительномъ образѣ лвляетсѧ , и сказывають никогда не умираетъ . Онъ обишаєтъ въ пребогатомъ храмѣ гдѣ безчисленное множество служащихъ ему . Ламъ величество его и почтение къ нему народу внушаютъ . Рѣдко онъ видимъ бываетъ , да и то такъ издалека , чтобъ прямо разсмотрѣть его было не можно . Когда онъ въ правду умираетъ , по тому что онъ человѣкъ : другой Лама равнаго росту , и какъ можно и виду , мѣсто его заступаетъ , чтобъ народъ чрезъ то болѣе былъ увѣренъ . Такимъ образомъ , какъ жители такъ и чужеземцы вѣчно обмануты сими лжеучителями .

Между множествомъ законовъ китай раздѣляющихъ , я умалчиваю о Махометанахъ , коихъ весьма малое число по разнымъ провинціямъ раздѣлясь , лѣтъ около шести соръ шамъ въ совершенной живущъ тишии ; для того что они сами никого въ законѣ не беспокоятъ , довольствуясь шѣмъ что они сохраняютъ себя или нѣсколь-

нѣсколько и умножаютъ способомъ браковъ и союзовъ; но весьма нужно изъяснить о третьей **секти**, кою ая въ мѣсто закона, философи и иногда и вмѣсто политики, у ученыхъ людей служитъ. Не можно оное ученіе прямо чѣмъ ни есть назвать, пошому что оно такъ племно что и они сами не знаютъ точно, что они утверждаютъ. Бѣ своеемъ языкѣ называютъ ее *Ихга*, то есть, секта мудрыхъ. Для лутчаго оной понятія надобно знать, что когда междуусобными бранями, многобожіемъ и волшебствомъ государство было нѣсколько вѣковъ въ беспорядкѣ: науки со всѣмъ были забвены; и очень мало было такихъ учителей, кошорыя бѣ своимъ наставлениемъ были въ силахъ возбудить невежествомъ и развращенiemъ нравовъ задавленный разумъ. Но только въ 1070 году, нѣсколько славныхъ переводчиковъ да въ 1200, одинъ учитель передъ прочими знаніемъ и способностію своею отлился. По примѣру его мало по малу зачали входить во вкусъ древнихъ книгъ, которые до того со всѣмъ брошены были. На конецъ въ 1400 году государи хотя поострипъ народъ къ наукамъ, избрали 40 искуснѣйшихъ и ученыхъ людей, коимъ приказано здѣлать слогъ ученія согласной древнему; которой съ тѣхъ поръ и сталъ основаніемъ ученія всѣхъ мудрыхъ. Мандарины, коимъ по поручено было, прилежали къ тому рачительно; но какъ они уже предубѣждены были догмами кои съ идолослуженіемъ по всей кипайской области разсѣяны были; вмѣсто того чтобъ послѣдовать истинному толку древнихъ, они спарались по мхъ ложному исполненію согласиь оной

съ

съ собственнымъ своимъ мнѣніемъ. О божествѣ они говорили, будто оное есть само естество; то есть, та сила, или естественное по свойство, которое правитъ, чередитъ и соблюдаетъ всѣ части мира. Оно есть, говоряще они, существо не порочнѣйшее и совершеннѣйшее, которое ни начала ни конца не имѣетъ, источникъ всѣхъ веществъ и изящество всякого существа, которое видимую въ нихъ составляеть разность. Пынного сего извѣясненія, держатся они повидимому только для того, чтобъ не разбиться съ древними; а въ самомъ дѣлѣ они особое учение имѣютъ, полагая не вѣдомо какую душу не чувствительную мира, которую они воображаютъ плавающую въ матеріи, изъ которой она всѣ премѣны производитъ. Ужѣ епопе тѣтъ сомовласіній господь небесъ, праведный, всемогущій и первый промыслъ и посредственникъ всей твари, что намъ въ учении ихъ является; но нѣкая хитрая бытность отдаляющая всякое богослуженіе.

Но для тоголь, что они точно открыться не хотѣли? нѣшь для того, что выражали сильнѣе нежели думали. Они нѣкогда, какъ и древнѣ, упоминаютъ о небесахъ и естеству даютъ всѣ тѣ свойства, которые мы признаемъ въ Богѣ. Но Магометанѣ они зато терпятъ, что они признаютъ такъ же господа и владыку небесамъ; протчѣ яже sectы гонимы были жестоко. При дворѣ приято было намѣренїе, во всей пространной сей имперіи, ихъ испрѣбить со всѣмъ; но многіе причины то отвратили; изъ которыхъ главнѣйшю было то, что и сами учёные разныхъ мнѣній

ній были; а нѣкоторыя и идолослуженію заражены. Такъ же и народъ весь подверженъ былъ многобожію. Такимъ образомъ храмы ихъ о превержены бытъ не могли безъ возмущенія; и такъ въ мѣсто всего того, только оные ерешическіи вѣромъ всенародно обявлены; что и до днесь въ Пекинѣ ежегодно дѣлается. Но действитель но оное запрещать никто не отваживающійся, хотя всѣ тѣ книги, производство толь искусныхъ людей, самимъ Императоромъ удостоены и отъ всѣхъ приняты были съ похвалою. Однимъ понравились они для того, что всякое богослуженіе они отвергаютъ; и такихъ было величайшее число, другіе ихъ приняли для того, что находя толь мало въ нихъ закона, исполненіе онаго имѣ никакого труда не споило. Такимъ то образомъ секта ученыхъ произвелась, о которыхъ можно сказать: они языкомъ только Бога почитаютъ и губами; потому что всечасно твердятъ: надобно небеса обожать и имъ покоряться во всемъ; но сердце ихъ отъ словъ тѣхъ далеко, разумѣвая силу ихъ въ противномъ смыслѣ, уничтожающемъ божество, и опровергающемъ всякое богослуженіе. Такимъ то образомъ, народъ сей издревлѣ, толь жалостно подверженъ спалъ суетѣ, волнѣбству, многобожію и наконецъ атеистству, превращаясь изъ гибели въ гибель, въ противность разсудка, за кошорымъ толь твердо прежде слѣдовалъ, и спалъ въ ужасъ самому естеству, которое нынѣ толикими онъ величаетъ похвалами.

Вотъ нынешнее состояніе Китая , въ разсужденіи владычеспвующихъ тамъ законовъ. Помо-
му что касается до конфуціуса и приносимыхъ
ему почестей: то не отъ езуитовъ ужѣ зависимъ
насъ увѣриТЬ , что оное никогда богослуженіемъ
не было; и что зданіи его имя носяЩІЯ не суть хра-
мы , но дома опредѣленныя для зборища ученыхъ.
Теперь остается только сказать ономъ , какое
посредство принялъ нынешній ихъ Императоръ ,
между sectами раздѣляющими сердца толь ве-
ликого народа. Сей государь съ природы мудрый
и осторожный сначала народъ свой ласкалъ сидя
на пронѣ , которой наилѣгчайшій ветръ опровер-
гнуть можетъ. Онъ болѣе всего любовію сво-
ихъ подданныхъ утвѣрдить оной стараєтъ ,
и вмѣсто того чтобъ оныхъ раздражать , снисхо-
дитъ въ ихъ склонности , хотя мнѣнїе чѣмъ его
отецъ , опасаясь возбудить на себя Мандариновъ ,
но болѣе нежели всѣ древніе Императоры Китай-
скія , чтобъ чрезъ то облѣгчить народу , новою об-
ластію наложенное иго. И такъ дозволяетъ онъ суе-
вѣріе ; и нѣкоторыхъ бонзовъ , которые придворъ
иль въ народѣ здѣлались славны , жалуетъ отмѣн-
но. Хотя съ принужденіемъ , но терпимъ въ сво-
емъ домѣ тѣхъ , которыхъ мать его при себѣ со-
держаніи. Въ прощемъ хотя съ ними благопристой-
ность и наблюдаешь : только мнѣнїю ихъ не работѣ-
ствуешь ; и во многихъ случаяхъ , что прежде
сего за основаніе закона почиталось , за безуміе
и басни почитало публично. Сказываютъ онъ нѣ-
когда сказалъ езуиту , который въ должностіи
Математика при немъ находился : для чего ты
не такъ какъ мы называемъ бога ? мнѣнїе бы про-
шившись закону швоему спали . Ты его называ-
и
ешь

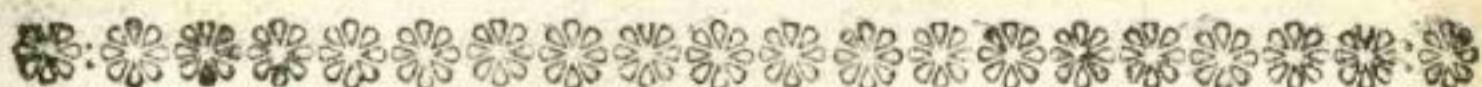
ешь *Тиенху*, что значить всемогущий небеса. Мы его называемъ *Хамти*, онъе значитъ всемогущий повелитель: не всѣли то равно? и должны оставлять слово за то, что народъ ему не праведное исполнованіе прилагаетъ? Езуитъ ему отвѣтствовалъ: знаю что ваше величество въ семъ случаѣ послѣдуете древнему Китайскому учению; но мнѣ изъ учителей вашихъ весьма опѣ сною отдалились; и ешь мы такъ же станемъ изъясняться какъ они: то могутъ они думать ч то и мы мыслимъ согласно съ ними. Но ешь мы ваше величество прикажете указомъ своимъ обнародовать, что слово *Хамти* въ самомъ дѣлѣ тоже значить, что христіане разумѣюшъ подъ на званіемъ *Тиенху*: мы грешны будемъ изъясняться, которыми вамъ угодно будешъ. Онъ похвалилъ сей совѣтъ, но благопристойность послѣдовать тому не дозволила. Когда Императорская мать умерла: тѣ которые должны были рачить о погребеніи, представляли Императору, что надлежитъ по древнему обычаю, разобрать часть стѣны Императорского дома, сквозь которую пронести должно ее тѣло; по тому что Императорской родѣ, подверженѣ будуть великимъ напастямъ, ешьли ее пронесутъ въ ворота. Вы неразумны, отвѣтствовалъ онъ, воображая себѣ что мое щастіе иль нещастіе зависитъ отъ пушки, которыми мать моя пойдетъ въ могилу. Мое нещастіе въ томъ что я ея лишился; и ежели я чего опасаюсь имѣю: оное есть то, чтобъ ее необезспечить по смерти, суевѣрнымъ такимъ погребеніемъ и смѣшными обрядами,

Несколько времени послѣ, прине^шей служивши^я
девицы, просили Императора, чтобъ имъ дозво-
лено было проводить госпожу свою на путь
свѣтъ, гдѣ конечно она будетъ имѣть нужду
въ ихъ услугахъ. Я ужѣ то предупредилъ, от-
вѣтствовалъ Императоръ, и вы можете въ семъ
случаѣ бысть спокойны; но опасаясь, чтобъ изъ
зверскаго усердія, они сами себя не предали
смерти, тогдѣ часъ приказалъ чтобъ имъ обрѣ-
зали волосы, и чтобъ ихъ заперли. Когда они
обриты, тогда думаютъ что ужъ они бесполез-
ны и не въ состояніи бысть въ услугахъ знат-
нымъ людемъ, на томъ свѣтѣ. Всѣ тѣ при-
мѣры доказываютъ, что Императоръ весьма далекъ
отъ всѣхъ народныхъ заблужденій. Онъ дѣлаєтъ
почести конфуцию, какъ первому и мудрому
философу всего мира; и во многомъ послѣдуетъ
его установленіямъ. Когда его надобности того
потребовали, нѣсколько разъ въ году, приноситъ
онъ и жертвы въ капища, подревнему обычая;
но обѣявляетъ что то делаетъ только въ честь
жами; и ни чего кромѣ всемогущаго Влады-
ки мира не обожаєтъ. По крайней мѣрѣ, про-
повѣдники наши намъ сообщаютъ: онъ вѣруетъ
быть Бога; но политика его и страсть, толь про-
шивныя ученію Иисуса Христа, не позволяли ему
видеть истинну Евангелія. Государь сей не дозво-
ляєтъ чтобъ обѣ немъ думали, что онъ по
слабости ошмешещъ законъ христіанской, о ко-
торомъ онъ съ однѣмъ езуишомъ и говорилъ:
ваши законъ очень строгъ; но какогобъ преодолѣ-
нія мнѣ то ни споило, я нимало бы принять его
не раздумалъ; естълибъ я его по читалъ истин-
нымъ. И естълибъ я здѣлался христіаниномъ: тобъ

конечно я требовалъ, чтобъ въ три года и всѣ
Государство примѣру моему послѣдовало; по-
шому что я снаго господинъ. Езуиты его отъ
того отвращать не спаравались, потому что ихъ
главное искусство есть закономъ утверждать дес-
потство.

КОНЕЦЪ.

ЕПИСТОЛА.

ПЕРЕВОДЪ.

Кто гордость, роскоши ногами попираеть,
Доволенъ малымъ кто: свободенъ тотъ бываеть,
надеждою не льстясь и презирая страхъ,
Онъ правдѣ слѣдуеть во всѣхъ своихъ дѣлахъ.
Безстрашно судить все, безъ гибба исправлениъ,
И злобымъ своего пера не посвящаетъ.
Не мнимъ по временамъ хвалить и охуждать,
И не умѣеть онъ порокамъ угождать.
Лучь истины даетъ душѣ въ немъ просвѣщенье,
И вѣ умъ его войти не можетъ заблужденье.
Онъ болѣ честенъ, гордъ, чтобъ знавшихъ могъ хва-
Достойнства, чины, онъ пищится раздѣлишъ. Члишъ
Страшимся, чтобъ о немъ не стали сомнѣваться,
Что лица и чины имъ за едино чтимся;
И естьли отъ него кто хочетъ бысть почтенъ:
Не родомъ долженъ тотъ бысть, честью одаренъ.
Не рабствуетъ, но всѣхъ достойныхъ почитаетъ,
Черпоги царски чтитъ, святый храмъ обожаетъ.
Коль дерзостная мысль къ нему стремится въ умъ:
Онъ скоро таковыхъ себѣ лишаетъ думъ.

Но ты не мни, чтобъ онъ притворствовашъ старался,
И поступью та^{ко}й лишь толькобъ прикрывался:
Взираетъ тайно онъ на сей просторный свѣтъ,
И знанности достичь желанія вѣ немъ нѣтъ.
Не льстяся честью онъ ее не презиралъ;
Рушенцъ ее бранитъ, подлецъ досищъ желаетъ.
Онъ важность гнавъ, должны мы вольность сохранять,
На правильныхъ вѣсахъ всю правду измѣрять,
Со слабостью людской оинюдъ не соглашалъся,
Вѣничестѣю свою не много просвѣщалъся,
И починая власпъ умѣть самимъ молчаніе;
Лишь важность правъ моглабъ всю силу получать.
Мы только тѣмъ свою свободу сохраняемъ,
Коль та^{ко}й подъ власпю разсудка мы бываемъ.

Когда, любезной другъ, зима растворитъ зѣвъ,
И придетъ стужа къ намъ отъ сѣверныхъ краевъ:
Тогда вѣ своей избѣ, гдѣ Музы пребываютъ,
Гдѣ правда говорятъ, ласкательства не знаютъ,
Вѣ наукахъ испинныхъ имѣя тьму утѣхъ,
Предстани, къ намъ на судъ сзываешь смѣло всѣхъ.

Коль на придворныхъ мы жильцовъ тогда взираемъ:
Мы гордыжъ подлецовъ вѣ нихъ только обретаемъ,
Которы важностью, опягчены пустой,
Теряя дни, свои, спремяется за мечтой.
Прѣятно зѣять, какъ ихъ всѣ горести терзаютъ,
Какъ ползаютъ они и какъ собой скучаютъ.
Временщика хвалой старающъся, вносить,
Чтобъ милость отъ него какую подучить.
Имѣніемъ они людей нещастныхъ льстятъ
И подлостью себѣ то испросить, спремяться;
И какъ бывъ жертвою корысти и рабомъ,
Нещастіемъ всего лишаются по томъ.

Уединенъ то изъ насъ всякъ похвалияетъ,
Которо прелестей придворныхъ избавляєтъ:

Но намъ того еще приличнѣе хвалишь,
 Въ комъ твердости ничего не можетъ нарушить,
 Подобно бургусу собой кто можетъ править,
 При дверахъ пропасти отъ зла себя избавишь,
 Въ придворныхъ плавая спремительныхъ валахъ,
 Всемъ правдѣ жертвуетъ, не зная, что есть страхъ.

Премудрый мужъ во всѣхъ со обществахъ быть можетъ,
 Въ немъ твердости его ничего не воспревожитъ.
 Безъ гордости онъ строгъ, безъ подлости онъ тихъ,
 Умѣренность хранитъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.
 Чтобъ не сочли его упорнымъ и надменнымъ,
 Идетъ и онъ во слѣдъ обычаямъ премѣннымъ,
 Лишь въ добродѣтели бышъ твердъ всегда.
 Терпя злыя, самъ бышъ тѣмъ не можетъ никогда,
 Какъ солнце, воды чпо гнилые освѣщаетъ,
 Но тѣмъ лучей своихъ опиодъ не помрачаетъ.

Мы должны снисходить всѣмъ слабостямъ людскимъ,
О заблужденій ихъ скорбя, нейти въ слѣдъ имъ.
 По чпо богатства намъ съ чинами домогаться:
Коль добродѣтелью на то должны мѣняться?
 Межъ состояній всѣхъ равенство Богъ хранишъ,
 И смертныхъ нужнымъ всѣмъ всегда равно дѣлимъ.
Онъ отъ умѣренныхъ всѣ скорби отгоняетъ,
 Къ богатству трудъ, къ чинамъ досады прилагаетъ,
 И чтобъ величество душъ нашихъ сохранишъ,
 Отъ нашихъ хижинъ то онъ тщится удалить.
 Помощимся избѣжатьстыда, всему вѣряясь,
 И дерзостно противъ всего вооружаться.

О! вы, чпо всѣмъ себя давать обыкли въ власть,
Я вашу жалостну оплакиваю часть.
 Чужой вы волѣ въ слѣдъ спѣшише съ успримленьемъ,
 Что думать, ждете въ помъ указа вы съ почтеньемъ.
 Надменны червяки чпо въ подлости гордясь,
 Притворствовашъ еще изъ дѣлства научась,

Подъ кровомъ олтарей предъ царскій тронъ ступая,
 Что служите богамъ, лишь смертнымъ угождая,
 И вы ласкашели, что изъ корысти злой,
 Пороки всѣ хваля въ нихъ вѣкъ ведете свой,
 Что угождашь другимъ во всѣхъ страстиахъ рачите;
 Ведите въ рабствѣ дни и въ скучѣ вы умрите.
 Убога хижина прѣяниѣ мнѣ сто кратъ
 Нѣвиноспью своей, огромныхъ тѣхъ палатъ,
 Которыхъ видны кровль веръхи подъ небесами,
 Но въ коихъ кирпичи омыты всѣ слезами.

Е П И Г Р А М М А.

Напрасно мнѣ писать пустыя строки,
 Достойней меня ты во сто кратъ;
 Я бѣденъ, ты богатъ:
 Въ шомъ всѣ достоинства твои, мои пороки.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
О ИСТОЧНИКѢ СТРАСТЕЙ:

Довѣренность привязанная къ болынимъ мѣс-
тамъ, можетъ такъ же какъ и богатство
удалить отъ насъ беспокойства, произвестъ въ
насъ удоволѣствіи, и почипаться слѣдственno
обменою. И такъ можно при скоитъ славолюбю-
що, что я упомянуль о скупости.

Желанїе освободиться отъ нуждъ произво-
дитъ честолюбивыхъ, и между тѣми дикими
народами, у которыхъ начальники или короли
не имѣютъ иного преимущества, какъ то
что питаютъ и одѣваются охотою воиновъ сво-
его народа. Герои были уже и при началѣ Рима,
жопя и не давалось имъ иного награжденія за
великія дѣла, какъ только та часть земли,
которую Римлянинъ могъ очистить и вспахать
однимъ днемъ.

То что упомянуль я о Римѣ, касается и до
всѣхъ бѣдныхъ народовъ. Одно только желанїе
свободиться отъ беспокойства и работы, дѣлаетъ
между ими честолюбивыхъ, въ то время когда
между богатыми народами, гдѣ всѣ желающія ве-
ликихъ мѣстъ имѣютъ довольно богатства, не
такмо коудозолѣствию своихъ нуждъ но и при-
хопей. Оная страсть производится отъ любви
къ веселью.

Но для чеожъ скажутъ мнѣ Порфира, Ски-
петра и вообще всѣ знаки чести не произво-
дяшъ

дливъ въ нась ни какого дѣйствія, веселья тѣлеснаго? Честолюбіе не основано ли на желаніи быть поченнымъ а не на любви къ веселью? отъ чего оное, скажущъ мнѣ, и не могло бы быть дѣйствіемъ чувствованія тѣлеснаго.

Есть либо желаніе къ великости, буду я отвѣтствовать, не производилось въ нась инымъ чѣмъ, какъ желаніемъ поченія и славы: тобѣ честолюбивыя оказывались только въ такихъ республикахъ, какъ въ Римской, въ Спартианской, въ которыхъ чины заставляли всѣхъ, пользующимся оными, присвоивать въ мысляхъ своихъ, тѣ великия добродѣтели и качества, за которыя онѣ должны были награжденыемъ. Гордость ихъ могла лѣститься чинами, когда оныя увѣряли ихъ о поченіи ихъ согражданъ, и когда имѣвъ оныя и принуждены будучи исполнять великия предпрѣятія, могли почитать ихъ посредствомъ къ своему прославленію и доказательствомъ своего превосходства надъ другими; но какъ честолюбивыя спартали о чинахъ и въ то время, когда оныя наиболѣе унижены выборомъ, возвышенныхъ въ оныя людей, исключительно когда онѣ наимѣнѣй лѣстить должны: то изъ сего слѣдуешь, что честолюбіе основано не на желаніи быть почтаемымъ. Споль же мало основаніемъ мнѣніе пѣхъ, которые думаютъ что честолюбивой обманывается можетъ быть и самъ въ семъ случаѣ. Знаки поченія, которые предъ нимъ расточаются, даютъ ему знать всякую минуту, что почтапающъ не его, но его мѣсто. Онъ чувствуетъ что поченіе, которымъ онъ пользуется, касается не до особы, что оно

изчезаетъ съ кончиною или съ милостью государскою, такъ что можетъ иногда испребицься и его старостью; и что тогда люди возвышенныя до первыхъ степеней, окружающъ владѣтеля по примѣру золотыхъ облаковъ бывающихъ призакашъ Солнца, и которыхъ блескъ затмѣвается и изчезаетъ помѣрѣ того, какъ оное свѣтило опускается подъ горизонть. Онъ самъ ио многажды слыхалъ и говорилъ, что нынѣ одиѣ достоинства не производятъ въ знатныя чины, и не доказываютъ еще глазамъ общества прямаго достоинства, такъ что почитаются всегда заплатою пронырства подлости, и докуки. А естьли кто въ томъ усомнится: то можетъ уѣхритъся исторіею, а особливо византіскою, въ которой увидитъ человѣка одетого первейшими чинами имперіи, но презреннаго цѣльмъ свѣтомъ. Но положимъ что честолюбивой жадая слѣпо почтенія, мнитъ только сыскать оное въ большихъ чинахъ: то лѣгко доказать будемъ, что то не настоящій подвигъ его поступокъ, и что онъ себя самъ обманываетъ въ семъ случаѣ; по тому что онъ почтенія не желаетъ единственно для почтенія, но въ разсужденіи полезностей получаемыхъ отъ онаго; что я и докажу въ глазѣ о гордости. И такъ желаніе къ величости не происходитъ отъ желанія къ почтѣнію. Къ чему же приписать ту горячность, съ которою спараются о чинахъ? отъ чего честолюбивой, по примѣру молодыхъ богачей и любящихъ казаться народу всегда въ богатомъ нарядѣ, не хочетъ оному предстать, не убранъ будучи какимъ ни есть знакомъ чести? Сіе дѣлаешь онъ въ разсужденіи того, что почитаетъ

сіи знаки чести, полмочами изъясняющими людемъ его свободу и власть, которою онъ можешъ вѣлать многихъ изъ нихъ щасливыми и нещасливыми, по своей волѣ, и пользу, которую получашъ они въ снисканїи его милости, соопытвѣшующей всегда причиненному ему ими веселью.

Ешьлижъ положишъ, что честолюбивой ревнуешь къ высокопочитанію и обоженію людей, по тому только что желаешъ ихъ высокопочитанія: то для чего же желаешъ онъ онаго. Въ уничженіяхъ предъ болышиими нравившися имъ всеконечно не знакъ высокопочитанія, но не что другое. Ешьлибъ оной знакъ быль прияшенъ самъ собою: тобъ не осталось ни одного богатого человѣка, которой бы не пользовался такимъ щастіемъ, не выходя изъ дому и не бѣгая за чинами. Онъ бы нанялъ дюжину разноциковъ, надѣлъ на нихъ богатыя платья и оплелъ ихъ всѣми лентами европейскими, держалъ бы ихъ упромъ въ своей передней и заставилъ ихъ всякой день жертвовать своей гордости, приношениемъ упомянутыхъ знаковъ высокопочитанія.

Равнодушіе богатыхъ людей къ сему роду удовольствія доказываетъ, что почтеніе любитъ не само по себѣ; но почитается признаніемъ уничженія другихъ предъ нами, залогомъ ихъ благосклонности и стараниемъ удалять отъ нихъ труды и доспавать имъ веселье.

И такъ желаніе къ великости, основано только на опасности отъ пѣчали, и на любви къ весе-

веселью. Еспълибъ сное желаніе произходило отъ другаго: тобѣ лѣгко было вывести честолюбива-го изъ его заблужденія, сказавъ ему: напрасно изнуряешься завистью, смотря на великолѣп-и пышность великихъ мѣстъ. Возвысь себя еще болыне и преспань ослѣплѣться ихъ блескомъ; вдумай хотя на минуту, что ты столькоже великъ предъ людьми, сколь малы предъ ними несѣкомыя: тогда найдешь во всѣхъ придворныхъ, пяелъ журчащихъ, около мат-ки, такъ что Скиптръ покажется тебѣ игруш-кою.

Для чегожъ люди не слушаються никогда такихъ представлений? всегда будутъ они столь мало уважать бѣдными, предпочитая великия чины, великимъ способностямъ? Сѣ произ-ходитъ отъ того, что великости превращаются въ имѣніе, и могутъ такъ какъ богатства, по-читаемы быть отмѣною безконечнаго множества веселій. Въ разсужденіи чего спараются обѣ оныхъ, съ тѣмъ болышею горячностью, что мо-гутъ намъ дать более власти надъ людьми, и принести намъ слѣдственno тѣмъ болыше при-бытка. Я докажу сю правду еще болыне, от-давъ на выборъ Испаганской и Лондонской пре-штолы: не предпочетѣшь ли почти каждой Пер-сицкой Аглинскому? къ тоже сомнѣвается од-нако въ томъ, чтобы послѣдній не имѣлъ пре-имущества предъ первымъ, въ глазахъ чести-наго и добродѣтельнаго человѣка, какъ и въ шомъ чтобы онъ не согласился, когда дадушъ ему на выборъ одну изъ сихъ двухъ державъ, взявшу въ которой Король ограниченъ будучи въ сво-

еи власти, находящаяся въ счастливомъ безсиліи
вредить своимъ подданнымъ. Хотяжъ и нѣтъ
ни одного честолюбиваго, который бы не же-
лалъ лутче повелевать невольниками, какъ
вольными людьми: то сѣе происходитъ только
отъ того, что наша власть надъ другими, при-
нуждаешь ихъ быть рабишельнее, чтобы намъ
нравиться. Сверхъ того почти всѣмъ извѣсно,
что страхъ оказываетъ болѣе раболепства, не-
жели любовь, и что мучители пользовались всег-
да при своей жизни, большими знаками почтенія,
лутчихъ властителей, вразсужденій того что
благодарность ни когда невозстановляла споль
великолѣпныхъ храмовъ милостивымъ богамъ, (*)
какъ опасность посвятила свирѣвымъ. И зная то
чувствуетъ онъ что должно болѣе ожидать отъ
 послушанія невольника, какъ отъ благодарности
вольного человѣка.

Заключеніе сей главы со стоять въ томъ,
что желаніе величествъ происходитъ всегда
отъ опасности къ печали, или отъ любви къ
веселью въ чувствахъ, отъ которыхъ зависяще
и всѣ прошія. Тѣжъ веселы, которые даются
намъ властью и почтеніемъ, называются симъ
имянемъ только для того, что надежда и сред-
ство-

(*) Въ городѣ Бемтамѣ жители приносятъ всегда первыя плоды злому духу, а Богу ничего; говорятъ что онъ милостивъ и не имѣетъ нужды въ жертвахъ.

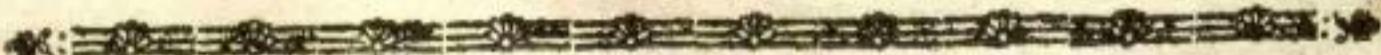

спо къ доспижню веселїи суть уже самыя веселы ; и производится бытношю веселїи тѣлесныхъ. (*) И знаю что съ трудомъ узнается дѣйствіе чувствованїя тѣлесного , въ вымыслахъ , предпрѣтіяхъ , злодѣйсвіяхъ , добродѣтелейахъ и ослѣпляющей пышности честолюбія . Да и самимъ дѣломъ , коимъ образомъ узнать въ семъ гордомъ честолюбіи жадающемъ кровопролитїя и сѣдящемъ въ срединѣ побоища , на трупѣ мертвыхъ , ударяя крыльями обагренными кровью , въ знакъ побѣды ? коимъ образомъ , говорю я , узнать въ такъ описанномъ славолюбіи дочь сласполюбія ? какъ представить себѣ

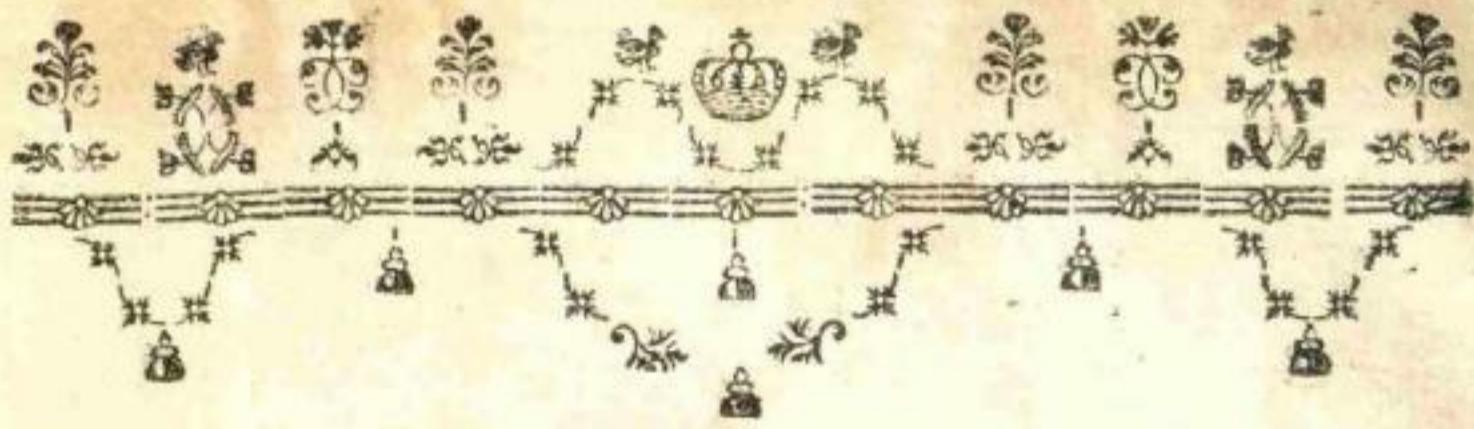
(*) мнѣ скажутъ можетъ быть въ доказательство , что не тѣлесныя нужды побуждаютъ къ честолюбію , что мы вдаемся въ оное общимъ желаніемъ щастія ; но чѣмъ значить , буду я отвѣтствовать , общее желаніе щастія ? общимъ называется то , которое не касается ни докакого особыливаго предмета . Я спрошу : тотъ человѣкъ , который любитъ всѣхъ женщинъ , не будучи привязанъ ни къ одной особыливымъ образомъ , не побуждаетсясь къ тому желаніемъ удовольствій тѣлесныхъ ? когда не раздробится общее чувствование любви къ благополучію : то всегда сущестся , что тому основаніемъ удовольствіе тѣлеснсє . Честолюбивой подобенъ скупому , который бы не имѣлъ жадности къ деньгамъ , ешьлибы деньги не были обменою веселій или средствомъ удалиться отъ болѣзней тѣлесныхъ ; онъ бы нежелалъ денегъ въ такомъ городѣ , какъ лакедемонъ , въ которомъ деньги ни зачто не принимаются .

НЕВИННОЕ УПРАЖНЕНИЕ.

Мѣсяцъ Апрѣль.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ университете
съшемъ 1763. года.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

о

Епическихъ Стихотворствъ.

о МИЛЬТОНѢ.

Мильтонъ былъ послѣдній, котоrой писалъ Епическую пѣснь; ибо я тѣхъ въ семъ числѣ не полагаю, кои тщетно въ семъ родѣ Стихотворства упражнялись: а намѣреніе мое, говорить о тѣхъ только Стихотворцахъ, кои ряя въ томъ предуспѣли (*)

Его потерянной рай, есть единственная пѣснь, въ которой видно совершенное ко удовольствію, разума согласіе и перемѣны увеселяющія воображеніе. Всѣ Епизоды сея пѣсни, подобны лучамъ, содиняющимся въ центръ совершенного круга. Какому народу не будешь

(*) Волтеръ говоритъ сие для благопристойности, не хотя себя вмѣсить въ число тѣхъ Стихотворцовъ, кои въ Епическомъ сочиненіи имѣли успѣхъ.

нравно Адамово съ Ангеломъ свиданїе? Возможнo
ли не удивляться смѣлому изображенїю, кото-
рымъ представлено лукавое, надменное и не-
милосердое свойство сатаны? Кто не удивит-
ся остроумію и премудрости, съ которою *Миль-
тонъ* описываетъ всемогущее бытие, и вели-
чественной важности рѣчей, кои онъ ему въ
успа влагаетъ? Онъ здѣлалъ совершенной истин-
ной образъ всемогущества божія, по колику
слабость человѣческая сквозь окружающій насъ
мракъ до оной возвыситься можетъ. Еллины и
нѣкоторыя другія представляютъ Бога немило-
сердымъ Властителемъ. Въ *Мильтонъ* Онъ
Творецъ и Судія: но правосудіе его не испре-
блѣаетъ въ немъ милосердія; его всемогущая
власть не уменьшаетъ въ человѣкѣ воли. *Миль-
тонопы* описанія живостию своею приводятъ
читателя въ воспогрѣ. Онъ въ семъ случаѣ и
въ многихъ другихъ столько превосходитъ древ-
нихъ Стихотворцевъ, сколь испинна превосхо-
дитъ неправду.

Онъ имѣетъ неоспоримое ко всеобщему удив-
ленїю право, тогда, какъ съ той высоты, до
которой онъ возвышается, паки снисходитъ къ
естественному описанію дѣлъ человѣческихъ.
Должно примѣтить, что во всѣхъ поемахъ лю-
бовь бываєтъ представлена порокомъ; одинъ *Миль-
тонъ* умѣетъ представлять ее добродѣтелью.
Его описанія своею простотою столько же до-
ступны удивленїя и почтенїя, какъ и дѣйствую-
щія его лица. Онъ цѣломудренnoю рукою сни-
мааетъ нѣжную завѣсу, скрывающую отъ насъ
умѣхи ся спраски; полагаетъ въ ней пріят-
ность

ность, чувственность и жаръ, бѣ ѿ всякаго оскорблениѧ благопристойности.

Я не могу довольно надивитсѧ, какъ лотерянной *рай*, при сеображеніи и склонности Аглинскаго народа, былъ въ Англіи такъ долгое время не только въ непочтенїи, но почти и въ - все не знаемъ. *Лордъ Соммери* былъ первой, которой понудилъ нѣкоторымъ образомъ Агличанъ его почитать.

Разсужденіе Господина *Дридена* о *Мильтона*, еще мнѣ не понятнѣе: онъ писалъ ему похвальные стихи, въ коихъ не только равняетъ его съ *Гомеромъ* и *Виргилиемъ*: но даетъ ему предъ оными преимущество; и онъ же опять въ своемъ предисловіи на переводъ *Енеиды*, почитаетъ *Мильтона* равнымъ *Шеллену* и *Муану*, двумъ наигнуснѣйшимъ стихотворцамъ. Сія перемѣна, коею возвышаетъ онъ *Мильтона* въ своихъ стихахъ, а унижаетъ въ прозѣ, для меня непонятная загадка.

Можно однимъ словомъ сказать, что *Мильтонъ* прославился только съ тѣхъ поръ, какъ *Адиссонъ*, лучшій своего вѣка Критикъ и писатель, открылъ сокровенные красоты лотеряннаго *рая*; и утвердилъ навсегда славу сего сочиненія.

Всякому легко и пріятно научатсѧ поспичатъ красоты *Мильтонопы*, которыя я всѣ общими называю; но трудное и опасное буде предпріятіе, разсмотрѣть и показать то, что можетъ

жетъ во всякомъ народѣ почеспясь за погрѣшность.

Еспѣлибы каждой народѣ старался болѣе по-
знать вкусъ своихъ сосѣдей: можетъ быть, чтобъ
изъ сего свѣдѣнія и взаимнаго примѣчанія про-
изшелъ во всей Европѣ всѣобщій истинный
вкусъ: не спали бы болѣе представлять на Аглин-
скомъ театрѣ расперзанныя труппы: метафори-
ческой и надутой слогѣ ихъ трагическихъ Авто-
ровъ могъ бы перемѣниться въ благородное подра-
женіе естества. Французы могли бы научиться
опѣтъ Агличанѣ, полагать въ своихъ трагедіяхъ
болѣе дѣйствія, сокращашь нѣкогда длинныя свои
рѣчи, чтобъ изяснять сильные чувствіе. Ги-
панцы въ своихъ драммахъ болѣе бы полагали
примѣровъ человѣческой жизни, ихъ нравовъ и
обычаевъ: не заблуждали бы всегда во множествѣ
не естественныхъ романическихъ приключеній.
Испанцы въ трагедіи подражали бы Агличанамъ
въ сильномъ ихъ содержаніи; въ прочемъ же слѣ-
довали бы Французамъ. Въ комедіи научились
бы они у Господина Конгрена и у многихъ дру-
гихъ сочинителей, предпочитать благородную
шушку подлой.

Удивительно, какъ нѣкоторые изслѣдователи
хвалишь въ Гомерѣ сравненія, кошорыя онъ
здѣлалъ между *Алексомъ и осломъ гонимымъ ре-
бятами*, между *Улиссомъ и коласою* и прочая.
Удивительно, повторяю я, что они съ такими
жаромъ защищающъ такія сравненія столь не
сходственные и не справедливыя; и что они
спровергающъ описанія и мысли простыя и чистыя

Миль-

Мильтонопы , копорыя однако связаны съ его содержаніемъ.

Я не буду говорить о нѣкоторыхъ малыхъ погрѣшностяхъ Мильтонопыхъ, кои примѣтны всякому читателю. Подъ симъ разумѣю и тѣя его прошиворѣчія и частыя сношенія съ Еллинскою богословіею. Погрѣшности тѣмъ менѣе простительны ему, что онъ въ первой своей пѣснѣ сказалъ, что сїи боги не иное сущь, какъ дїаволы, обожаемыя подъ разными имянами: сїе бы должноствовало препятствовать ему воспоминать о похищеніи Прозерпининомъ , о бракѣ Юпитера съ Юноною, и прч: какъ о истинныхъ повѣстяхъ. Я равно умалчиваю о пустыхъ, не принадлежащихъ къ его пѣсни шуткахъ, и о тѣхъ слабыхъ выраженіяхъ, несходственныхъ съ его разумомъ, и споль отдаленныхъ отъ важности его содержанія. Но чтобъ расмотрѣть то, что достойнѣе изслѣдованія: я могу сказать, что вымыселъ дїавольскаго совѣта было бы со всѣмъ опровержено шаковыми критиками, каковъ *Боало* и *Расинъ*.

Вымыселъ же и описаніе Мильтоново греѣхъ и о смерти, имѣетъ въ себѣ много хорошаго и дурнаго. Надобно и то сказать, что такія вымыслы сносны лишь въ Мильтоновой поэмѣ; по тому что она только имѣетъ два въ себѣ существителія лица *Адама* и *Евы*; а прочія всѣ вымыслиенные. Я съ удивленіемъ вижу греѣхъ, представляющій приворотника у ада , которой двери отверзая, безсиленъ уже ихъ паки заключишь: что и въ самой вещи есть очень прекрасная мысль , по тому что она справедлива.

Вымыселъ хаоса, ночи и несогласія, прежде
можетъ почестися картиною, нежели Аллегорі-
ею; и я думаю что она должна быть похвале-
на зато, что въ кореняешь въ насъ почтеніе
безъ ужаса. Не сомнѣваюсь я, чтобъ мостъ, по-
строенной грѣхомъ и смертью, не былъ осмѣянъ
у Французовъ. Ихъ Критики находящіи оной вы-
мыселъ весьма малымъ и со всѣмъ не нужнымъ,
ибо человѣческія души, по разлученїи съ тѣла-
ми, не имѣютъ нужды въ дорогѣ хорошо вѣ-
мощенной доходить ко аду.

Разсмотримъ теперь одинъ самой лучшій изъ
его вымысловъ. Я хочу говорить о войнѣ на
небѣ. Графъ *Роскулонъ и Адессонъ*, которыи
мнѣнія влекутъ за собою своихъ согражданъ оп-
равдывая ихъ мысли паче всего оному удивляются
въ сей поэмѣ. Они употребляютъ всю тоинко-
сть критики и всю силу краснорѣчія, чтобъ
дать настоящую ѹѣну сему описанію. Я могу увѣ-
ришь, что венци, которыми они удивляются,
были бы не сносны Францускимъ изслѣдовате-
лямъ. Читатель увидитъ, можетъ быть, съ
большимъ удовольствіемъ, въ чёмъ состоитъ толь-
великое различіе вкуса, и что тому есть пря-
мою причину.

Во первыхъ, сии изслѣдователи скажутъ, что
война на небѣ будучи вымышленное и чрезѣ-
стественное произхожденіе, могло бы лучше
быть сокращено въ двухъ, или трехъ страницахъ,
вмѣсто того что оно разпространено въ двухъ
пѣсняхъ; тѣмъ что естественно отдалены оны
насъ тѣ предметы, которыя намъ кажущія не
событны.

По сему основанию, они почитаютъ излишнимъ и пущееннымъ трудомъ представлять читателю всѣ свойства предводителей сей войны, и изображать Рафаила, Михаила, Молоха и Низрота, какъ Гомеръ изображаетъ Аякса, Домеда и Гектора.

Поминутыя же изъяснили не похваляютъ и сего представления, что ангелы подъемлютъ тбры, древа и камни, швыряя ихъ въ своихъ непрѣщелей: таковой вымыселъ, скажутъ они, тѣмъ паче подлъ, что къ важному присоединѣнію описанію.

Къ чему сїи военные орудія служили, когда они не могли ранить непрѣщелей а только спалкивали ихъ съ мѣстъ на землю? Есъли позволено примѣнить мнѣ: сїе очень сходствено съ Кегельною игрою. Вещи ужасныя и великия на землѣ, кажущіяся малыми и презрительными на небѣ.

Я оставляю читателю судить, лишилъ мои примѣчанія и основательны ль они, или нѣтъ? Но есъли же мои мысли справедливы: тогда строжайшіе Крипники должны будуть признаться, что многое осталось у Мильтона совершенствъ, которые заглаживающъ всѣ сїи погрѣшности. Я хочу заключить сей членъ слѣдующими двумя примѣчаніями.

Адамъ, начальная особа его пѣсни, нещастливъ. Сїе доказываетъ критикамъ, что не взирая на ихъ мнимыя правила, хорошая поэма можетъ имѣть причину бѣдственное приключеніе.

Второе, потерянной рай совершенной имѣть конецъ. Въ немъ повѣсть связана порядочно. *Мильтонъ* и *Тассъ*, спарались дать нужное пространство своимъ вымысламъ. Одинъ слѣдуетъ *Адаму* и *Еву*, до изгнанія ихъ изъ рая, другой коичиша свою поэму взявшемъ Іерусалима. *Гомеръ* и *Виргилъ* инымъшли путемъ Илїада кончена Гекторовою смертю а *Енеида* Турну-солою.

Общество толкотворцевъ узаконили не доводить зданія до конца ; для того что *Гомеръ* и *Виргилъ* своихъ не окончили : но еспѣли бы въ своихъ описаніяхъ Гомеръ взялъ Трою, *Виргилъ* женилъ Енея съ Лапинею : тогда бы критики не преминули установить другія правила со всѣмъ противныя.

Еспѣли бы я могъ имѣть участіе въ простонародномъ удовольствіи, слыша похвалу о моихъ согражданахъ : тогда бы я не преминулъ, вмѣстя здѣсь нѣкоторыя изъ нашихъ епическихъ пѣсней, говорить о нихъ съ похвалою ; но должно признаться безъ пристрастія, что изъ пятидесяти читанныхъ мною, нѣшь ни одной, кошьрая бы могла быть перпима. И такъ вмѣсто пѣщной критики Французскихъ поэмъ, я принужденъ изслѣдоватъ причину, для чего нѣшь у насъ ни одной, которую бы мы могли признать за поэму. Странно кажется мнѣ, что народъ похваляющійся успѣхомъ во всѣхъ другихъ стихотворныхъ сочиненіяхъ, столь мало на себя походиша въ семъ особливомъ родѣ.

Многія , какъ мнѣ извѣстно , почитаютъ Французской языкъ недостаточнымъ въ сильныхъ и величественныхъ выраженіяхъ , нужныхъ къ достижению важности епического спицворства ; но я увѣренъ , что каждой языкъ особливое имѣеть дарованіе , происходящее отъ склонности народа , которой имъ говорить , и сходствующее съ его свойствами . Съ одной стороны болѣ или менѣе вольности духа , обхожденіе свободное или опасное между обѣими полами , примѣры прежнихъ авторовъ , кои писали съ успѣхомъ и коихъ слогъ здѣлался общимъ образцомъ : всѣ сїи причины согласно учреждающѣ свойство языка , и дѣлающѣ его пространнымъ или спѣсненнымъ , сильнымъ или слабымъ , важнымъ или подлымъ . Съ другой грубошь стеченія согласныхъ буквъ , нежность гласныхъ , долгота или краткость словъ и другія вещи симъ подобныя даютъ сходственные съ собою свойства нарѣчу и дѣлающіе его болѣ или менѣе способнымъ къ нѣкоторому особливому роду писанія .

Разсмотримъ слабость Италіанского языка умягченного ихъ гласными и праздностью Италіянцевъ , упражняющихся всю свою жизнь въ изысканіи искусства умѣхчающаго или разгоняющаго разумъ : тогда престанемъ мы удивляться , что сей языкъ кажется собственнымъ любви .

Вольность въ сообществахъ во Франціи , ясное и естественное выраженіе , съ которыми говорятъ , есть причина способности Французского языка въ разговорахъ . Древняя грубошь Аглинского перемѣненная нынѣ въ явственность и важность

ности, его богатство и разнымъ образомъ спрѣженіе словъ, которое онъ терпитъ, подаетъ ему способность все предпрѣять, въ проптчемъ ихъ языкъ возросъ очевидно отъ ихъ правленія, которое позволяетъ. Агличанамъ говорить всенародно. Свобода совѣсти подаетъ имъ способъ ясно понимашъ слогъ писанія пророковъ, отъ чего ихъ стихотворство много подобно остроумію воспоминаній, которое кажется иногда чрезъ естественно. Шестьдесятъ или восемьдесятъ тому лѣтъ какъ всѣ парламентскія рѣчи наполнены были занятими у Ерейскихъ писателей выраженіями. Первенствующая качества языка не испребляютъ собою другія качества. Есть остроумныя сочиненія у Италіянцевъ: нѣкоторыя Аглинскія стихотворцы пріятно писали о любви, и Франція не должна отчаяваться, чтобъ не имѣть когда Епической пѣсни.

Языкъ Французской важенъ и величественъ въ корнеліевыхъ трагедіяхъ. Нѣкогда выходить онъ и изъ справедливыхъ предѣловъ остроумія. Не только не достаетъ въ немъ величества и яснорѣчія, но онъ имѣетъ еще со всѣмъ сему противной порокъ, и это было пайною, которую я нынѣ открываю: мы въ нашемъ Героическомъ стихотворствѣ, едва можемъ съ трудомъ, въ общихъ вещахъ изясняться приятно.

Склонности народа, слѣдственno и языкъ не позволяютъ намъ описывать убранства коней, колесъ колесничныхъ и проптчаго сему подобнаго. Мы можемъ похвалять военную жизнь вообще невходя въ мѣлкія подробности. Всѣ слав-

ныя наши творцы, зная силу своего языка, онаго убѣгали. На конецъ, мы имѣемъ епомѣ не до-
сшатокъ, чио не можемъ отважитъся упоминать
о множествѣ вещей, нижѣ изъяснимъ оныхъ пло-
дорѣчіемъ. Г: Попѣй въ своемъ переводѣ, Гомеро-
выхъ сочиненій, безъ страха можетъ уязвлять
Героевъ и въ правое плечо и въ другихъ мѣ-
стахъ называя все имянемъ.

Таковое описаніе будеТЬ почтено Француза-
ми подлымъ и гнуснымъ. Естество открываетъ
Агличанамъ престранное поле, въ которомъ по-
волѣ могутъ они разпростраяться. Мы же, на-
противъ того, ограничены тѣсными предѣлами,
въ коихъ существуемъ ходить съ вели-
кою опасноснью робкими шагами.

Аглинской народѣ обязанъ сей вольности хоро-
шими древнихъ авторовъ въ стихахъ перево-
дами, въ мѣсто чио французы только прозою
перевести могли, *Гомера*, *Виргилія*, *Лукре-
ція*, *Овидія* и прочихъ.

Г: де ла Мопъ членъ французской Академіи
былъ одинъ изъ числа достойныхъ и славныхъ
людей, которой покушался перевести Илїаду въ
стихи; но онъ принужденъ былъ сократить
двадцать четыре книги Гомеровы, въ которыхъ
не болѣе стиховъ какъ въ четырехъ греческихъ.
Его Илїада только сокращеніе подлинника, но
однакожъ почитаютъ ее весьма длинною.

На конецъ, еспѣли французской языкъ робо-
снью и принужденіемъ не удобенъ къ перево-
ду

ду Гомера и Виргиля: я не знаю по чёму сие
можетъ препятствовать Французамъ сочинить
свою епическую поему.

Я думаю, что легко можно обойтись въ поемѣ
безъ Механическаго и Анатомическаго описаній.
Мы взыскиваемъ, чтобъ творецъ возбуждалъ въ
насъ спраски, изображалъ движение души, опи-
сывалъ разныя правила производящія въ человѣ-
кахъ разностію правленій, однимъ словомъ,
чтобъ онъ говорилъ пріятнымъ и разумнымъ язы-
комъ. Мы уволяемъ его отъ описаній хирурги-
ческихъ, сполярныхъ, площничныхъ, хотя бы
онъ и разумно могъ изъясняться въ сихъ худо-
жествахъ.

Кардиналъ де Ретцъ и Графъ Кларендонъ
въ своихъ запискахъ доходятъ до источника
между усобныхъ браней, и въ совершенномъ сход-
ствіи представляютъ тѣхъ, кои своимъ вла-
столюбиемъ были бѣдоносны Англіи и Франціи.
Но сїи два великія писатели не упражнялися въ
описаніи, какъ которой офицеръ былъ раненъ, и
непрятясь времяни описывая велеречиво, изъ
какова дерева здѣланы были лавки въ парла-
ментскихъ комнатахъ.

Для чегоже Епической стихотворецъ буде-
тъ принужденъ входить вмалости, когда
гнушаешься ими благородной историкъ.

Я прибавлю къ сему крашкому о нашемъ
языкѣ и рифмопвореніи описанію, что предприя-
тие Епической пѣсни гораздо опаснѣе во Фран-
ціи

ши, нежели въ другомъ какомъ народѣ, не только для того, что мы подвержены рифмѣ, но по тому, что рифма и пропчія части нашего стихотворенія подвержены скучнымъ и труднымъ правиламъ. На нашемъ языкѣ не доспаетъ вольности а не величества.

Неволя бываетъ всегда препятствіемъ изобилію ; но должно такъ же признаться, что и языкъ нашъ не такъ нынѣ богатъ, какъ онъ быть можетъ ; мы изпотребили множество древнихъ, хорошихъ и ясныхъ словъ, и сїе привело въ великую слабость французской языкѣ. Агличане напропивъ того приняли много нашихъ древнихъ словъ, какъ принявъ усыновили многихъ нашихъ согражданъ; и такъ на нашъ щетъ увеличили они свой языкъ и народъ.

КОНЕЦЪ.

МАДРИГАЛЬ

Младенецъ купидонъ; и онъ не любитъ муки,
 Бѣжитъ всегда отъ скуки
И неживетъ любовь по скучливымъ мѣстамъ.
 Ее жилище тамъ,
 Гдѣ царствуютъ лишь смѣхи,
 Гдѣ игры и упѣхи.
Не льстись побѣдою съ начала красоты,
Но прежде побѣди ее разсудокъ ты,
Онъ скучу дѣлаетъ всегда по размышенію,
А мысли дѣлаютъ любви сопротивленіе

Мадригалъ на разсудокъ.

Когда любовной Богъ прѣмлѣтъ въ сердѣцъ царство:
 Разсудокъ слабое противъ него лѣкарство;
Имѣетъ онъ Богъ и силу и коварство.
 Кто съ онымъ борется, тотъ самъ себѣ тиранъ;
 Разсудокъ можетъ лишь прибавить въ сердѣцъ ранъ.
 Баснѣ

БАСНЯ.

Непостижимыхъ силъ ужаснѣйший примѣръ

Нашелъ въ писаніи , читая суевѣрѣ.

Такнія , что онъ челъ , была изъ брынска лѣса ,

Гдѣ правда можетъ быть была не безъ примѣса :

былъ иѣкто долго иѣмъ , въ себѣ имѣя бѣса ;

Однако небеса

Явили чудеса ,

За жертвы и моленіе

Послали на конецъ больному исцѣленіе.

О ! ешьли , суевѣрѣ вскричалъ во изумленіѣ

И у моей жены языкъ отыметъ бѣсъ :

Не покажи ты съ ней , о Боже , сихъ чудесъ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ О ИСТОЧНИКѢ СТРАСТЕЙ
О НАСТОЯЩЕМЪ ПОДВИГѢ ЧЕСТОЛЮБИВАГО ВЪ СНИСКА-
НИИ ВЕЛИКОСТИ , И О ТОМЪ , ДЛЯ ЧЕГО ЧЕСТОЛЮБИВОЙ
ЛИШАЕТСЯ ЧАСТО УДОВОЛЬСТВІЯ .

Можно раздѣлить честолюбивыхъ на два рода .
Есть люди нещастно рожденныя , копорыя
желаюпъ великихъ мѣстъ , изъ ненависти къ
благополучію другихъ , и слѣдствіенно не для
к
шого

того чѣмъ пользоваться преимуществами полу-
чаемыми отъ оныхъ; но только въ томъ намѣ-
ренїи, чѣмъ вкусишъ единственное удовольствіе
нешастныхъ, состоящее въ обезпокоиванїи людей
и въ зрѣнїи онаго. Сїи честолюбивыя во многомъ
сходственны съ ханжами, которыя почти
вообще почитаются злыми, не для того, чѣмъ
законъ, которой они исповѣдуютъ, не училъ лю-
бить и быть милостивымъ, но въ разсужденїи
того, что люди склонныя къ строгой жизни (а)
должны быть по видимому не довольны симъ сре-
домъ, и ожидаютъ себѣ щастія въ будущемъ; и
буду-

(а) Ежедневные опыты доказывающы, что почти всѣ
свойства способныя лишать себя иѣкоторыхъ веселій,
прилагаясь къ строгимъ ученіямъ, и образу жизни
иѣкоторыхъ набожныхъ людей, бывающихъ обыкновенно
нешастными свойства. Симъ только образомъ можно рас-
толковать, для чего столько правовѣрцовъ присоеди-
нили къ святости и тихости законныхъ ученій,
столько злости и насилия доказанного толикими по-
беніями. Хотя жъ молодыя люди, естьли не пропи-
вавшися ихъ страсти, великодушнѣ и человѣколюбнѣ
старыхъ: но сие происходитъ отъ того, что онѣ не
ожесточены нешастіями и болѣзнями. Человѣкъ свой-
ства щастливаго всегда веселъ; онъ то говоритъ:
будьте веселы, какъ я; но нешастной человѣкъ золъ;
Цесарь говоривалъ о Кассиусѣ: я опасаюсь сихъ под-
жарыхъ людей; онѣ сходны на Антоніевъ, стара-
ющихся только о своихъ весельяхъ, и которыхъ руки
не точатъ кинжаловъ, но руки только цѣльны. Сие
примѣчаніе Цесарево весьма хорошо и заключаетъ
больше, какъ думаюшъ.

будучи не зговорливы, робки и нещастливы, стараются прогнать свое нещастие зре́ніемъ нещастія другихъ. Честолюбивыхъ сего рода находится не великое число. Въ душѣ ихъ нѣть ничего великаго ни благороднаго; они причищаются къ мучителямъ, и лишены всѣхъ веселій родомъ своего честолюбія.

Есть еще другой родъ славолюбивыхъ, къ которымъ я причисляю почти всѣ проштія. Оной сопоитъ изъ шѣхъ, которыхъ ищутъ великихъ чиновъ въ томъ намѣренїи, чтобы пользоваться привязанными къ нимъ полезностями. Между сими честолюбивыми есть такія, которыхъ природою или положеніемъ вступающъ томъ часъ въ знатныя чины. Они то одни могутъ соединить веселости съ спараніемъ о честолюбіи; и родясь, такъ сказать, на половинѣ своей дробы, вдаются славолюбію не такъ какъ спрасили усиливающейся препятствіями и преодолѣвящей все, но такъ какъ сходствую состоянія. Но сего нельзя сказать о такомъ человѣкѣ, какъ Кромвель, которой бы желалъ вывsiпься до первыхъ степеней изъ самаго умѣренного состоянія. Ему нужно дѣлать многія сплещни, управлять многихъ пріятелей, чтобы открыть дробогу къ славолюбію, къ которому первыя шаги почти всегда труднѣе слѣдующихъ. Онъ вдругъ занятъ спараніемъ сославлять великия предпріятія и подробнѣи исполненія оныхъ. И такъ, чтобы узнать, коимъ образомъ люди спараиваются о весельѣ, часто онаго лишаются: то положимъ, что человѣкъ такого свойства, жадая оныхъ веселій, примѣшивъ спараніе

употребляемое къ предупрежденію желаній знатныхъ людей, вздумаешъ возвыситься до первыхъ степеней. Сей человѣкъ родится либо въ такой землѣ, гдѣ народъ раздаешъ милости, гдѣ не можно получить всеобщей благосклонности иначе, какъ чрезъ заслуги къ отечеству, и гдѣ слѣдственно дѣстоинство нужно; или сей же человѣкъ родится въ самовластнѣшемъ правлении, такъ какъ въ Моголахъ, между которыми знатность покупается пронырствомъ. Я скажу на то, гдѣбѣ онъ ни родился, не имѣшъ времени къ веселью, еспѣли желаетъ возвыситься до знатныхъ чиновъ; и возму въ доказательство веселье любовное, какъ такое, которое живяе всѣхъ проптихъ, и дѣйствуешъ болѣе надъ просвѣщенными обществами; по тому что надлежилъ здѣлать примѣчаніе, что въ каждомъ народѣ есть особливая нужда тѣлесная, которая и считається общею душою того народа. Удикіхъ въ сѣверѣ, подверженныхъ часто жестокимъ голодамъ, упражняющихъ непрѣстанно звѣриною и рыбною ловлею, голодъ, а не любовь производитъ всѣ понятія. Сія то одна нужда источникъ всѣхъ ихъ мыслей; въ разсужденіи чего, всѣ выкладки ихъ разума касаются только до хитростей, охоты, рыбной ловли и доспособовъ предупредить нужду голода. Просвѣщенные же народы слѣдуютъ напропивъ того почти единственно любви къ женщинамъ. (б)

Въ

(б) Я симъ не утверждаю, чтобы другія причины не могли въ насъ зажечь славолюбія. Въ бѣдныхъ земляхъ какъ я выше упомянулъ, производятся славолюбивыя одни только желаніемъ запастись опѣ

Въ сихъ земляхъ любовь все выдумываешьъ, все производишьъ. Великолѣпіе и всѣ художества служащія къ роскоши не оспрѣнно слѣдуютъ сей любви къ женщинамъ и желанію имъ правиться такъ, что и самое стараніе обманывать людей своими богатствами и чинами служишьъ только новымъ способомъ къ ихъ прельщенію. Положимъ же, что человѣкъ рожденной въ будущему, но жадая веселій любовныхъ, примѣтилъ, что женщины отдаются тебѣ скорѣе желаніямъ любовника, чѣмъ больше онъ заставляетъ другихъ имѣть къ нимъ почтенія; и побужденъ будучи къ честолюбію страстью къ

К 3

жен-

нуждѣ; въ самозластныхъ, опасность отъ наказанія, которому каждой подверженъ при малѣшемъ своимъ правилѣ владѣшеля, а въ просвѣщенныхъ народахъ общимъ желаніемъ щастья, которое, какъ я то прежде доказалъ, происходитъ отъ веселья чувствъ. Между сими же веселостями могу я безъ сумнѣя выбрать получаемое отъ женщинъ, какъ такое, которое живле и сильнѣе прошихъ. Къ доказательство, что самимъ дѣломъ дѣйствующимъ нами веселья того рода, служишь то, что не можно получить великихъ дарованій и быть способнымъ, отчаянныхъ намѣреній, нужныхъ иногда къ достижению великихъ мѣстъ, какъ токмо въ молодыхъ лѣтахъ, то есть когда тѣлесныя нужды нами чувствующимъ. Но для чего же, скажутъ мнѣ, столько же стариковъ вступаютъ въ удовольствіемъ въ великия чины? То правда; они ихъ берутъ и желають: но сие желаніе нельзя назвать страстью, по тому что они тогда не способны. Смѣлыхъ предприятий, трудовъ и разума, свойственныхъ страсти старикъ можетъ отъ привычки и птии тебѣ путемъ, которой себѣ приугодилъ въ молодости, и не здѣлаетъ себѣ новой дороги.

Женщинамъ старается быть Генераломъ или первымъ Министромъ. Не долженъ ли онъ со всѣмъ, упражняться способами присвоить себѣ новыя качества, или всякими сплетнями служащими къ его намѣренію? и какъ образъ жизни способной къ здѣланію хитраго человѣка со оными достоинствами, со всѣмъ противенъ образу жизни способному прельщать женщинъ, которыемъ нравящаяся обыкновенно ежедневными спараніями, не соотвѣтствующими съ жизнью славолюбиваго: то долженъ онъ въ слѣдствіи сего въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, и пока не достигъ еще до великихъ степеней, въ которыхъ женщины мѣняющіе свои милости на повѣренность, отрываясь отъ всѣхъ вкусовъ, и жертвовать почти всегда настоящимъ весельемъ будущему. Я говорю почти всегда въ разсужденіи того, что не можно обыкновенно окончить въ короткомъ времени путь славолюбія, не говоря о тѣхъ, которыхъ славолюбіе прибавляющеся по удовольствованіи, рождаетъ новое желаніе по полученіи прежняго; о тѣхъ, которыхъ изъ Министровъ желали бы быть Царями, а изъ Царей старались бы такъ какъ Александръ о всеобщемъ завоеваніи, и желали бы взойти на престолъ, на которомъ бы почтеніе цѣлаго свѣта увѣряло ихъ, что весь свѣтъ старается о ихъ благополучіи; не говоря о сихъ чрезвычайныхъ людяхъ, и положивъ умѣренность въ славолюбіи, довольно доказано, что человѣкъ здѣлавшійся славолюбивымъ, спрѣсно къ женщинамъ, не дойдетъ до первыхъ степеней прежде тѣхъ лѣтъ, въ которыхъ желанія его со всѣмъ приуплены или и со всѣмъ упущены.

Но хотябъ его желанія и были только притуплены, сколь скоро доидешъ снѣ до сей степени: то увидишъ себя на горѣ весьма крупной и скользкой, увидишъ себя цѣлью всѣхъ завидующихъ себѣ, напягнувшихъ свои луки и гоповыихъ пустить стрѣлы; тогда то познаешь хлябъ отверзающуюся у ногъ его, и почувствуешь, что будешь при паденіи своемъ по обыкновенному свойству величествѣ, тѣмъ бѣднѣе и нещастнѣе, что не сожалѣмъ, и безъ защиты отъ ругательствъ озлобленныхъ его гордостью. Тогда то увидишъ себя предметомъ презрѣнїя своихъ подчиненныхъ, увидишъ ссвободившихся отъ податей того почтенія, котораго наслажденіе хотя ему иногда беспокойнымъ казалось, но котораго лишеніе однако же сносныи покажется въ то время, когда привычка здѣлаешь то нужно. И такъ увидишъ онъ, что лишенъ будучи единственного веселья, которое онъ вкусили въ своей жизни, и со всѣмъ унженъ, не можетъ уже пользоваться зренiemъ своихъ величествѣ, и тѣмъ еще нещастнѣе скучаго, которой можетъ себѣ всегда представить возможность обмѣна своихъ денегъ на веселья.

Слѣдственno славолюбивой будетъ воздерженъ опасностью скуки и печали въ его пущи, въ которой онъ вдался любовью къ веселью; и желаніе сохранить, слѣдуетъ въ его сердце желанію прїобрѣсть. Но какъ количество спараній нужныхъ для удержанія себя въ доспособахъ, почти равно количеству употребленному къ достижению оныхъ: то изъ сего видно, что человѣкъ принужденъ будетъ пре-

проводить молодья свои и зрѣлья лѣта въ спараніяхъ получишь и содержашь себя въ мѣстахъ желанныхъ имъ только для того, что почитаешь ихъ средствами достапъ шѣ веселья, въ которыхъ онъ себѣ отказывалъ. Такимъ образомъ дошедъ онъ до тѣхъ лѣтъ, въ которыхъ уже не можно перемѣнить образъ своей жизни, вдающся, да и долженъ действительно со всѣмъ вдастся, прежнимъ своимъ упражненіямъ; потому что душа всегда смущенная опасностями и надеждами и вольнующаяся сильными страстьюми, предпочтеть всегда мученіе славолюбія гнусной для неѣ покойной жизни. Всѣ люди слѣдуютъ при спарости шѣмъ же страстиамъ, къ которымъ привыкли въ молодости, подобны будучи кораблямъ несеннымъ волнами на южной берегѣ, по утишении сѣверныхъ вѣтровъ.

Я показалъ, коимъ образомъ славолюбивой вдается въ трудной путь, привлекаемъ будучи къ величествамъ страстью къ женщинамъ. Хотя и найдетъ въ немъ нечаянно нѣсколько веселій, но оныя всегда смѣланы съ горестью, и онъ вкушаешь ихъ съ радостю только для того, что ихъ мало, и не вездѣ они сѣяны, такъ какъ деревья въ Ливийскихъ пустыняхъ, которыхъ засохлые листья нравятся однимъ сгорѣлымъ почти Африканцамъ, опидающими подъ тѣнью оныхъ.

Симъ по образомъ разрѣшается противорѣчіе примѣчающееся между поступкомъ славолюбиваго и подвигомъ побуждающимъ его къ сему. И такъ славолюбіе зажигается въ насъ только любовью къ веселью и опасностью къ печали. Но

ска-

скажутъ мнѣ: хотя скупость и славолюбіе произ-
водится пѣлеснымъ чувствованіемъ: однако по-
крайней мѣрѣ ио не оспоримо, что гордость дол-
жна происходить отъ чего нибудь другаго.

၁၆၂၀ - ၁၆၂၀ - ၁၆၂၀ - ၁၆၂၀ - ၁၆၂၀ - ၁၆၂၀ - ၁၆၂၀

- - Sanctus haberi
justitia que tenax factis dictisque mereris ?
Agnosco procerem. Юпеналъ.

Есть ли ты споимъ попеденіемъ и споими дѣлами заслуживаешь званіе честнаго и почтеннаго человѣка: тогда ты благородной; и пѣ томъ согласую.

ПЕРЕВОДЪ.

Горацій, Ювеналъ, боало и почти всѣ великия всѣхъ вѣковъ Стихотворцы съ наилучшимъ разумомъ и истиннымъ понятіемъ изобразили посмѣянія достойную надменность человѣка гордящагося своими предками. Они употребили всѣ свои силы къ доказанію, что благородство состоишъ въ добродѣтели, не завися отъ рожденія; однако со всѣмъ должнымъ симъ удивленія достойнымъ мужамъ постеніемъ, кажется мнѣ, что они нѣсколько лишне въ томъ поступали. Право благодарности, какъ думаю я, долженствуетъ

еТЬ нась побуждать къ нѣкоторому почтеню
попомства тѣхъ, кои усугубили благополучіе
или возвысили честь своего отечества, и своими
трудами способствовали самихъ нась здѣлать
щастливѣ, просвѣщенїе или добродѣтельнѣ.

Въпрочемъ значному рожденїю свойственно
быть часто причиною достоинствъ: по справед-
ливости должно ожидать болѣе благородства отъ
человѣка производящаго родъ свой отъ множества
славныхъ предковъ, нежели отъ другова, происходя-
щаго отъ родителей простыхъ и подобныхъ. Вонъ
причина заставляющая меня думать, что человѣкъ
отличныхъ достоинствъ будучи значнаго
рода долженствовать болѣе имѣть почтенія, неже-
ли другой равныхъ ему достоинствъ, лишенной
наслѣдственной чести. Я отваживаюсь утвер-
ждать что и тотъ, который не отличается ни
достоинствами ниже пороками, и не имѣетъ ни-
чего особливаго кромѣ славы своихъ предковъ,
долженъ получать отъ нась нѣкоторое почтеніе,
коего по справедливости не надобно воздавать
людямъ простой породы и общихъ свойствъ.

Предписавъ такимъ образомъ испинную сте-
пень должна благородству почтенія, нахожу
за нужное хулишь гордость благородныхъ, не по-
лагаю

лагающихъ границъ преимуществу рожденія. Си въ началѣ суть тѣ, кои не понимаютъ ясно, что порочность и невѣжество мрачатъ наиболѣе роднѣйшихъ, и что подлое поведеніе унижаетъ ихъ болѣ, нежели достоинства ихъ предковъ ихъ возвышающіе.

Во вторыхъ взираю я на тѣхъ благородныхъ, кои полагаютъ сами въ себѣ что *человѣкъ непростилившійся* отличными достоинствами, не достойнъ болѣ почтенія, какъ человѣкъ безъ достоинствъ считающій въ числѣ своихъ предковъ множество героеvъ и благотворителей отечества. Не можно ничего вздумашь безразсуднѣе сихъ людей, кои презрительнымъ взираютъ окомъ на человѣка подобнаго основателямъ рода, отъ коихъ единственно заимствуютъ они всю свою честь. Довольно ужѣ изѣяснена по смѣянія достойная глупость сихъ двухъ разныхъ свойствъ: я спащу для того единствено говорить о трехъ родѣ благородныхъ, кои въ своихъ разговорахъ и поведеніяхъ прежде всего изѣясняютъ свою породу. Всякой въ глазахъ, въ улыбкѣ, въ походкѣ и во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ пакоша человѣка читашь можетъ его Генеалогію. Такой упражняется мыслями только о своемъ родѣ, безъ чего бы не о чемъ ему было и думашь]

думашь. Достойнство чина бываешъ для него первымъ содержаніемъ его разговоровъ. Мѣсто предсѣданія подаешъ пысячу причинъ къ возможному разсужденію: однимъ словомъ, благородной невѣжѣ упражняющїйся единственно своимъ родомъ, есть человѣкъ, коего сообщество всего скучнае въ свѣтѣ.

Одинъ паковаго сложенія дворянинъ, будучи членъ Парламента, въ государствованіе Карла впопраго, началь нѣкогда предъ симъ почтеннымъ собраніемъ свою рѣчъ таکъ: *Гослода, я имѣлъ честь родиться въ такое время; тутъ другой перебивъ его слова сказалъ: я не разумѣю, гослода, что онъ намъ хочетъ говорить; есть ли хотя одинъ членъ сего собранія, который бы подобно ему не имѣлъ чести родиться?*

Испинное понятіе господствующее въ нашемъ народѣ имѣло довольно успѣхъ въ испрѣблѣніи сей загрубѣлости изъ всѣхъ познавшихъ чрезъ свои путешествія свѣтъ, и знающихъ, что тѣ, коихъ мы называемъ дворянами взыскивающими всѣ отъ первѣйшихъ господъ нѣкотораго въ поведеніи съ собою равенства: но есть благородныя люди воспитанныя между женщинами, слугами и лѣсшадами, взыскивающія

оно всѣхъ по почтеніе, къ которому они при воспитаніи привыкли: что же изъ того произходитъ? ошь лишняго требованія не получають они и должнаго; еще часто ихъ благородство служитъ имъ бѣ посмѣхъ.

Лордъ Н: сполько надуть своею знамью и достоинствомъ, что поступаетъ онъ и при маловажнѣйшихъ обстоятельствахъ своей жизни, по вложенному въ него изъ дѣлства церемоніальному уставу: всякое движение его тѣла имѣетъ свою мѣру въ сравненіе знали той особы, съ кѣмъ у него дѣло. Я видѣлъ его вдругъ проходящаго *псевдоможное различье поклонопѣ*, ошь проспаго уклона головы до самонижайшаго укленія тѣла. Случилось мнѣ нѣкогда быть у него съ четырмя еще человѣками знающими его нравъ и поведеніе; доколь еще онъ къ намъ не вышелъ: одинъ изъ нашего сообщества насмѣшникъ сказалъ, что мы смѣшиное увидимъ дѣйствіе въ различіи его намъ поклоновъ. Лишь сполько переспалъ говорить, какъ вышелъ нашъ молодой господинъ и оглядѣвъ наѣтъ вокругъ, сказалъ бывшему съ нами Лорду: *Милордъ, я пашъ псевлокорный слуга.* Другому: *государь мой, я пашъ локорный слуга.* Мнѣ: *я пашъ, государь мой, охотный слуга.* Все ли пѣ добромъ

здоропъѣ гостодинѣ Дикарѣ? а! и ты здѣсь
мой другъ Якспѣ! псе ли ты здоропъѣ?

Ничего не можно легче узнатъ, какъ че-
ловѣка надмѧщагося; своимъ родомъ: таковое посмѣ-
ятельное свойство малыхъ умовъ, заимственное
отъ кормилицъ и нянь, бываєтъ въ знашныхъ
молодыхъ людяхъ препроводящихъ жизнь свою
въ лѣнности. Въ нѣкоторыхъ спарикахъ, кои по-
испребленїи временемъ всѣхъ ихъ забавъ, сохра-
нили только пустую мечту увеселяющую ихъ
Воображеніе.

У меня была шепка называемая дѣвица Мар-
фа Пронзида, которая не пожелая вступить
не въ равной съ своимъ родомъ бракъ, скончала-
ся на восемдесѧтомъ году дѣвицею; она была
живымъ родословiemъ нашего рода: послѣдня
срокъ лѣтъ своей жизни препроводила она въ
безпрестанномъ расказыванїи о знанности въ древ-
ностъ Пронзидовъ, ихъ дѣла, достоинства, чи-
ны и браки. Сїя дѣвушка зналася только съ
подобными себѣ дѣвицами упражняющимися по-
добно какъ она однимъ своимъ благородствомъ,
которыя при началь прошедшаго ихъ вѣка, многихъ
жениховъ своимъ не удостоили союзомъ. Самая
скромнѣйшая изъ сихъ старыхъ была по мень-
шей

шай мѣрѣ сполько же горда, какъ Луциферъ. Онѣ были очень набожны и безъ надменности приличной ихъ роду были изрядныя дѣвки. Еспѣли имѣ случалось видѣть кого въ церкви въ хорошей юпкѣ или въ другомъ какомъ нарядѣ: тогда не пропускали онѣ, чтобъ не изслѣдовать Генеалогію тѣхъ, на коихъ то платье было. Когда находили онѣ, что такая сполько праправнука почтеннаго мѣщанина: тогда возвышали они взоръ свой на небо, какъ будто призывая его въ свидѣтельство, видѣть гордость сей презрѣнной и подлой дѣвчонки. Не можно съ довольною описать силою ихъ негодованія, видя человѣка живущаго доспѣточно, законно нажитымъ трудами имѣніемъ. Когда услышатъ онѣ, что дѣвица въ ходила въ знатное семейство единственно по своей красотѣ, достоинствамъ или богатству: тогда вдавались онѣ яости; однимъ словомъ, не было ни одной, четыре мили вокругъ, женщины имѣющей хорошия золотыя часы, жемчужную нитку или богатое платье, которое бы онѣ осіпавили, не изслѣдовавъ, по какому праву она себя наряжаєтъ. Какъ я былъ еще молодъ, погода бранивала меня часто моя тетушка за обхожденіе съ нѣкоторыми людьми. Когда случалось ей при праздничномъ обѣдѣ сидѣть ниже

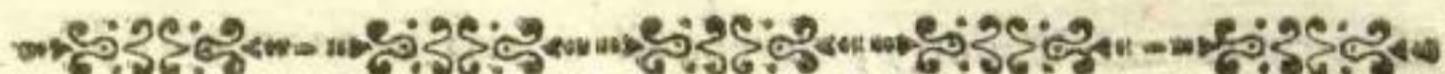

своего доспойства: тогда ей было лучше умереть голодомъ, нежели за что приняться. Она не спуская глазъ, сматривала на меня по часу со гневомъ, когда случалось мнѣ быть столь подле, что уступалъ свое место человѣку, которой покрайней мѣрѣ не былъ *Шепамѣе Баронетъ*. Какъ вѣкогда говорилъ я ей о богатомъ купцѣ сватавшемся на ней, и кому она отказалася: тогда надувши благородною спесью, объявила она мнѣ, чтобъ она лучше вышла за голаго дворяниня, нежели за богатѣйшаго купца. Она сказывала, что мы по бракамъ вѣ свойши съ немалымъ числомъ государственныхъ Героевъ; но какъ никто изъ сихъ господъ о семъ не вѣдалъ, то и мы разсудили держать сїе промежъ себя тайною.

Не задолго передъ своею смертью, рассказывала она мнѣ по своему обыкновенію жизни моихъ предковъ; но увидѣвъ, что особливо расположаетъ она рѣчъ о Гилбертѣ Пронзиѣ, подъ которымъ на Едгильскомъ сраженіи убита лошадь, не удержался я, чтобъ не сказать бѣдоносное мнѣ слово, изрядно, и не спросить унѣе, какая изъ того мнѣ польза? тогда перервавъ свою рѣчъ, вдругъ встала и пошла вѣ свой кабинетъ, гдѣ не перестая, писала болѣ четырехъ часовъ

часовъ: я послѣ свѣдалъ что въ самое то время вычернила она мое имя въ своей духовной, оспа-
вляя все что ни имѣла моей хищрой сестрѣ,
которая обыкла распрашиватъ ее каждый день съ
утра до вечера одедушкѣ и прадедушкѣ.

Она теперь лежитъ съ славными своими предками имѣя на могилѣ широкой камень, ко-
торой сказываетъ любопытному читашелю что
она скончалася восьмидесяти лѣтъ девицею и
что происходитъ она отъ рода древнихъ Прон-
зидовъ; подъ сею надписью желающія могутъ
читать ее Генеалогію, составленную собствен-
ною ее рукою.

ПОЕМА.

На разрушеніе Лиссабона.

НЕщасливой народъ! плачевная страна,

Гдѣ всѣхъ ужасныхъ язвъ жестокость собрана!

О! жалость вѣчная, воспоминанье слезно!

Обманутый мудрецъ, кричишь ты, псе лолезко:

Приди, взгляни на сей опустошенный градъ,

На сей нещастный прахъ отцовъ и женъ и чадъ;

Л

Взглядъ

Взгляни ты на сии разрушенныя стѣны,
 Подъ коими лежатъ раздавленны ихъ члены:
 Здѣсь тысячи земля нещастныхъ пожрала,
 Трепещутъ тамъ въ кропѣ разбросанны тѣла,
 Прекрасны дома ихъ имъ здѣлалися гробы,
 И мучась кончашъ жизнь среди земной утробы.

Ихъ томный слыша вопль въ подземной тамъ стра-
 (нѣ,

Курящійся зря пеплъ, не скажешь ли ты мнѣ,
 Что должно было такъ, чтобъ градъ сей былъ неща-
 (стенъ,
 И нужно ио Творцу, которой благъ и властенъ?
 Иль скажешь ты, смотря на трупы бѣдныхъ сихъ,
 Что Богъ отмщаетъ имъ за беззаконья ихъ:
 Сии безгрѣшныя младенцы чѣмъ виновны,
 Въ обѣятьяхъ матернихъ лія попоки кровны?
 Отмѣниоль согрѣшилъ сей градъ, и принялъ судъ!
 Парижъ и Лондонъ цѣлы, гдѣ въ роскошахъ живутъ;
 Здѣсь гибнетъ Лиссабонъ, а тамъ пиры всегдаши.
 Не чувственны сердца, О! вы умы безстрашны,

Зря братъевъ вы своихъ въ волнахъ среди пучинъ,
 Спокойно ищете волненія причинъ;
 А сами вы когда злымъ рокомъ огорчитесь:
 Вы спонете, какъ мы, и плакать не спыдитесь.
 Но естьли челюсти разверзетъ адъ на насъ:
 Не виненъ будешьъ въопль и жалобы въ тотъ часъ.

Окружены опѣ въсѣхъ сторонъ жестокимъ рокомъ,
 Злодѣйствомъ, гибелью, въ гоненіи жестокоиъ,
 И въсѣхъ сиихъ себѣ противность ощущивъ,
 Признайтесь по себѣ, что въопль нашъ «праведливъ».
 Вы скажете, что въ насъ бунтуютъ только спасши,
 И гордость ропщетъ въ насъ, что мы не въ лупчай ча-
 (сти:

Подите къ берегамъ вы Тага, зрице спрахъ,
 Разройте камни вы, разройте вы сей прахъ,
 Внемлите въопль, что шамъ нещаснны произносятъ,
 Ошь гордости ль они себѣ подады просятъ?
 О! Боже, волюютъ, О! горе, ахъ! увы!

Полезно все, теперь мнѣ скажете ли вы?
 Что? ешьлибъ Лиссабонъ земля не поглотила,
 Ужѣ ль бы та страна ее опяготила?
 Не мнише ль вы, что все сіе предвидя богъ,
 Содѣлать лучшаго для сихъ людей не могъ?
 Не могъ ли ихъ спасти Онъ власпю своею,
 И безднѣ запретить горящей подѣ землею?
 Иль мните властъ Творца вѣ предѣлы заключить,
 И не ко всѣмъ Ему велите щедру быти?
 Судьбы вѣ Его рукахъ, Онъ ими управляетъ:
 Они сиѣшатъ свершишъ, чѣто Онъ опредѣляетъ.
 Не раздражаючи Тебя, Создателя мой,
 Желалъ бы я горѣть сей пропасти земной
 Вѣ пустынѣ, и возжечь страну не населену;
 Я Бога чту, люблю, но и люблю вселену.
 Коль стонутъ смертныя среди шоликихъ бѣдъ:
 Не гордость вѣ ихъ, увы! жученье вопіеть.

Недѣстны жители сїи бреговъ плачевныхъ,
 Умѣшавшися ли тѣмъ вѣ сихъ пропастяхъ безднѣвныхъ,
 Ког-

Когда кто скажешь имъ: умрите пѣ бѣзданѣ сей,
для щастія другиx пы гибните людей.

Построится иныхъ ружами пашн стѣны,

И будутъ жительни иными населенны;

Другой народъ отсель богатство излечетъ,

И нашей пагубой поспользуетея спѣтъ.

Богът такъж е какът о настъ и о черпакъ лечет съ

И тѣло наше из синѣй симѣ твари мѣ оставаєся.

Жестокосердия! имѣйте жалость къ нимъ,

Не прибавляйше муки къ мученьямъ паковымъ.

Не представляйте вы моей душѣ смятеної

Необходимости сей нужды непремѣнной,

Сей цѣпи міровъ, пѣль и душъ, что вяжетъ ихъ.

О ! съемудрѣе , О ! буйственность слѣпыхъ

Богъ держитъ цѣпь въ рукахъ, но ею онъ не связанъ, (а)

И можетъ гробникъ. Имъ безъ смерти бытъ наказанъ.

Λ 3

Onb

(а) Смотри примѣчаніе по Французской логотѣ пѣ концѣ.

Онъ сильный , праведный и милосердый Царь :
 Когда Творецъ такъ благъ, почто же страждеть шваръ ?
 Сей узелъ разрѣшиль вамъ прежде бъ надлежало ;
 Отрекши зло , вы нась излѣчишь хоть мало ?
 Трепещутъ всѣ , и всѣ причины ищутъ бѣдъ :
 Но вы ихъ чувствуя , вѣщаете , ихъ нѣтъ .
 Когда всемощна власть , что всѣ стихіи движешъ ,
 Срывая горы верхни , ужасной бурей дышешъ :
 Когда сражаетъ громъ высокія дреꙗ :
 Они не чувствуюши вреда никаковы ;
 Я живъ , я чувствую , и сердце отъ мученья ,
 Взываю ко Творцу , и проситъ облегченья .
 О ! дѣти бѣдныя , всемощнаго Отца ,
 На то ли вамъ даны чувствительны сердца ?
 По чѣо я слабъ , хотя сосудъ тому не скажетъ ,
 Кто тѣло онаго и крѣпость глиной вяжетъ :
 Не можетъ говорить , не можетъ мыслить онъ ,
 И не страшишъ его ни гибель ни уронъ ;
 Сосудъ оплакивать своей не можетъ части ,
 Ни щастія желать , ни чувствовать напасти .

Мнѣ скажутъ, что чрезъ смерть даю жизнь проп-
(чимъ мы,

И несбѣкомыхъ вдругъ изъ насъ рождаются тьмы:

Когда повергнусь въ гробъ, обремененъ бѣдами:

Вотъ облегченіе! быть сѣдену червями.

Преспанище бѣдность мнѣ вы смертныхъ изчислять,

Преспанище горестъ вы мою ожеспоочать.

Я зрю лишь только въ васъ безсильное упорство,

И въ крайней бѣдности ложь, гордость и притворство.

Частица малая въ пространствѣ цѣломъ я:

Но всѣ животныя обширности сея,

Всѣ бытности родясь подъ таковыимъ закономъ,

Жить въ горести должны и умереть со спономъ.

Какъ робкаго птенца голодной ястребъ рветъ,

И насыщаясь невинну кровь пѣтъ:

Находитъ пользой все, пока не прилепаетъ

Орелъ, которому онъ пищей самъ бываєтъ.

Стрѣлой по томъ орла повержетъ человѣкъ,

И пораженъ другимъ самъ въ браны кончили вѣкъ

Въ кровѣ, пронзенѣ, попранъ шамъ будеъ воинъ мертвый,
 И пшицамъ алчущимъ шамъ ихъ убийца жертвой.
 Всѣ члены свѣта шакъ трепещупъ въ спрахахъ сихъ,
 Родятся, мучаются и гибнутъ для другихъ.
 Вы составляете изъ состоянья злаго
 Несчастливыхъ людей, всеобщее намъ благо:
 Какое? бѣдныя, кто щастливъ тѣмъ изъ насъ?
 Полезно, слышу, все, но чрезъ плачевный гласъ.
 Всѣ все изобличипъ и ваши чувства сами,
 Сто разъ вашъ гордой умъ согласовали съ нами.

Между собою все на свѣтѣ брань вѣдетъ,
 Всѣ твари чувствуютъ, что зломъ наполненъ свѣтъ,
 И неизслѣдима всѣхъ нашихъ золъ пучина.
 Ихъ топъ не произвелъ кто нашихъ благъ причина:
 Не Ориманъ (1) ли злу начало, иль Тифонъ? (2)
 Къ терпѣнию мы чрезъ ихъ осуждены законъ;
Одна-

---

(1) Начало зла у Египтянъ | (2) Начало зла у Персонъ.

Однако мудрыхъ сихъ учемїя не прямы,
 Которымъ иногда невѣжи спроютъ жрамы.
 Мы можемъ ли себѣ представить благъ Творца,
 Творцемъ напастей всѣхъ? и дѣти отъ Отца.
 Возмогутъ ли имѣть мученія повсемѣстны?
 Кому О! Боже мой, Твои судьбы извѣстны?
 Всесовершенный зла не можетъ произвестъ,
 Другова нѣтъ Творца, а зло на свѣтѣ есть;
 Повсюду вопль и спонъ, повсюду зрю мученіе?
 О! непостижное двухъ разностей смешенье.

Чтобъ насъ утѣшить, Богъ на землю снисходилъ
 Но землю посѣти, ее не премѣнилъ.
 Одинъ перемѣнилъ безсильныхъ бога числилъ;
 Онъ могъ, и не хотѣлъ: другой напропивъ мыслилъ,
 А будеТЬ впредъ хотѣть. Но кто изъ нихъ помогъ,
 Когда на Лиссабонъ послалъ удары Богъ,
 И не оставилъ тамъ погибшихъ градовъ вида,
 Отъ Тага до столповъ великаго Алкида?

Иль казнь имъ за сяцловъ назначена сїя;
 Иль ихъ нещастнаго начальникъ бытїя

Безъ гнѣва , жалости , спокойнымъ смотритъ окомъ
 Какъ время ни печеть успавовъ вѣчныхъ токомъ ;
 Иль міръ испорченной начальнику всѣхъ бѣдъ
 Приноситъ должна дань чрезъ пагубу и вредъ ;
 Иль хочешь искусить здѣсь Богъ насъ чрезъ напасти ,
 И бѣдственнымъ путемъ ведетъ насъ къ лучшей части ,
 Чтобъ временные здѣсь почувствиа бѣды ,
 Но смерти мы свои окончили труды .
 Но ешьли чаешъ всякъ по жизни быть спокойенъ :
 Похвалился ли кто , что онъ иного доспомъ ?

Оплакивать себя мы должны по всему :
 Невѣдущъ смертной , слѣпъ , и все грозитъ ему .
 Мы щепетю возвращать иѣмую мнимъ природу ,
 А должно , чтобъ Творецъ явилъ то смертныхъ роду ;
 Одинъ лишь можетъ Онъ свои дѣла открыть ,
 Исправить немощныхъ , и мудрыхъ умудрить .
 Въ сомнѣнїи блудящъ безъ помощи имъ скорой ,
 Находитъ человѣкъ вонще просникъ подпорой .
 Мнѣ Лейбницъ не сказалъ , что вяжетъ ону смѣсь ,
 Въ устроенномъ другихъ всѣхъ лучше мирѣ здѣсь ,

Со-

Собранье горестей , всегдашнее нестроиство ,
 И въ жизни вмѣшанны веселья въ беспокойство ;
 По чю за добрыя и вредныя дѣла
 Подвержены равно гонению люди зла ?
 Я пользы чрезъ сїе увы ! не обрѣпаю ;
 Хочу учитель быть , и ничего не знаю .

Былъ прежде человѣкъ , сказалъ Платонъ , крылатъ ,
 Не проицалъ его соспава смертныхъ взглядъ .
 Тогда кончины , бѣдъ не знали человѣки :
 Отъ жизни оныя какъ нынѣ мы далеки ?
 Страдаемъ , терпимъ , мремъ ; все кончились родясь ,
 И разрушеній лишь природа спала связь .
 Составъ нашъ плѣнъ одинъ : кровь , тѣло , кости , жи-
     (лы ,
 И умерщвляютъ насъ спихъ противныхъ силы .
 Въ насъ прахъ сей съ жидкостью составлены на то ,
 Чтобъ послѣ смѣсь сїя разрушилась въ ни что ,
 И чувствованія жилъ тонкихъ и иѣжнѣйшихъ
 Подверглись пягостямъ болѣней самыхъ злѣйшихъ .

Мнѣ само естество толкуетъ свой законъ,
 Отверженъ Еликурѣ оставленъ мнай, Платонъ;
 Бѣла знаетъ болѣ ихъ: но можно лѣ основаться?
 Держа вѣсы вѣ рукахъ онъ учитъ сомнѣваться; (б)
 И не приемля онъ системы никакой,
 Всѣ оны опровергъ, воюя сѧ съ собой,
 Подобно какъ Самсонъ, лишенный глазъ врагами;
 Подѣ зданьемъ палъ, его разрушенными руками.

Что могутъ самыя проспранѣйши умы?
 Ничио; своей судьбы не постигаемъ мы.
 Незнаемы собой вѣ своей нещастной долѣ:
 Что? гдѣ я? и куда иду? и взявшъ отколѣ? (в)
 Такъ какъ пылинки мы на кучѣ земляной,
 Разсыпаны спрадать и быть судьбы мгрой;

Но

(б) Смотри примѣчаніе подъ концѣ Французской поэмы.

(в) Смотри примѣчаніе подъ концѣ Французской поэмы

Но мыслящи си пылинки , коихъ взоры'

Измѣришь небеса , измѣришь землю скоры.

Несется человѣкъ умомъ ко небесамъ ,

Себя не видишъ лишь , себя не знаешъ самъ .

Соборище невѣжъ и гордынъ вѣ сѣть онамъ ,

О щастъ говорятъ со плачомъ и со стономъ .

Вѣ отчаянъ къ себѣ имѣшъ всякъ любовь ,

Не хочетъ умереть , ниже родиться вновь .

Хотя всечасно мы напасти ощущаемъ :

Мы очи слезныя чрезъ радость осушаемъ .

Но радость наша такъ равно , какъ тѣнь , минетъ ;

Нѣтъ горестямъ конца , числѣ печалимъ нѣтъ .

Воспоминаніе прошедшаго нещастію ,

А настоящее для смертнаго ужасно ,

Когда онъ вѣ будущемъ добра не получитъ .

Полезно будетъ все , вотъ только что насыпнитъ ;

Но сердце , что теперь , полезно все , не вѣришъ ;

По что такъ хочетъ Богъ , по смертной не измѣришъ .

Покорствую стени и токи слезъ лія ,

И волѣ Вышняго терпя подверженъ я .

Мой

Мой голосъ прежде былъ пастушьею свирѣлью,
Спремился пѣть любовь, спремился я къ веселью:
Теперь какъ старость мой перемѣнила нравъ,
И слабости людей я съ возрастомъ узнавъ,
Ища во мракѣ лжи я испинны блиспанья,
Не знаю болѣе, какъ плакать безъ роптанья.

Калифа вѣкогда окончевая вѣкѣ,
Въ послѣдній кѣ Богу часъ сю молитву рекъ:
Я псе то приношу тебѣ о! Царь пселенной
Чего иѣтѣ пѣ благости Твоей пcessопершеннай:
Трѣхи, непѣденье, болѣзни, слѣзы, стонѣ.
Ещѣ прибавить могъ кѣ тому надежду, онѣ. (г)

ЕПИ.

г) Смотри примѣчаніе дѣ концѣ Французской поэмы.

ЕПИГРАММА.

Премудрость щедшая не можешъ насъ избавить,
Опь смерти люшыя ни сохраниши опь бѣдъ;
И не предъ скажетъ намъ что будеть съ нами въ предъ;
Не лушели сей трудъ о! смертныя, оставилъ,
въ копоромъ пользы иѣтъ.

ОГЛА.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

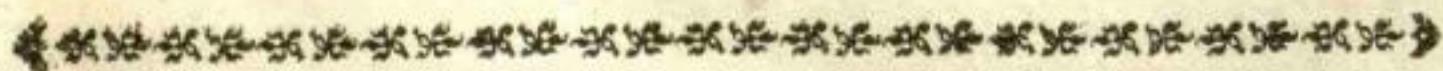
Находящимся въ семь мѣсяцѣ машеріамъ,

	страницы
Продолженіе о Епическомъ Спихопворствѣ	143
Мадригалъ	156
Мадригалъ на разсудокъ	156
Басня	157
Продолженіе о Источникѣ спасшемъ	157
Сапириченской Переводъ	165
Поэма на разрушеніе Лиссабона	173
Эпиграмма	187

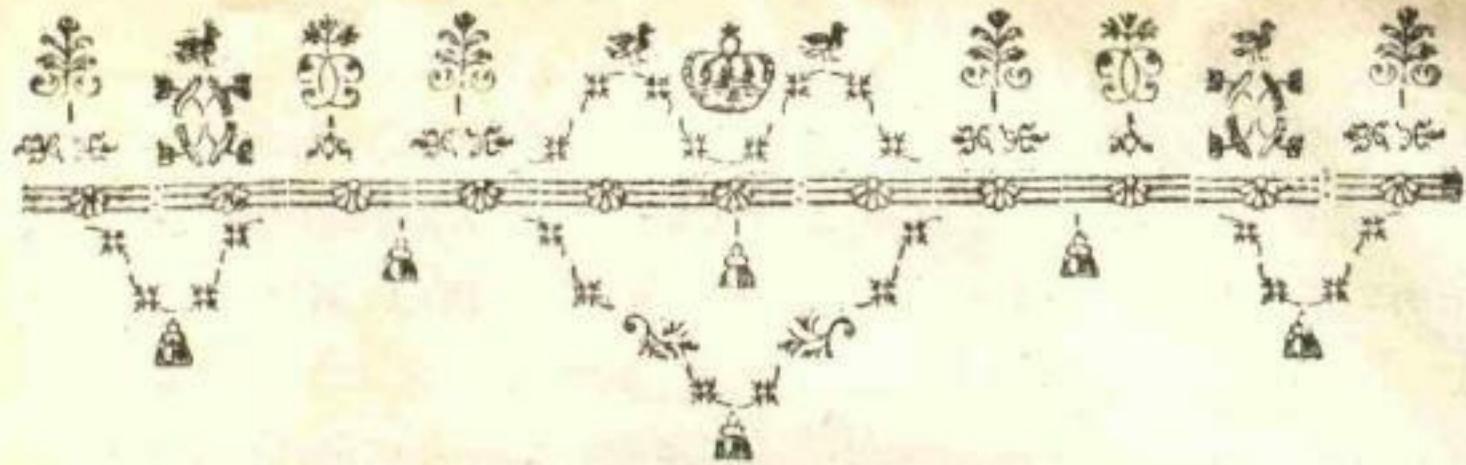

НЕВИННОЕ УПРАЖНЕНИЕ.

Мѣсяцъ Май.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ университете 1763. года.

ПИСЬМО.

любезной другъ!

X Опять я къ тебѣ на послѣдней почтѣ и не писалъ; однако ты чрезъ то не меныше будешь свѣдующъ о положеніи моего духа. Уединенная жизнь, которую я веду, отдала меня со всѣмъ размышленію, или лѣпче сказать, обратила единственно къ тебѣ; по тому что все, что я ни дѣлаю и о чемъ ни мышлю, все обращается къ тебѣ; и все доказываетъ чась отъ часа яснѣе, что все въ свѣтѣ мечта, и что щаспль имѣшь прямаго друга, есть единственное благо, которому вѣрѣ, что я всю цѣну знаю.

Разсматривая самого себя, и все то, что въ мысль мою представлялось, преходилъ я изъ системы въ систему; но однакожъ очень мало свѣдущѣ спалъ, а выигрываю только то, что духъ мой спокойнѣе становитсѧ, и что умѣривая

желанием, познаю болѣцѣну размышенія и порядочныхъ мыслей. Ты примѣтишь, любезной другъ, что я до совершенного въ нихъ порядка еще не достигъ. Я не льстя ни тебѣ ни себѣ въ нашихъ успѣхахъ, стану писать не упѣснля вольности своихъ мыслей, и не останавливаясь за несовершенствомъ моего пера. Ешьли ты увидишь, что другъ твой заблуждаетъ мнѣніемъ; осторѣги его; другія же его недостатки прости ему дружелюбно.

Ешьли достаточное знаніе и порядочные о всемъ размышенія препятствующія нашему благо получью: какимъ же образомъ до него должно достигать? Возможноль намъ о немъ не думать? А думая, возможноль его не искать?

Щастіе наше иногда зависитъ отъ насъ самихъ, иногда нѣтъ. Не зависишъ отъ насъ потому, что наше сложеніе, нравъ и мысли не всегда сходственны съ нашей волею и съ нашими нуждами; зависишъ же нѣкоторымъ образомъ потому что нравъ и мысли наши, отъ которыхъ щастіе наше зависитъ, есть наиважнѣйшая часть насъ самихъ.

Мы думаемъ, что наше положеніе, состояніе, обстоятельства и приходящія и отходящія

щія въ течениі нашей жизни случаи препятствующія нашему благополучію. Но мы въ ономъ много ошибаемся; ибо все, что намъ чуже и не въ насъ самихъ, не имѣло бы никаковоаго союза съ нашимъ благополучіемъ, еспѣлибы внутреннія наши спраски не имѣли обычайныхъ сношеній съ тѣмъ, что происходитъ во внѣшности и не покоряли бы насъ, какъ жестокія властители.

Сїе разсужденіе должноствующее быть разпространено и исльдовано размышеніемъ; доводитъ меня къ утвержденію того, что еспѣлибы съ твердымъ намѣреніемъ хотѣли спремись къ доспіженію благополучія: тобъ малде числа только людей въ томъ не успѣли.

Есть препятствія, которыя надлежитъ преодолѣть. Желаніе благополучія состоишъ въ познаніи сего преодолѣнія, которое хотя дорого и вожделѣнно, однако имѣетъ общую судьбу съ другими дѣлами, коихъ почти никогда съ довольною твердостью и непремѣняемымъ намѣреніемъ не жедающъ произвесь въ дѣйство.

Я примѣтилъ, любезной другъ, что есть споль осльпленныя люди, что чаюшъ знать конецъ своихъ желаній. Имъ кажется, что не болѣе одного шага надобно къ доспіженію оныхъ;

но лучь, которой ихъ въ томъ освящалъ, только ихъ обманываетъ; ибо по полученіи своихъ желаній, преходяще они въ другія: слѣдственno па веъшь, которую они имѣть хотѣли, есть на та, которая бѣ ихъ удовольствоватъ могла, и которая бѣ имѣ приличествовала.

Во всемъ есть порядокъ, расположеніе и соображеніе, котораго соединеніе производитъ красошу и совершенство объектовъ. И моря колеблемы вѣтрами, чувствуютъ движеніе воды; чудно ли, что мы болимъ отъ разстройки порядка и расположения Физического союза нашего тѣла. Разсмотримъ же теперь, не таковой ли же порядокъ дѣлаетъ спокойство и щастіе, какъ замѣщательство и безпорядокъ причиняющіе зло.

Въ самомъ дѣлѣ я почитаю щастіе плодомъ порядочнаго расположения нашихъ мыслей и спокойствія нашихъ страстей; а чтобъ имѣть порядочные мысли: то должно видѣть каждую вещь въ своемъ существѣ и знать ее цѣну, не по принятымъ мнѣніямъ, но по самой справедливости, и располагать свои мысли въ слѣдствіи ихъ сношенія и зависимости, какъ на примѣрѣ: предпочитать должностъ своимъ забавамъ, честь своей жизни, здоровье передъ богатствомъ и проч:

Не легко конечно привесть въ спокойствие свои страсти; однако число спаравшееся ихъ покорить, не предуспѣвшихъ не сравненно менѣе, нежели тѣхъ, которые чрезъ то предуспѣли. Гораздо легче потушить первое свое желаніе, нежели удовольствоватъ тѣ, кои за нимъ послѣдующі.

Я знаю такихъ людей, которые полагаютъ благополучіе въ многочисленніи вкусовъ и въ способности ихъ удовольствовашъ; но къ нещастью сего правила, я въ тоже самое время слышу сожалѣніи о смерти таковыхъ молодыхъ людей, кои, казалось, отъ того чтолько лишились жизни, что ужъ не находили въ ней ничего понуждающаго ихъ оставаться въ свѣтѣ.

Есть примѣры доказывающія, что разсудокъ обуздовалъ и покорялъ страсти, такъ что и слѣдовъ ихъ не оставалось.

Скажи, любезной другъ, всѣмъ тѣмъ, кои спанутъ жаловаться на свое нещастье, что они сами тому виною, для того что еспѣлибъ они измѣрили число спрасьми наносимыхъ золъ съ тѣмъ затрудненіемъ, которое бѣ они имѣли спарайсь превозмочь ихъ: тобъ увидѣли, что одно другаго легче, похвальнѣе и полезнѣе.

Обстоятельства жизни хотя и перемѣняютъ благосостояніе и приводятъ насъ противу чаянія въ премѣнное состояніе: но сердце наше перемѣнить не могутъ. Надлежитъ владычествовать надъ собою и внутренно здѣлать себѣ такое состояніе, которое бъ ни смертью ни злѣйшими нещастьями смущиться не могло. Странанье можетъ заставить лишь слѣзы, которыя величость духа паки осушиваешь. Можно жаловаться и не свирѣпѣть и безъ отчаянія предпочесть смерть гнусной жизни, быть безъ стыда бѣдну, безъ безчестия нещасіну и въ оковахъ духомъ быть свободну.

Не входя въ раздробленіе о преимуществахъ людскихъ, признано уже, что лучший человѣкъ топъ, которой болѣе обществу полезенъ. Тогда прямо великъ человѣкъ, когда онъ дѣлаешь другимъ доброе и полезное. Есть ли произращенія естества, говоритъ Цицеронъ, сущь для человѣка: то люди уже конечно другъ для друга сопворены.

Но я нахожу, что мы таковыми людьми не много уважаемъ. Казалось бы, что полезной обществу человѣкъ, можетъ имѣть и не имѣть особли-

особливой склонности или привычки, лишь бы любилъ и служилъ обществу.

Давно ужъ примѣняли политической свѣтѣ къ тѣлу человѣческому; его хорошее состояніе и нездоровье зависитъ отъ образа, исполненія и должности каждого члена. Ноги вступая въ разпорядокъ желудка, конечно не будутъ полезны.

Часто люди не хотятъ трудиться и ведя въ безпечности свой вѣкъ, впадаютъ вмѣсто достиженія до своихъ желаній въ пущія затрудненія, и въ бесконечныхъ неизвѣстностяхъ и околичностяхъ надежда ихъ по томъ изчезаетъ.

Не рѣдко и то бываетъ, что люди забираютъ на себя трудъ не по силѣ ихъ духа, и изнуривъ его и упрашивъ время, находятся уже въ неспособности и то исполнить, къ чему они рождены были, и на что доспавало ихъ силы.

Въ такой неустроимости и безмѣрности, многое въ наатурѣ пропадаетъ и число людей полезныхъ убавляется; или лутче сказать, отъ такого беспорядка и несогласія между силою и желаніемъ, люди бываютъ меньше полезны себѣ и обществу.

Изъ сего можно легко вывести правило, кото-
рое мнѣ справедливымъ кажется, „ что люди бы-
ли бы щастливие, естьли бъ они соглашали же-
ланія свои по силѣ своей способности ; есть-
ли бъ они судили себя по изслѣдованію всѣхъ
своихъ свойствъ ; естьли бъ они не упружда-
ли свою память пустыми правилами, а сокра-
шивъ ихъ число, твердо бъ ихъ наблюдали ;
естьли бъ сверхъ общихъ правилъ имѣли нѣ-
которыя въ слѣдствіи положенія своего со-
стоянія, и кои бъ соошвѣтствовали обраще-
нию того общества, въ которомъ каждой че-
ловѣкѣ находятся ; естьли бъ люди имѣли не-
нарушимой порядокъ въ мысляхъ, которыя бъ
по существицельной ихъ важности, были одна-
коѣ другой зависимости ; и естьли бы люди вла-
ствовали болѣе своими страстиами, нежели
страстами ихъ ими.

На конецъ скажу , что люди были бы ща-
стливие , когда бъ они щастіе не далеко отъ себя
самихъ искали , и не пренебрегая труда собою
властствовать , не умножали бъ чрезъ то себѣ за-
трудненій къ доспиженію благополучія , кото-
рого всякой желаетъ , рѣдкой справедливо пони-
мающъ , всѣ подъ разными имянами и въ разныхъ
видахъ

видахъ видяшъ и обожаюшъ и до котораго никто совершенно не достигаетъ,

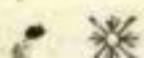
Вѣрной вашъ другъ.

*** *** *** *** *** *** ***

СТИХИ

къ Клименѣ.

Жестокость сладкая прѣятнѣйшаго пльна,
 Прелестнѣйшій предметъ любви моей , Климена ,
 Хотя я мучуся бытъ вѣчно пльнникъ твой ,
 Оковы милы мнѣ вѣ неволѣ таковой .
 Всечасно страсть моя тобою возрастаєтъ ,
 Одна ты царствуешь вѣ желаніяхъ моихъ ;
 Но ахъ ! вѣ твоей душѣ любовь не обищаетъ ,
 А только лишь она видна вѣ глазахъ твоихъ .

Прѣятна молодость тебя , Климена , учитъ ,
 Что долженъ нѣжности разсудокъ уступить ;
 Прошивая любви онъ только сердце мучитъ ;
 Прекрасныя на то рождаются , чи любишь .

Под-

Подвергнувшись любви нимало не безславно ,

Безъ оной были бы бесплодны красоты :

Подвергнутъсѧ , тебѣ я вижу знать не иправно ,

Но бывъ побѣждена , майдешь побѣду ты .

МАДРИГАЛЫ.

I

Клариса , научись чувствительною быть ,

Никто не избѣжалъ любовной страсти ,

И всѣ подвержены любовна Бога власти ;

Клариса , научись любить .

Напрасно ты любовь не зная охуждаешь ;

Узнала бы своей ты цѣну красоты ,

Когда бы въ сердѣ то почувствовала ты ,

Что въ проптихъ возбуждаешь .

II

Въ два сърдца всегда спрѣляетъ Купидонъ ,

И двѣ побѣды вдругъ преобрѣтаетъ онъ ;

А естьли кто любя взыхаетъ безъ награды ;

Не лъзя бытъ болѣе противъ него досады ,

III.

Слаба любовь безъ красоты

И въ сердце прелестными любовныхъ искръ не вложиши;

Но естьли не начнешъ казашъ упорства ты ,

Имѣя красоты :

Клариса , прелести свои еще умножиши .

IV.

Коль тратишь для тебя услугъ

Не сожалѣшъ вѣрной другъ ,

И ты скрываешь то отъ свѣта :

Безчестнаго примѣта !

Но за любовь , мой другъ , не еша ,

Другая плашится монета ;

Любовь скрываютъ отъ людей .

Когда кто щастливъ будеть въ ней ,

Кто хвастаетъ удачей сей ,

И не шаишъ того отъ свѣта :

Безчестнаго примѣта .

V.

Тотъ щастливъ, кто богатъ и кто имѣетъ честь,
Тотъ щастливъ, у кого при томъ здоровье есть;
Я все то безъ тебя, Клариса, ненавижу;
А щастливъ въ тѣ часы, когда тебя я вижу,

Б А С Н Я.

Преображеній Кулидонъ къ бабочку:
Поступкомъ дерзостнымъ Юпитеръ раздраженный,
Что Богъ любви ему своей стрѣлой грозилъ;
Зря лукъ пропивъ себя отважно напряженный,
Въ видѣ бабочкимъ сего божка преобразилъ.

Въ другъ крылушки изъ рукъ явились голубыя,
Мгновенно въ бабочку преобразился Богъ;
Онъ рошки получилъ и ношки золотые;
Онъ плакать начиналъ, но плакать ужъ не могъ.

Нѣтъ лука у него ни стрѣль и ни колчана ,
Побѣды всѣ его пресѣкъ ужасный рокъ ;
Садится онъ на верхъ иль розы иль тюльпана :
Перелешающи съ цвѣтка на цвѣтокъ .

Но жалость на конецъ Юпитеръ ощущаетъ ,
Видѣя прежній на себя величъ ему принять ;
И дерзновеніе его онъ съ шѣмъ прощаетъ ,
Чтобъ онъ по томъ его спрашивалъ прогнѣвлять ,

Явился паки лукъ , прѣемлють силу стрѣлы ,
И вѣпрежнемъ Купидонъ стаѣ видѣ на конецъ ;
Но бабочкины лишь остались крылья цѣлы
Во знакъ , что наказалъ его боговъ отецъ .

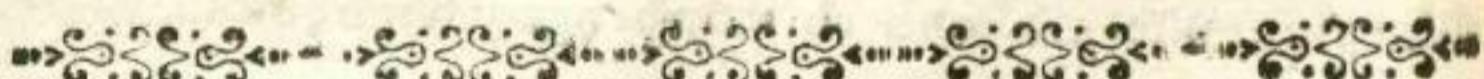

Не спало съ той поры въ любви постянства,
Какъ здѣлся крылатъ прелестный Купидонъ;
Ища иныхъ побѣдъ и новаго подданства,
Летаетъ съ той поры изъ сѣрдца въ сердце онъ.

Но вѣчно будешь жить, о! Богъ любви, со мною,
И навсегда мое ты сѣрдце взялъ во плѣнъ;
Конечно я тогда произнѣнъ твоей стрѣлою,
Какъ въ бабочку еще ты не былъ превращенъ.

- П И СЬ М О.

Государь мой!

Есть либы лѣность или что такое воспрепятствовало мнѣ, по моему слову, сообщиши вамъ въ скорости вторую господина Г. сапири: тогда бы я почипалъ за должностъ предъ вами извиняясь; но извѣспная вамъ самимъ нужда, по которой я отсель оплучался, вѣ томъ оправдать меня удобна. Нынѣ же всякое продолженіе почипая виною немедленно ону посылаю, пребывая вѣшимъ

Государь мой! и прощ:

САТИ.

 САТИРА.

Къ тебѣ, мой духъ, теперь я рѣчью обратился,

Доколъ сатирой ты со всѣмъ не заразился,

Доколъ и время есть отъ ней тебѣ отспашь;

Страйся что нибудь другое ты писать.

Порокамъ хочешь ты сатирою смѣяться;

Но льзя ли въ томъ тебѣ безъ страха извѣснять?

И льзя ль тебѣ сказать: злорѣденъ всѣмъ Дамонъ?

Въ приказѣ сидя всѣхъ безбожно трабитъ онъ.

Менандръ безсовѣстно ему въ томъ подражаетъ:

Ксанфипъ свой въ свѣтѣ родѣ лишь только прославля-

Прелепъ красуетсѧ своею красотой, (естъ.)

Гордится наряжась онъ куклой золотой.

Онъ часто разумъ свой во зло употребляетъ;

Что будетъ съ нимъ въ передѣ, о томъ не помышляетъ.

Мелонъ торопится скорѣе со двора;

Къ женѣ гостямъ прибытий приходитъ ужъ пора.

Мелонъ другихъ любить женѣ не возбраняетъ:

Онъ отъ того доходъ великой получаетъ.

А тѣ рога онъ мнитъ ему не трудно несть,
 Коль знанной господинъ чинитъ ему ту честь.
 Климена, что въ походѣ какъ мужа отправляєшъ,
 Горчайшихъ рѣки слезъ о немъ хотъ проливаєшъ;
 Но хочетъ внутренно, чтобъ онъ былъ тамъ убитъ:
 Другимъ его она въ то время замѣнитъ;
 Хотъ ею и при немъ Менальпъ любимъ бываєшъ.
 Но часпо то етъ въ опасности ввергаєшъ.
 Благоприятности, она мнитъ, не спыжусь,
 Лишъ мужа я имѣть свидѣтелемъ брегусь.
 Когда жъ надолго онъ отселѣ удалитъся,
 Тогда я безъ него лишь буду веселиться;
 Въ забавахъ безъ него мои дни потекутъ,
 И горести ко мнѣ въ грудь входа не найдутъ.
 А естьли къ щастью мнѣ его тамъ жизнь минетъ,
 Тогда со мной Менальпъ на вѣки сопряжется.
 Я буду всякой день имѣть съ нимъ тьму утѣхъ,
 И щастлемъ превзойду я нашихъ женщинъ всѣхъ.
 Напрасно лъститъ себѣ сей мыслю Климена:
 Не воспослѣдуешъ желанна ей премѣна.

Въ Менальпѣ жаръ любви она къ себѣ найдетъ ;
 Но къ браку ешому его не приведетъ.
 Онъ будетъ навсегда обязанъ опасаться ,
 Чтобъ съ мужемъ симъ ему въ одинъ ровъ не попасться .
 И такъ напрасно симъ себѣ Климена льстить :
 Менальпѣ съ ее судьбой своей не свединитъ .
 Калиста всегда пришпорный видъ являетъ ,
 Что будто мужа зрѣть съ усердіемъ желаетъ .
 Предъ всѣми дерзостно она свой рокъ клянетъ ,
 Которой вмѣстѣ жить ей съ мужемъ не даетъ .
 Но жалуясь на рокъ , себя не забываетъ ,
 И часто съ многими на единѣ бываетъ .
 Она ихъ побознь всѣхъ всегда къ себѣ беретъ ,
 И между ими жизнь веселую ведетъ .
 Ничто въ ней совѣсти не можетъ востревожить ,
 Коль можно ей число любителей умножить ;
 И мужа отъ женѣ старается отвлечь ,
 Коль можетъ гнусной жаръ любви въ немъ зажечь .
 Она сама себѣ въ пристрастіи ласкаетъ ,
 Что дѣлъ ее никто любовныхъ не узнаетъ .

Хотъ всякъ умѣетъ ихъ сказать на перечеть,
 Да съ мыслью сей она спокойны дни ведеть.
 Иная на себя видѣ святости взлагаетъ,
 И съ чѣтками въ рукахъ всечасно вздыхаетъ;
 Приворѣтуя, себѣ снискать почтенье мимъ,
 И токи слезъ лія, всѣхъ съ злобою бранитъ.
 Съ смиреніемъ на всѣхъ зависны взгляды мещетъ,
 И яростно всегда о всѣхъ она клевещетъ.
 Она невинныя забавы всѣ клячетъ;
 А въ шайнѣ дни свои съ прѣятствіемъ ведеть.
 Но только ли спрастей, и можно ль ихъ изчислить?
 Тебѣ, мой, должно, духъ, отомъ теперь помыслишь,
 Чтобъ за сшихи твои, что прямо ты писалъ,
 Отъ злыхъ безвинно я людей не пострадалъ.
 Когда бъ твои сшихи лишь только освистали,
 И съ ними бы тебя взаимно осмѣяли,
 Принудили бъ твою сатиру замолчатъ,
 Что ты въ проптиности миѣ отважился писать:
 Тогда бъ я сожалѣть не сталъ о томъ ни мало,
 Что лишь твоє перо съ тобою пострадало.

Но какъ нащъ сеѣщъ въ своемъ смѣшени таکовъ,
 Что жителей на немъ часть болѣща дураковъ;
 Коль въ зеркалѣ швоемъ они себя увидятъ;
 То многіе за то меня возненавидятъ,
 Не будутъ вѣрить мнѣ, хотябъ я клясться спѣль;
 Что ты безъ цѣли всѣ стихи твои слагалъ;
 И всѣ противъ меня во гнѣвѣ воружатся,
 Не буду лѣ принужденъ тогда я опасаться,
 Чтобъ не нашелся въ нихъ противъ меня таکой,
 Которой нарушить возможенъ мой покой?
 Въ порокахъ многіе свою жизнь провождаюшъ;
 Въ нихъ люди всѣхъ чиновъ и званій уповаютъ,
 Какъ сильный человѣкъ похочетъ мстити мнѣ,
 Останешся тогда ты съ Музой въ сторонѣ.
 Порочныхъ похвалять тебя не принуждаю;
 Я внутренно ихъ всѣхъ самъ много охуждаю.
 Но не хочу, чтобъ ты ихъ таکъ пересмѣхалъ,
 И сходио описавъ, на мя ихъ раздражалъ.
 Когда тебѣ никакъ исправить ихъ не можно;
 Такъ лучше поступай самъ съ ними осторожно.

Молчи, не раздражай пороки, смѣхомъ, ихъ,
И тѣмъ ты не превожь спокойства дней моихъ.

ЕПИГРАММА.

Природа участни различны всѣмъ даетъ:

Воздушнымъ тварямъ давъ полетъ,
Даетъ оленю скоры ноги,
Быку опредѣляетъ роги,
И силой награждаешь льва,
А рыбѣ плавать научаешь,

Имѣеть человѣкъ и скромность и слова.

Что жъ женской слабой полѣ отъ онай получаетъ?
Малѣйшій самой даръ; сей даръ одна мечта,
Но даръ сильнѣйшій всѣхъ. Какой онъ? красопа.

ПЕРЕВОДЪ.
ЕЛИСЕЙСКІЯ ПОЛЯ.

Елефиръ Философъ, сошедъ въ подземельное Плу-
тоново царство, предсталъ передъ Миноса, и
говорилъ слѣдующую рѣчь: Мудрый и испинный
судія тѣней! я признаюся, что колеблющаяся
моя душа жила во всегдашнемъ сумнѣи о всемъ,
что происходитъ здѣсь въ преисподней. Однако
не взирая на слова нѣкоторыхъ угрюмыхъ и не-
справедливыхъ людей, искалъ я чистосердечно
правды, и не былъ столько глупъ, чтобы ста-
раться ослѣпить себя добровольно въ таковой
важности. Но разсуждалъ я съ одной стороны,
что большую часть людей не можно удержать
въ должности, какъ страхомъ и наказаніемъ; съ
другой, свойственная богамъ милость не позволя-
ла мнѣ вѣритъ, чтобы осудили они своего про-
изведенія тварей на долгое или вѣчное мученіе.
Ты испытаешь, отвѣчалъ Миносъ, что боги мило-
спиво взираютъ на справедливыя сердца. Они
входяще въ сожалѣніе о твоей слабости и су-
мнѣяхъ. Я намѣренъ допустить тебя къ позна-
нію, чрезъ самого себя, ихъ мудрости и ми-
лости никогда не разлучающихся отъ правосудія.
Видишь ли ты сихъ тѣней, которыхъ ведутъ
къ моему суду? Они покрыты пеною разныхъ

злодѣяній. Тебѣ возмнится , что милосердіе богоў могло бы отпустить имъ содѣянныя ими на землѣ преступленія , и что въ веденіемъ въ Елисейскїя поля мы можемъ ихъ исправить и ощастливить . Я прежде суда , хочу ихъ впустить съ тобою въ жительство избранныхъ : примѣчай , что изъ того послѣдуетъ .

По сихъ словахъ служащія Миному отводятъ Елефира въ сїи прѣпнныя сады , уготовленныя героямъ и въ добродѣтели жившимъ мужамъ , божественный лучъ въ него проникающъ , освящающъ , подающъ способность видѣть разныя вдругъ предметы , и имѣть справедливое о нихъ разсужденіе . Съ нимъ кубно входятъ тѣ шѣни , которыя не предстояли еще Минову судилищу ; несправедливаго , коварнаго , скучаго , горделиваго , коケцки и женщины надменной и вертопрашной . Философъ на нихъ взираетъ ; чаетъ , что плѣняясь тѣмъ , что ихъ окружать станеть , опрекутся они своихъ заблужденій , и удостоятъ сего освященнаго жилища .

Что я вижу ? вскричалъ скупой : землю богатую и плодоносную . Теперь награжу я трудами свои убытки и новыя соберу сокровища . Ге ! мой другъ , сказалъ ему Сократъ , встрѣчаясь съ нимъ ,

оп-

опытка ты зашел сюда со шаковыми мыслями? Я не знаю, отвѣчалъ скупой; яѣхалъ въ Индію съ богатымъ грузомъ, отъ котораго чаялъ большой получить барышъ; но вдругъ жестокая воспала буря, море поглошило корабль, всѣхъ людей, и что еще достойнѣе сожалѣнїя, все мое богатство. Но какъ я живу въ такой богатой землѣ: то соберу себѣ другое, не переставая однакоже сожалѣть о потерянномъ. Ты не будешь имѣть нужды, говорилъ Сократъ; сѣи сады произрастаютъ обильно все нужное для своихъ жителей. Каждому позволено брать все, что потребно; здѣсь межъ нами нѣтъ раздѣльного. Какъ, вскричалъ скупой, у меня ничего собственного не будешь? Я не буду богатѣе своихъ сосѣдей? Не спащу упѣшатъся счищаніемъ моего золота и серебра? Собственного межъ нами никто не имѣетъ, отвѣчалъ Сократъ; золото и серебро служитъ здѣсь только къ украшенію. Какая намъ нужда въ деньгахъ? Всякой находишь близъ себя все, что ему нужно. Ахъ! выпустите меня отсюда, вскричалъ скупецъ, не будешь у меня ни кладовой, ни золота, ни серебра; выпустите меня: я пойду до середины ада, искать сокровищъ. Онъ отбѣжалъ, а Сократъ сопѣшившись съ Елефиromъ, завели приятной между собою разговоръ. Ихъ рѣчи не сумнѣніями и из-

слѣдованіями уже наполнены были: но каждое ихъ слово заключало въ себѣ новое откровеніе и мудрую испинну.

Вдругъ ужасный крикъ поразилъ ихъ слухъ: Вздорливый, обнажа свою шпагу, мешался всюды. Нѣкоторыя тѣни взирали на него съ жалостью, или смѣючися чуднымъ его тѣлодвиженіямъ. Трусы, кричалъ онъ имъ, приближшеся ко мнѣ, и испытайте, естьли смѣете, со мною свое мужество. Но что? никто не имѣетъ толикой храбрости. Я унижу себя, естьли останусь долѣ въ толь подломѣ сообществѣ. Выговоря сїе, онъ отдалился; а Философъ шелъ въ свой путь, какъ горделивой, встрѣтясь съ человѣкомъ не израчнаго вида, толкнулъ его, сказавъ: сойди съ дороги, бездѣльникъ. Господѣ, спросилъ онъ, гдѣ збираютсѧ здѣсь честные люди? Со мною по сїе время всю почтай встрѣталась подлость. Кого ты почишаешь подлостью и честными людьми? спросилъ Сократъ. Это ----- тѣ, отвѣчалъ онъ, которые отъ благороднаго происходятъ рода. Родъ у всѣхъ одинаковъ, сказалъ Сократъ; не отъ одного ли отца всѣ происходятъ? Сумнѣваюсь, говорилъ горделивой; но какъ бы то ни было, я называю честными и благородными людьми тѣхъ, кои происходя отъ предка, просла-

вившагося передъ промчими въ прошедшя вѣки. Тѣ славные мужи, отвѣчалъ Сократъ, которые должны своимъ прославленіемъ добродѣтели, всѣ здѣсь; но только не всѣхъ своихъ потомковъ видѣть съ собою. Въ то время, какъ они говорили, нашли на нихъ многія, межъ которыми были Конфуцій, нѣкоторые Хинскіе Императоры, Тіпъ, Траянъ и Маркъ Аврелій, купно съ Философами проспаго рода, таковыми какъ Епиктетъ, съ рядовыми воинами и съ хлѣбопашцами прославившимися своимъ искусствомъ, трудами и добродѣтелью. Что я вижу, вскричалъ горделивой, или настали нынѣ Сатурнальные дни? Вспомни, мой другъ, сказалъ ему Горацій, что приуждено было включить Плебеянокъ въ Вестальское число; ибо роды Патрикіевъ ихъ наполнить не могли. Мой другъ! переговорилъ горделивой поправляяся, съ которыхъ поръ, скажи пожалуй, принимаешь ты на себя благородной видъ? О! отвѣчалъ ему Сократъ, хотябы ты отъ Персидскихъ происходилъ царей: то и тогда бы первое имя не было споль славно, какъ Гораціево. Горацій --- я ешого имени не знаю. Но какъ сами Императоры равняются здѣсь съ подлостью: то не хочу я межъ ими пребывать. Ты найдешь, сказалъ ему Сократъ, благородное сообщество во адѣ, куда ему ишли и позволили.

ГДѢ

Гдѣ набранъ сполъ, и гдѣ стойтъ пышной
 поставецъ? кричалъ тогда роскошной; Господѣ,
 я теряю много времени, и скучаю ужѣ вашими
 разговорами, а прогуливаюсь только для полу-
 ченія большой охоты къ куцанью. Ему подали
 приятные плоды. Чѣо это такое? говорилъ
 онъ; я презираю простыя естества произраше-
 нія. Мой желудокъ привыкъ къ произведѣннымъ
 искусствамъ поваромъ Тѣствамъ. Мы не имѣемъ
 поваровъ, сказалъ ему Иппократъ, слѣдовательно
 и Докторовъ; мы презирая столовую роскошь,
 употребляемъ пищу для сохраненія только жиз-
 ни. Бѣдняки, вскричалъ прожорливой, вы по ето-
 му не знаете совершенного благополучія. Есть
 ли у васъ хотя хорошия вина? Мы не употребля-
 емъ винъ, отвѣчали ему, ниже другихъ крѣп-
 кихъ напитковъ; все, что можетъ помрачить
 нашъ разсудокъ, уменьшишъ наше блаженство.
 Услышавъ сѣе и рожора, спѣшилъ опѣ нихъ уда-
 литься, и вспрѣшивъ съ кокеткою, говорилъ ей;
 пожалуйте, сударыя, будьше мою соповарищ-
 ницею. Я нахожу здѣсь все дураковъ и невѣжъ;
 а мы пойдемъ искать хорошаго повара. Поди, пья-
 ница, въ свою добру, отвѣчала она: одно твое со-
 мною присудствіе можетъ меня разгорячить;
 а мнѣ надлежишъ еще славныхъ искать побѣдъ;

болѣ

Болѣ всѣхъ хочу я плѣнить Тита и понудиши
его забыть беренику. Труды ваши, сударыня,
пропадутъ напрасно, сказалъ ей Тацитъ. Какъ
ни былъ обходишленъ съ женщинами нашъ вели-
кой Императоръ: но однако на васъ не взглянетъ;
нынѣ важнѣйшими упѣшаются онъ красотами.
Какъ? развѣ онъ съ Венерою и Граціями? спроси-
ла она: да и то нѣтъ ничего; я здѣлаю опытъ.
Онъ упражняется самою совершенностью, отвѣ-
чалъ Тацитъ; не совершенныя и изчезающія
красоты его уже не прельщаютъ. Ахъ! какъ я
опростовалась, сказала кокетка, замедленіемъ
съ естимъ говоруномъ. Проговою сїе, кривляясь
и подмигивая враачныхъ Героевъ, пошла въ рощу;
но видя, что никто на нее не смотритъ, ниже
подходитъ говорить о любви, О! небо, сказала,
я довольно вижу, что здѣсь одни тѣни; и по-
краснѣвъ опь злобы, пошла къ выходнымъ дверямъ.

Лицемѣръ спупая юбъ пришворномъ видѣ съ
уклоненною головою, повстрѣчался съ нею.
Онъ подмигивая ее, проговорилъ нѣчто любовное.
Ахъ! какая малая побѣда, сказала она, и съ пре-
зрительнымъ взглядомъ прошла мимо. Лице-
мѣръ, скрывая свое огорченіе и злобу, подошелъ
къ

къ одному собранію, которое Горацій упѣшалъ
 забавными разговорами. О! боги , вскричалъ онъ,
 какое царствуетъ здѣсь веселье ! Это походитъ
 на первой свѣтѣ, въ которомъ живутъ не про-
 свѣщенные смертные . Что это такое ? говорилъ
 Горацій смѣючися , развѣ Миносъ Ценсора при-
 слалъ къ намъ въ Елисейскія поля ? Скажи по-
 жалуй , мой другъ , гдѣ же надлежитъ царство-
 вать веселью , когда не въ жилищѣ благодат-
 ныхъ ? Лицемѣръ вздохнулъ , пожалъ плечами
 и оборотяся на другую сторону , спрашивалъ Вир-
 гилія : какъ ототъ человѣкъ сюда зашелъ ? Онъ
 походитъ на безбожнаго весельчака . Правда , от-
 вѣчалъ Виргилій ; мой другъ въ жизни лише
 веселился ; но благородная въ немъ душа легко
 очистилася отъ своихъ слабостей , по чьему и
 допущена въ сїе жилище . Да для чего сїе ве-
 селье тебѣ противно ? Таковое состояніе при-
 личествуетъ живущимъ въ блаженствѣ . Я ду-
 малъ , говорилъ лицемѣръ , что здѣсь упражня-
 ются только въ важныхъ и мудростью напол-
 ненныхъ вещахъ . Конечно такъ , сказалъ Вир-
 гилій , да это то самое насть и увеселяетъ .
 Тщетность производить пустое лишь упѣшеніе ;
 мудрость же наполняетъ насть испиннымъ уве-
 селеніемъ . Оставь свой пришпорной видѣ ; здѣсь
 онъ

онъ не терпимъ. Всякой изъ насъ читать можешъ въ сердцахъ своихъ соповарищей. Лицемѣръ прижавъ ко груди руку, сказалъ: какъ! я не буду имѣть удовольствія, слышъ въ сихъ мѣсахъ святымъ и набожнымъ человѣкомъ? Не возмогу подъ видомъ наружной добродѣтели достигать до своего намѣренія? Не буду въ силахъ оклеветать противныхъ мнѣ? Нѣтъ, гнусно для меня паковое жилище. Онъ спарался нѣсколько времени привесить въ подозрѣніе Гораціевы и Виргиліевы поведенія; но видя, что никто не хотѣлъ его слушать, пошелъ со спыдомъ и злобою вонъ, сжимая по привычкѣ руки, и поднимая глаза на небо.

Не правосудный же и коварный соединенно спаралися дѣлать вредъ жителямъ полей Елисейскихъ. Первой изыскивалъ способы, лишить ихъ того сокровища, которымъ они наслаждались, желая тѣмъ одинъ пользоваться. Другой для того только, чтобъ имѣть упѣшеніе дѣлать вредъ, приготовлялся ему вспомоществовать. Онъ спарался привесить все въ замѣшательство, пытаясь поссорить друзей, чая изъ того получить забавное себѣ зрѣлище. Но примѣтия скоро, что труды ихъ пшестны, пошли, ко удовольствованію

своихъ склонностей и для произведенія своего искусства въ дѣйствіо, во адъ.

Завистливый удалялся въ уединенное мѣсто, кидалъ отполѣ взоръ свой на праведныхъ; но видя ихъ въ благополучіи, отвращалъ оной въ тоже мигновеніе ока. Онъ часъ отъ часа худѣлъ, желчь его покрыла, на конецъ не въ състояніи будучи спокойно взирать на поликое число щастливыхъ душъ, повлекъ въ мрачную бездну свои изсохшія кости, гдѣ онъ съ подобными себѣ и соединился.

Вотъ сады, изъ которыхъ можно будешь здѣлать что нибудь хорошее, сказала вошедши вертопрашная женщина. Мы исправимъ еши цвѣти, и дадимъ имъ гораздо лутчій видъ. Что я вижу? плодовитыя деревья. Ахъ! какой страхъ. Вынесите ихъ, государи мои, въ огородъ. Я люблю лабиринты, гропы и дерновые кровати. Да здѣсь бывающіе балы, важныя и комическія оперы? увидимъ ли мы ихъ нынѣ? О! забавная сущность, конечно здѣсь ее и изобрѣтатель. Но что я слышу? О! боги, велите замолчать ешай музыкѣ. Правда, она довольно прияшна, но складъ ся къ важному клонится концу; она мнѣ скучна. Я думаю, что я потеряю отъ нее свою

жив-

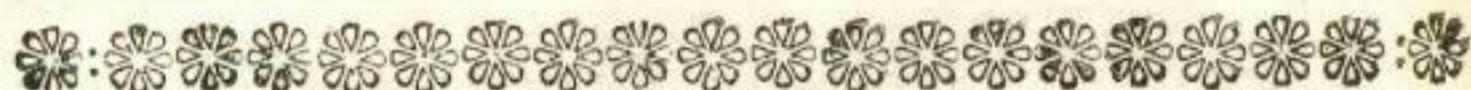
живноєсть ; удалимся и пойдемъ къ гуляющимъ въ етой рощѣ людямъ. Ахъ ! ето римляне : я конечно найду межъ ими Овидія и Катулла. Здравствуйте государи мои. Я не терпѣливо хочу знать , кто вы ; хотя , сказать правду , я нечаяю что бы вы были весьма знающи въ прияпной суეпности. Вы люди спарыхъ вѣковъ , но я хочу васъ исправить. Горацій не понимая ея словъ продолжалъ свой разговоръ съ Цицерономъ и Виргиліемъ. Что это такое , говорила госпожа , мнѣ кажется эти люди разсуждаютъ. Какая ужасть ! разсужденіе ! отъ одного слова можно въ пасть въ обморокъ. Я уже умираю ! вы проводише меня изъ сихъ садовъ. Скоро потищались вывести ее изъ мѣста , въ которомъ ей жить поль мало приличествовало.

Елефиръ удивлялся всему что ни видѣлъ ; возвратился къ адскому судью и говорилъ : я признаюсь мудрый Миносъ въ своемъ заблужденїи , и нынѣ уже довольно увѣренъ , что смертныя болѣшею частью бывають сами причиною , что не могутъ наслаждаться вѣчнымъ благополучiemъ. Я почитаю правосудіе и мудрость боговъ , но остается мнѣ еще сумнѣніе : не должно ли ихъ милосердіе послѣшиТЬ опредѣленнымъ къ

ихъ наказанію времянемъ, и тѣмъ со кратить ихъ мученія.

Ограничъ свое любопытство, отвѣчалъ ему Миносъ; ты изъ доказанныхъ опытовъ видиши мудрость и милосердіе боговъ: не можешь ли ты на нихъ положитъся, во всемъ что имъ дѣлать, принадлежитъ и твердо быть увѣреннымъ, что они исполняшъ все приличнымъ образомъ ихъ всемоющому совершенству? Елефиръ чувствуя мудрую сихъ словъ истину, признавался въ своемъ заблужденіи и каялся; за что онъ и остался въ наслѣдіи вѣчнаго блаженства.

СТИХИ

Анакреонтическій.

Вечерняя певица,

Драгая Филомелла,

Ты жалостно вздыхаешь:

Что здѣлалось съ тобою?

Я думаю ты любишь.

Взды-

Вздыхай и я вздыхаю,
 И я равно влюбился,
 Из града удалился,
 Пришелъ въ сюю пустыню,
 Тоску мою оплакашь.

***

Въ высокихъ тамъ черногахъ,
 Всечасно веселятся,
 Играютъ и смѣются:
 Хотятъ чтобъ я смѣялся,
 А я ушолъ отъ толъ.

***

Съ тобой хочу спенати:
 Стени, стени со мною,
 И прогай сердце спрасшио;
 Ты ищешь твой подружки,
 Съ коярой разлучешина.

Меня съ моей любезной,
Судбина разлучила;
Но ты еще щастлива:
Имѣешь лѣжки крылья,
И можешь къ нѣй лѣтеть.

Я здѣсь бы не остался,
Чтобъ въ сей пустынѣ скучной,
Оплакивать любезну;
Когда бъ имѣлъ я крылья,
Лѣтелъ бы я къ любезной.

ПИСЬМО. *

Государь мой Филантропъ,

Я читая ваши листы безъ лести скажу, что вы мнѣ кажетесь не глупы. Смѣло бьюсь объ закладъ, что вы дворянинъ, и не имѣвъ доспашка, здѣлались сочинителемъ для своего пропитанія. По чому я увѣренъ, что вамъ пресимущество высокаго рожденія извѣстны. Скажите мнѣ свое мнѣніе о приключившемся шаковомъ случаѣ: я всегда предпочитаю благодарность неблагодарности, полагая послѣднюю порокомъ свойственнымъ сердцамъ изъ праха произшедшими. Одинъ изъ моихъ подчиненныхъ, дѣлалъ мнѣ великія и важныя услуги, [безъ труда въ томъ признаюсь] употребляя долгое время въ усердномъ о томъ спарапи, я же съ моей стороны, чувствуя его ревность, не упускалъ ничего, чѣмъ только могъ доказать ему мою благодарность. Со всѣмъ шѣмъ теперь слышу, что онъ не доволенъ. Все превращено въ нынѣшнемъ проклятомъ вѣкѣ; ужѣ и драгоцѣнности милостей знанныхъ господъ не знаютъ. будьте судья между нами; я васъ считаю вѣрнымъ цѣновщикомъ

Q 3

комъ

(*) Переводъ изъ Филоншропа.

комъ; прочти же ешотъ счепъ и разсмотрися,
не здѣлаешь ли щастья честному человѣку
вся сумма онаго:

1. Честь, которую имѣлъ р. усугубить осо-
бѣ моего чина по менышей мѣрѣ спѣ-
шилъ. - - - - 1000. руб.
2. За опусканіе спеколъ въ моей каретѣ вся-
кой разъ, когда съ нимъ встрѣчался, не
разбиралъ времени дождливаго и вѣтрен-
наго. - - - - 500. руб.
3. Бывъ допущенъ до моего спала, пользова-
лся наизнанѣйшимъ сообществомъ болѣ
ста разъ, считая по двенадцати рублей за
каждой обѣдѣ, и шого. - - 1200. руб.
4. Удостоенъ нѣсколько разъ сидѣть противъ
меня въ моей каретѣ, что не меныше спѣ-
шилъ какъ - - - - 150. руб.
5. За то, чѣмъ говорилъ съ нимъ публично, оши-
личая его въ кучѣ своимъ поклономъ. 2000.
6. Опѣнишымъ образомъ въ трехъ случаяхъ
уступалъ ему мѣсто, положимъ по деше-
вой цѣнѣ. - - - - 50. руб.
7. Два подарка въ пятьдесятъ рублей, умно-
жа знаностью руки, отъ которой они
происходили, здѣлаешь. - - 500 руб.
И шого. - - - - - 5400. руб.

Вы видите, что я все дѣниль самою ни-
скою дѣною, послѣ сего скажите мнѣ, не до-
вольно ли р. мною награжденъ? и можетъ ли
онъ не нарушая справедливости, на меня жа-
вашься?

Слуга вашъ.

Ето еще первое письмо, въ которомъ я
имѣлъ честь быть названъ Филантропомъ.
Получа его, тѣмъ больше былъ обрадованъ,
что рука, опъ которой она шла, мнѣ кажет-
ся знающею. Съ крайней благодарностью и
впредъ все издавашь буду, что ко мнѣ при-
шелся.

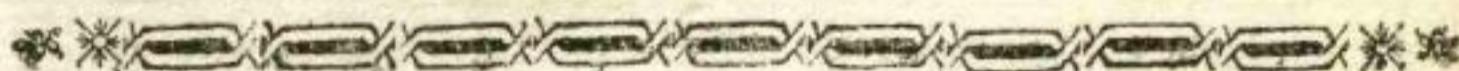
Соглашаюсь съ моимъ великодушнымъ кор-
респондентомъ, что вѣкъ нашъ проклятой;
сколько ни спарайся, не можно увѣришь ни
купцовъ ни мастеровыхъ, чтобы они приняли
въ уплату ту монету, которою онъ хочеть
чтобъ господинъ р. удовольствовался. Но къ
чему онъ можетъ употребить ее, когда она
не ходячая? Я сполько увѣренъ о превратно-
сти свѣща, что думаю, не сыщется ни одно-
го ростовщика, ни жида, которой бы ему даль
больше пятидесяти рублей за тѣ 4500 руб-
левъ, кои онъ въ своемъ счетѣ показываетъ.

Я признаю благородность духа моего корреспондента въ томъ, что послѣ услугъ имъ полученныхъ онъ еще могъ видѣть того, кому онъ ими долженъ. Мало сущестся людей, которыя бы могли доспигнуть до таковаго совершенства въ благодарности.

Приемля чѣнибудь отъ тѣхъ, кто нѣже насъ,
Сносимъ спокойно ихъ присудствїе всякъ часъ;
И съ благодарностью благодѣянія оны.

О ! чудо ешьли то одинъ случится разъ ;
Неблагодарныхъ же напропивъ миллионы.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

О источникѣ страстей. огордости.

Гордость не за иное въ насъ почестися можѣть, какъ за справедливое или ложное чувствованіе нашего превосходства: чувствованіе зависящее отъ преимущественнаго сравненія самихъ себя съ другими, слѣдовательно утверждающее не только бытѣе человѣковъ, но и основаніе общество. И такъ чувственность гордости въ насъ не врожденна, какъ чувственность забаекъ и огорченія; по чemu гордость

дость есть полученное приспрастие опредѣляющее свѣдѣнїе доброго и изящнаго. Изящное же или доброе, суть не иное какъ то, что большая часть тѣмъ всегда признающа и почишающа. Идея почитанія предшествуетъ идѣю почищательнаго; но и сии двѣ идеи должныствовали скоро соединиться; по чьему человѣкъ, коего благородное и прославное желаніе побуждающа быть угоднымъ себѣ, и которой довольствуясь собственнымъ почитаніемъ, чаещъ себя не зависящимъ отъ общаго мнѣнія, бываетъ обманутъ въ случаѣ, собственною гордостью, и приемлетъ въ себѣ желаніе быть почитаемымъ, за желаніе быть достойнымъ почитанія.

Гордость и дѣйствительнѣе не можещъ иное чѣмъ быть, какъ шайное и скрытое желаніе общаго почитанія; для чего одинъ же человѣкъ, которой въ Американскихъ лѣсахъ хвалитъ своею силою, скоростью и проворствомъ тѣла, не возгордится во Франціи сими шлесными дарованіями, какъ въ недостапкѣ другихъ важнѣйшихъ дарованій? Се для того, чѣмъ сила и проворство тѣла не почишаются, да и не должны почишаться такъ во Французѣ какъ въ дикомъ человѣкѣ.

Въ доказательство, чѣмъ гордость есть ни чѣмъ иное, какъ скрытое желаніе почитанія,

Положимъ человѣка, упражняющагося единствен-
но во мнѣнїи удостовѣришь себя о своемъ пре-
имуществѣ. Въ семъ положенїи превосход-
ство самоличнѣйшее и не зависящее отъ слу-
чая, покажется ему лестнице; долженствуя
избирать себѣ славу, происходящую отъ уче-
нія и отъ войны, конечно даспѣтъ онъ преиму-
щество первой. Отважитсѧ ли онъ противово-
рѣтии самому Цесарю? не согласно ли буде-
тъ съ симъ Героемъ думать, что слава
побѣды отъ разумнаго общества раздѣляет-
ся всегда между полководцемъ, воиномъ и слу-
чаемъ; напротивъ того вѣнцы Музъ безъ раз-
дѣленія принадлежатъ тѣмъ, коимъ они свой
духъ влагають. Не признается ли онъ, что слу-
чай часто могъ посадить невѣжество и ро-
бость въ колесницу побѣды, но никогда не
вѣничалъ главы гнуснаго сочинителя.

Испытывая одну свою гордость, то есть,
желаніе удостовѣриться въ своемъ преимуществѣ,
извѣстно, что первой родѣ славы имъ
прежде пожелается. Предпочишеніе великаго
полководца передъ осиротѣвшимъ Философомъ,
не премѣнитъ въ семъ случаѣ его мнѣнія.
Онъ возчувствуя, что еспѣли общество по-
чищаетъ болѣе вождя нежели Философа: то
по тому, что дарованія первого имѣютъ болѣе
взаимности со общимъ благополучiemъ, не-
жели

жели правила мудреца , кото́рыя не посредственno полезными покажутся малому числу и єхъ людей , кои желають пресвѣщенія .

Но какъ нѣтъ во Францїи ни одного человѣка , кото́рой не предпочелъ бы славу , произшедшую отъ побѣдъ славѣ ученія : то я изъ того и заключаю , что желаніемъ быть достойнымъ почитанія , единственно долженствуетъ желанію быть почитаемымъ и что гордость есть самое любленіе почитанія .

Чтобъ доказать по томъ , что пристрастіе гордости или почитанія , есть дѣйствіе Физической чувственности , должно напередъ разсмотрѣть , что для самаго ли почитанія , почитанія желають , сїя любовь почитанія не дѣйствіе ли страха огорченій и исканія забавы .

Къ чему иному по справедливости приписать можно рачительное попѣченіе , снискать себѣ общее почитаніе ? Произходитъ ли сїе отъ внутренней недовѣренности , кото́рой имѣетъ каждой о своихъ достоинствахъ , и следовательно отъ гордости , которая желая себя почитать , но не могути чти́ть себя одна , требуетъ согласія общества , чтобъ утвердишъ высокое мнѣніе , которое она о себѣ подаетъ , и чтобы наслаждаться приятнымъ чувствованиемъ своего превосходства ?

Но есть ли бы сей только причинѣ долженствовали мы желаніемъ почитанія, тогда бы многочисленнѣйшее почитаніе, то есть, то, которое возводавало бы намъ большее число людей, было безъ прекословія для настъ приятынѣйшее и вожделѣнїйшее, какъ удобнѣйшее поспушить въ настъ докучливую недовѣренность и удостовѣрить настъ въ нашемъ достоинствѣ. Въ семъ случаѣ положимъ, что всѣ планеты населены подобными намъ жителеми; положимъ что духъ сообщаєтъ намъ всечасно о всемъ, что тамъ происходит и чтобы человѣкъ долженствовалъ избирать межъ почитаніемъ своего народа и всѣхъ сихъ планетныхъ свѣтовъ. въ семъ положенїи не ясно ли видно, что многочисленнѣйшее почитаніе, то есть, всѣхъ планетныхъ жителей изобразить онъ долженъ? Однако иѣть ни одного человѣка, которой бы въ прѣковомъ случаѣ не преклонился на спорону своенароднаго почитанія; по чemu не желанію удостовѣриться въ своемъ достоинствѣ, должны желаніемъ почитанія, но преимуществамъ, которыя почитаніе съ собою приноситъ.

Что бы себя въ ономъ удостовѣришъ, пусть каждой себя спроситъ, отъ чего происходитъ спрѣмленіе, съ которыемъ самая тѣ, кои сказываются ревнительнѣйшими искателями общаго почитанія, проискивающъ себѣ первыхъ мѣстъ

въ самомъ томъ вѣкѣ, въ которомъ претерпѣ-
вая огорченія отъ ухищренія и ненавистей
противниковъ, не въ состояніи они ничего
полезнаго здѣлать для своего народа; въ ко-
торомъ слѣдовательно подвержены они посмѣян-
ію общеспива, которое справедливо въ своихъ
осужденіяхъ, презираютъ всѣхъ пѣхъ, кои
сполъ мало чтуяще его почитаніе, что прѣем-
люшъ на себя такія должности, коихъ не мо-
гутъ понести съ достоинствомъ. Пусть еще
себя спросяшъ, для чего лѣстнѣе почитаніе отъ
вельможъ, нежели отъ безсильнаго человѣка;
иогда увидашъ, что во всякомъ случаѣ любовь
наша къ почитанію уравнивающа. преимуще-
ствамъ, кои оно намъ обѣщає.

Если ли мы предпочитаемъ, почитаніе ве-
ликаго числа непросвѣщенныхъ малому числу
разумныхъ людей: это для того, что во мнѣ-
жествѣ мы видимъ болѣ людей подвержен-
ныхъ сего рода власти, которое почитаніе про-
изводишъ надъ людьми для того что большее
число почиташелей чаще напоминаєтъ намъ
о приятномъ образѣ забавѣ, кои оно причиниши
намъ можешъ.

Это па причина, для которой не взирая
на почитаніе народа, съ коимъ нѣтъ никакой
взаимности, мало найдется Французовъ, кои
бы чувствовали приятность отъ почитанія къ
ниѣмъ

нимъ всѣхъ жишелей великаго Тибета. Есть ли есть люди , желающія похитить всемирное почитаніе : сїе желаніе не дѣйствіе большей любви къ почитанію , но только привычки , которую имѣютъ они соединять идею большаго благополучія съ идею большаго почитанія . (*)

Послѣднее и сильнѣйшее доказательство ся справедливости есть , отвращеніе отъ почитанія (*) и недостатокъ въ великихъ людяхъ въ тѣхъ вѣкахъ , въ кои не воздаютъ первѣшихъ награжденій достоинствамъ . Кажется , что человѣкъ могущій достигнуть до великихъ качествъ или до строгой добродѣтели , дѣлаетъ взаимную рядную съ своимъ народомъ , которою обязывается онъ прославившися своими дарованіями и полезными своимъ согражданамъ дѣлами , только чтобъ сограждане его будучи bla-

(*) Человѣки обыкли чрезъ пра вила хорошаго воспитанія соединять идею благополучія съ идею почитанія . Но подъ словомъ почитанія точно не желають иного какъ преимущества , которыя оно приноситъ .

(*) Мало стараются достичь до почитанія въ такомъ народѣ гдѣ , почтание безплодно , но гдѣ почтаніе приноситъ великія преимущества , тамъ стремятся подобаясь Леониду съ премя спаси Спартия защищать Фермопильскіе проходы .

благодарны, старалися отвращая отъ него огорченія собрать вокругъ его забавы.

Отъ нерадѣнія или отъ спротиваго наблюденія общеспвомъ, сего осталнаго обязательства, во всѣ вѣки и во всѣхъ земляхъ; зависиши рѣдкость или множество великихъ людей.

Сѣ доказываемъ, что любимъ мы почтаніе не точно для самаго почтанія, но единственно для преимущества, кои оно собою приноситъ. Тщетно похопяшъ вооружиться противъ сего заключенія Курціевымъ примѣромъ. Единственное почти произшествіе, ни мало не опровергаешь правилъ основанныхъ на многочисленныхъ опытахъ; особенно когда самое то произшествіе, можешъ причестися къ другимъ правиламъ, и испытковаться естественно другими причинами.

Чтобы составить Курція довольно человѣка отягощенаго своею жизнью, находящагося въ той нещастной слабости шѣла, которая приводитъ великое число Агличанъ къ самоубієнию; или чтобъ въ весьма суевѣрномъ вѣкѣ, каковъ былъ Курціевъ, нашелся человѣкъ изувѣрнѣе всѣхъ прочихъ, вѣрюЩий получить преданіемъ себя мѣсто межъ богами: въ одномъ и въ другомъ положеніи, можно вдашься смерти, или прекратишь свои бѣдствія, или отворишь себѣ путь къ некончаемому блаженству.

Окон-

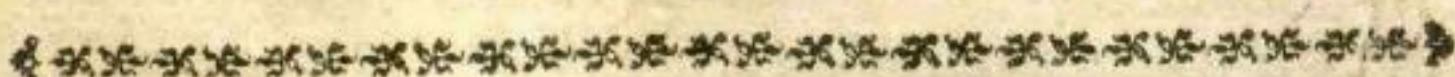
Окончаніе сея главы состоишъ въ томъ ,
что желающъ бышъ достойными почитанія , для
того чтобъ бышъ почитаемыми , и что не для
иного желающъ почитанія , какъ для забавъ ,
кои почитаніе съ собою приносишъ . По чему
любовь къ почитанію не иное чио , какъ скрытая
любовь къ забавамъ . И какъ два только рода
забавъ ; первого суть забавы чувствъ , другаго
способы къ полученію самыхъ сихъ забавъ ,
способы , кои включены въ число забавъ , ибо
надежда имѣти забаву , есть уже начало за-
бавы ; забава , которая однако не сущая , доколѣ
сїя надежда не совершился : чувствованіе
Физическое по сemu есть корень производствен-
ный гордости и всѣхъ другихъ страстей , въ
число коихъ полагаю я и дружбу , которая
кажется меныше подвластною забавамъ чувствъ ,
и должна бышь изслѣдована , чтобъ удоспо-
вѣришь послѣднимъ симъ примѣромъ во всемъ ,
что я говорилъ о источникѣ страстей .

ОГЛАВЛЕНИЕ.

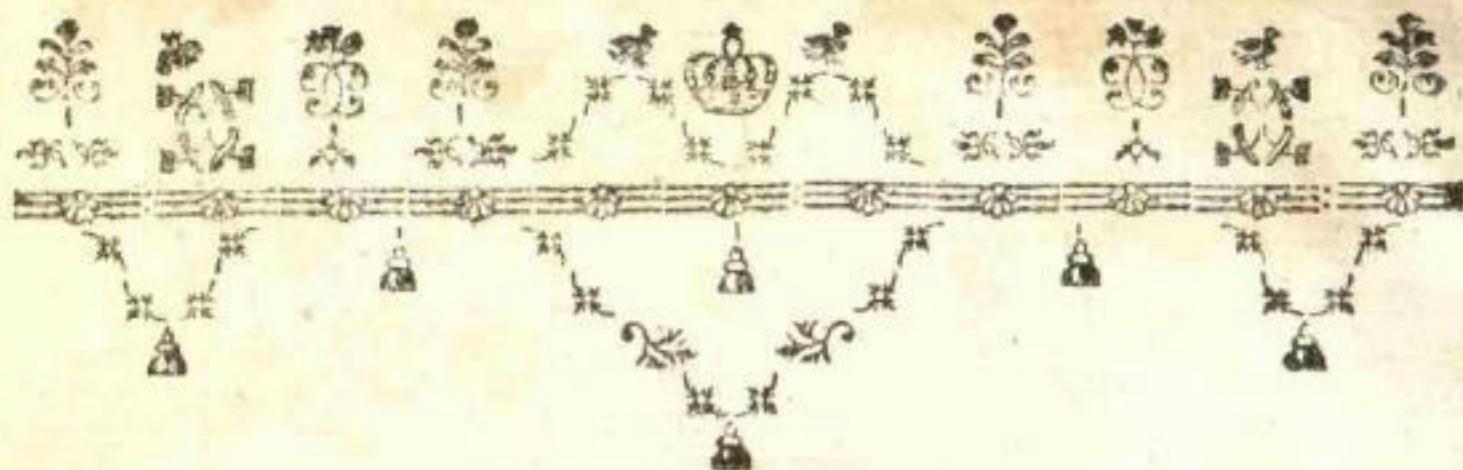
		страниц	
Письмо къ другу	195	Ениграмма	214
Стихи къ Клименту	203	Елисейскія поля	215
Мадригали	204	Стихи анакреонтическія	226
Басня	206	Письмо къ Филонтропу	229
Письмо къ Сатира	208	Продолж. о источн. страстей	233

НЕВИННОЕ УПРАЖНЕНИЕ.

Мѣсяцъ Іюнь.

Печашано при Императорскомъ Московскомъ Универ-
ситетѣ 1763. года.

FATA VIAM INVENTIEN.

СУДЬБА НАЙДЕТЬ СЕБЪ ПУТЬ.

ПЕРСИДСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ПЕРЕВОДЪ.

Имя Елимъ во всѣмъ востокѣ поднесъ
еще славно. Въ Персіи называютъ его
и теперь Елимъ великий прачъ. Онъ былъ
правителъ черныхъ палашъ и начальникъ надъ
врачами Альнаресхина, Царя Персидскаго.

Альнаресхинъ изо всѣхъ того государ-
ства Царей, былъ лютѣйшей тираннъ, съ при-
роды будучи кровожаждущъ и наполненъ по-
дозрѣніемъ, по несправедливой ревности пре-
далъ смерти тридцать пять женъ своихъ, и
болѣ двадцати сыновъ, обвиняя ихъ злоумы-
шленъ,

шленнымъ на его жизнь покушеніемъ; на конецъ скуча паковою надѣть своими кровными яростною жестокостью, и опасаясь, чтобъ все поколѣнїе Калифѣ не перевелося, призвалъ передѣть себѣ Елима и говорилъ ему слѣдующее: *Елимѣ!* я давно уже удивляюсь твоей глубокой премудрости и твоему уединенному житїю, я намѣренъ тебѣ телерь доказать, сколь далеко простирается моя къ тебѣ допѣренность. Да сына у меня остались, они еще пѣ дѣтствѣ, Мое желаніе состоитъ пѣ томъ, чтобы ты изъ пѣялъ къ себѣ, послышалъ ихъ, такъ какъ бы ты имъ былъ отецъ, и покорялъ бы пѣ ихъ ту склонность къ ученію, которая отпращаетъ души отъ тщеславныхъ предпріятій; симъ образомъ сохранится родъ Калифѣ и дѣти мои наслѣдятъ по мнѣ мой престолъ, не покушаясь достигнуть до онаго при моей жизни. Да будетъ во всемъ воля Царя моего Государя, опѣвъчалъ Елимѣ, и уклонясь у ногъ Царскихъ чelомъ въ землю, возвратился домой. По семъ привели къ нему обѣихъ царевичей, и онъ съ шѣхъ порѣ не упустилъ ничего нужнаго къ наученію ихъ наукамъ и добродѣтели. Они любили и почитали

Ели-

Елима какъ отца, и подъ его надзиранiemъ споль скоро успѣли, что на двадцать первомъ году своего возраста, были уже совершенно научены всѣмъ воспочнымъ наукамъ. Старшай изъ нихъ назывался *Ибраимъ* молодшай *Абдаллахъ*. Они въ такомъ жили согласи, что и поднесъ изъясня дружбу двухъ искреннихъ друзей, говорять: они такъ согласны какъ *Ибраимъ* съ *Абдаллахомъ*.

Елимъ имѣлъ одну дочь, у которой въ прекрасномъ тѣлѣ прекрасная сбила душа. Отецъ ея всевозможное прилагалъ стараніе, здѣшашъ ея рачительнымъ воспитанiemъ наисовершеннѣйшею женщиною своего вѣкка. Молодые царевичи будучи удалены отъ свѣтскаго обращенія; находили великое упышеніе въ сообществѣ сей прекрасной девицы, кото-рая шла съ ними однимъ путемъ къ позна-нію наукъ, коимъ научалъ ихъ *Елимъ*. *Аб-даллахъ* съ природы мягкосердечнѣе *И-браима* влюбился нечувствительнымъ образомъ въ *Бальзору* такъ сильно, что не могъ ни на малое время разлучиться съ нею безъ огорченія. Слава о красотѣ ея была споль велика, что достигла она до царского слуха, которой пожелая ея знать, удовольствовалъ свое любопытство подъ видомъ посѣ-

щенія своихъ дѣтей. Увидѣвъ безъ сравненія прекрасную *Елимону* дочь, такъ спрашено влюбился въ ея красопу и разумъ, что на другой день призвавъ *Елима* говорилъ ему, что онъ намѣренъ наградить его за всѣ услуги возвведеніемъ дочери его на свой престолъ.

Елимъ вѣдая, каковъ былъ рокъ тѣхъ несчастныхъ женъ, кои сего возвышенія достигали, и не зная взаимной склонности соединяющей сардца *Абдаллата* и его дочери, употребилъ все свое велерѣчіе, чтобы понудить Калифа опровергнуть свое намѣреніе : да отпратитъ, говорилъ онъ, великий пророкъ, такое желаніе отъ мыслей царскихъ, и да не сопокутится оспащенная его особа съ толь гнуснымъ родомъ - - -. Всѣ еши рѣчи напрасны, перегрѣвалъ Царь, показывая неперѣливое желаніе владѣть таковою прекрасною супругою. Ты долженъ почтать мою волю, а я хочу, чтобъ *Бальзора* теперь приведена была предъ мой престолъ, ты жъ оспанься здѣсь и научи ея принять должнымъ образомъ ту честь, которую я ей приготовляю.

Скоро послѣ сего *Бальзора* не постигая царскаго намѣренія, предстала грозному *Альнарес-*

наре~~с~~хину. Она болѣ имѣла скромности, не-
жели бы могла думать, что красота ея про-
извела столь скорое и сильное надѣ Царемъ
дѣйствіе.

Она казалася Калифінъмъ глазамъ гораз-
до пріятнѣе раїскіхъ Гургѣ и совершенно
красота и молодость вѣтвящаго вѣка въ лицѣ
ея блистали. Но едва услышала царскую волю,
почувствовала обморокъ, и пала у ногъ его,
какъ мерзкая. Елиъ не въ силахъ будучи
удержать слезы, употребилъ все свое искус-
ство къ приведенію ея въ чувство; въ чемъ
онъ по щастію имѣлъ успѣхъ. Онъ представилъ
своему Государю, что духъ Бальзоринъ не
можетъ понести подикой вдругъ чесчи, и что
ему необходимо должно взять ея къ себѣ и
приготовлять по степенямъ къ толъ неожи-
дающему возвышенію. Царь на сѣе согласил-
ся, и нещастную Бальзору отнесли въ ея
домъ, гдѣ по свиданіи съ возлюбленнымъ
Абдаллахомъ, печаль ея такъ усилилась,
что заболѣла она горячкою. Царь увѣрялся
о плачевномъ ея состояніи по рѣчамъ своихъ
придворныхъ, кои очевидными свидѣтельями
опасности ея были, почувствовалъ столько
сожалѣнія, сколь таковая душа, какую имѣлъ
онъ, почувствовать можетъ. Чѣмъ до Елима,

онъ былъ въ несказанномъ смущеніи. На конецъ жалостъ, которую могла вложить въ него столь достойная любви его дочь, подала ему способъ къ ея отъ угрожаемаго нащастія избавленію, успокоя сильными лѣкарствами и мудрыми разговорами духъ ея, открылъ ей свое намѣреніе, и даль нѣкакое письмо должноствующее усыпить ея на нѣсколько часовъ, и подать спаужи видѣть умершей. По томъ со всѣми знаками опца огорченаго потеряніемъ единственной дочери, пошелъ къ Калифу донести о смерти нареченной царицы. Его вымыслъ ожидаемой получилъ успѣхъ. Сей Государь, не зная чувствительности естественной человѣческому, скоро забылъ сю прату. Однако наблюдалъ свою честь, приказалъ сказать начальнику врачей, что все Государство вѣдало о намѣреніи его съ Балъзорою бракъ; по чьему желаетъ онъ, чтобъ она почтена была *Султанщею*, и трупъ ея внесенъ бы былъ въ *черной домѣ* и положенъ съ прежде умершими царицами.

Абдаллахъ свѣдавъ по народнымъ рѣчамъ о намѣреніи своего опца, не меныше отягчаемъ былъ печалю, какъ любезная его Балъзора. Въ *Елимопой* исторіи видно описание вся горести сего молодаго царевича, какъ онъ

онъ заболѣлъ, и какъ Елимѣ увѣрилъ Царя, что и его ни чѣмъ излѣчить уже не можно; а я только скажу, что нѣсколько дней послѣ мнимой *Бальзориной* смерти, Елимѣ подобное письмо далъ и *Абдаллаху*, которое понудило его вдастся крѣпкому и долговременному сну.

Въ Персіи обычай отноститъ умершихъ царскаго рода особъ въ *черной* *домѣ* безъ всякихъ обрядовъ. Сїе зданіе служитъ общему могилою шѣмъ, кои происходяшъ отъ Калифъ, и кои имъ въ свойствѣ по бракамъ. Начальникъ врачей бываетъ всегда правищелемъ *чернаго дома*. Его должность состояла не только пещися о здоровье осиященаго рода Калифъ, но еще сохранять шѣлакъ ихъ и по смерти. Сїе зданіе названо *чернымъ домомъ* по тому, что оно изъ лучшаго чернаго мрамора построено. Пять штукъ лампадъ всегда его освящающъ, считающъ въ немъ сто Гебеновыхъ дверей; у каждыхъ стоящъ на стражѣ сто черныхъ невольниковъ, возбраняющіе входъ всѣмъ, кроме начальника врачей.

Елимѣ по отнесеніи лочери своей въ сїе великолѣпное и печальное зданіе, и освободя ея ото сна, отнесъ чрезъ нѣсколько дней

иуда же влюбившагося *Абдаллаха*, которой не вѣда, принялъ изъ рукъ *Елимопой* ко сну побуждающее пиние. Не можно живо представить ево удивленіе и радость, которую почувствовалъ онъ пробудясь. Онъ мнилъ, что онъ вѣжлиющъ *прапоръкрыхъ*, что духъ любезной его *Бальзоры* спѣшилъ къ нему на встрѣчу съ поздравленіемъ о прибытии его въ *рай*. Она скоро вывела его изъ сего мѣнія, объяснивъ ему о мѣстѣ, въ которомъ они находились. Испребившееся вѣдь ложное мнѣніе, не уменьшило ево веселія. Сѣе обиталище ужаса и смерти, казалось ему вѣ сообществѣ *Бальзориномъ* пріятнѣе *пѣхъ неусыхающихъ* садовъ, уготованныхъ *Магометомъ* пѣхомъ *прапорърымъ*.

Начальный врачъ, о коемъ думали, что бѣ смируетъ сїи шѣла, входилъ часто вѣ *чёрной домъ*, чтобъ видѣть двухъ совершенѣйшихъ взаимной любви особъ. Онъ не зналъ, какимъ образомъ ихъ вывести изъ чёрнаго дома, вѣ коемъ двери, какъ я прежде уже объявилъ, такъ крѣпко охранялися. Сѣе затрудненіе превожило нѣсколько и погребенныхъ любищелей. На конецъ вымышенный *Елимъ* вѣдумалъ, что *полномѣсячіе* мѣсяца, называемаго *Тилса*, было близако. Есть древнее

можъ

межъ Персами преданіе , что царскаго поколѣнїя умершіе вѣ спрахѣ закона и вѣ добродѣтели , вѣ первое по кончинѣ *полномѣсячнѣе* выходи- дашъ *посточными дверьми* , и преселяються вѣ жилище праведныхъ . По чему сїя дверь на- зывается *дверь рая* . Елиимъ предпрѣль употребилъ народное суевѣре вѣ свою пользу ; и какъ скоро наступала желанная ночь , онъ не медля нарядилъ обѣихъ любишелей вѣ шонкія одежды лазуреваго цвета , и попусшиль на подобіе паруса влекущееся по землѣ полотно . На *Абдаллаха* вздѣль масличной , а на *Балъзору* изъ дѣтковъ сплещенной , вѣнцы , окропилъ одежды ихъ благовонными водами , и только что мѣсяцъ показался вѣ полномъ свѣтѣ , от- ворилъ онъ шайно *дверь рая* , а по выходѣ любишелей оную паки запворилъ .

Черные невольники стрегущіе сїю дверь , увида таковое явленіе , вѣдумали , что ешо душа двухъ не давно преставившихся . При при- близеніи ихъ уклонилися до земли , и такъ пропустили , не отваживаясь возвесить на нихъ свой не просвѣщенной взоръ . Елиимъ не вѣ дальномъ разстояніи отъ *чернаго дома* , гдѣ и самъ долженъ былъ съ ними соединиться , изготовилъ двухъ коней . Тутъ радуяся о успѣхѣ невиннаго своего обмана , опрѣзъ ихъ

въ свой домъ, которой имѣлъ онъ на горѣ Кахканѣ. Въ семъ мѣстѣ воздухъ былъ такъ здоровъ, что нѣкогда Елимѣ возилъ туда самаго Калифа для излеченія его отъ долговременной и опасной болѣзни. Сей Государь возвращаясь въ столицу въ совершенномъ здравствѣ, пожаловалъ Елиму сюю гору съ домомъ и съ прекрасными на ней садами. Въ семъ пріятномъ уединеніи Абдаллахъ съ бальзорою жили, не зная скуки и печали, отъ коихъ взаимная любовь и собранное въ наукахъ сокровище, ихъ охраняли. Абдаллахъ согласуясь съ состояніемъ своего житія, ставилъ себѣ въ упражненіе упражняться въ землемѣрии и въ заведеніи садовъ, въ чѣмъ онъ такъ много успѣлъ, что въ короткое время вся гора превратилася въ одинъ садъ. Елимѣ не упускаль ничего съ своей стороны къ умноженію забавъ возлюбленныхъ своихъ дѣней въ семъ увеселительномъ уединеніи.

Черезъ десять лѣтъ по мнимой кончинѣ сихъ любителей, смертоносный Ангелъ преселилъ Алынарсхина въ другую жизнь. На его престолъ вошелъ Ибраимѣ, которой по спасеніи Абдаллаха въ черной домѣ, взятымъ во дворецъ, какъ законный наследникъ. Хотя онъ долго казался неупрѣшнымъ о кончинѣ

чинъ своего брата; однако *Елимъ* не отважился ему вѣрить пайны, коей открытие могло бы произвести опасный следствія, если бы дошла она до царскаго слуха. Но какъ скоро *Ибраимъ* взошелъ на престолъ, то *Елимъ* искалъ уже случая ему открыться, вѣдая, что сїя вѣспѣ пріятна будеъ таکовыхъ доскоинствъ государю. Онъ долго ожидалъ сего способнаго часа, которой насталъ вѣло время, когда онъ его и не чаялъ. Молодой Калифъ, гуляя за охотою, и гонясь за звѣремъ, отдалился отъ своихъ придворныхъ, и будучи утомленъ, остановился у горы *Каражана*, на которой увидѣвъ домъ и къ нему дорогу, поѣхалъ онъ не сомнѣваясь ни о чёмъ. Приблизясь къ зданію просилъ, чтобъ утолили его жажду. *Елимъ* слушася топъ день дома, поставилъ передъ своего питомца лучшіе плоды и соки, и видя, что Царь симъ весьма былъ доволенъ, донесъ ему, что онъ имѣетъ нѣчто лучше ему представить. По томъ рассказалъ ему все то, что давно уже объяснилъ ему былъ намѣренъ. Сїе откровеніе произвело въ Ибраимѣ не сказанное удивленіе и радость. Въ сей пріятной тревогѣ его духа, входитъ къ нему *Абдаллахъ съ Бальзорою*. Онъ встаетъ скоро съ софы и вскричавъ *ето онъ, ето мой любезной Абдаллахъ?*

Бро-

бросился въ его объятия, смочилъ лице его слезами. Предстоящіе взирали на нихъ съ молчаніемъ, проливая слѣзы, которыя упсенные чрезвычайною радостию сердца изъ гласъ ишли принуждающъ. Царь выговаривалъ дружелюбно Елиму его суровость, съ которой укрывалъ онъ отъ него шоль долгое время шаковъ хъ достоинствъ брата, обнялъ Бальзору говоря ей, что въ совершеніе спредѣленія судьбы, будетъ она Царицею, потому что онъ даетъ въ удѣлъ Абдаллаху всѣ народы подвластные ему, живущіе за рѣкою Тигромъ. Но сколь велико было его удивленіе, что вмѣсто ожидаемой восхитительной радости, которую имъ почувствовавъ надлежало, предполагали они свое уединеніе великому царству. Они простили Царя о описаніи сего намѣренія. Онъ согласуяся съ ними, подарилъ имъ все то, что съ верхка горы Каражана видѣть было можно. Абдаллахъ получа оное, умножилъ свой трудъ и украсилъ сїи поля гропами, фонтанами, алеями и бесѣдками, одни словомъ, онъ здѣлалъ сїе мѣсто пріятнѣйшимъ изо всей Персии, его и поднесъ называють Персидскимъ садомъ.

Калифъ Ибраимъ по долголѣтнемъ щастливомъ царствованіи умеръ, бездѣтенъ. По

иѣмъ

немъ наследствовалъ *Абдаллахъ*, сынъ *Абдаллаха* и *Бальзоры*, которой перенесъ сполицу на гору *Кажканъ*, гдѣ мы еще и нынѣ видимъ домъ, которой прѣшнѣйшимъ бывашъ обиталищемъ нашихъ государей.

ОДА

На суетное употребленіе жизни.

На шоль жизнь смертной получаешьъ,
Чтобъ шолько крашкосъ опой знать?
Лишь живъ начнемъ, ужъ жизнь кончаешьъ;
За чѣмъ родился? умирашъ.
На шаковомъ пухи пространномъ,
Живъ льстяся въ щастьѣ не преспаниомъ,
Онъ ждешъ: но зришъ конецъ пришелъ.
Часовъ не успѣва я числитъ
Едва, какъ живъ, начнемъ онъ мыслишъ,
Ужъ долженъ мнишъ, какъ жизнь провелъ.

Не благодарны человѣки
 Вонще судьбу винише вы,
 Чѣо тако крашки ваши вѣки,
 Чѣо вы родились таковы.
 Вы жизнью бывъ толико скудны,
 Въ своихъ желаньяхъ безразсудны,
 Спраяясь ону сократишь;
 И рас почая всюду время,
 Сугубише свое вы бремя,
 Участъ спонашь и слѣзы липь.

О! пы, чѣо вѣкъ ведешь разврено,
 Порабощенъ швоимъ спасиамъ,
 Имъ жизнью жертвуюешь спократно:
 Сѣль дано блаженствомъ намъ?
 Нѣшъ, все сѣе чрезъ смерть минется;
 Напрасно человѣкъ мяшется,
 Чѣо долѣ живъ не можетъ онъ:
 Довольно терпимъ въ жизни крашкой.
 Веселій долгой токъ и сладкой,
 Не моженъ нашъ ослабишь спонъ.

Жизнь, первой самой идолъ въ свѣтѣ,
Приемлѣшъ жервы отъ людей ;
И жертвуеется еѣ полномъ цвѣтѣ ,
Сама средь тѣхъ же олтарей .
Тамъ жизнь приносящъ въ жертву славѣ ,
Спремяясь ко сладостной отправѣ
Во браняхъ презирающъ спрахѣ ;
Какъ будто бы сїя побѣда ,
Сей лестной ядъ подъ видомъ меда ,
Возобновишъ по смерти прахъ .

Во время скоропечна века ,
Число прибавитъ мудрость дней :
Но заблужденье человѣка
Лишается подпоры сей .
,, Не пижко ль правило такое ,
,, Жить съ мудростью и жить въ покой ?
,, Иль въ свѣтѣ мы погребены ?
,, О жизни наше попеченье ,
,, Не премѣнишъ ея течение ,
,, Мы для веселья рождены .

Такъ мыслишъ жаждущий богатствомъ,
 Пучинъ предаись морской ,
 Не удержимъ спихїй препястствомъ ,
 Имъ жизнь вручаетъ и покой.
 Невольникъ пользы неизѣстной ,
 Не споишь жизни ты небесной ,
 Предпочитая суеты ;
 Далеко отъ тебя блаженство ,
 И времянное благоденство
 Не нужно , какъ погибиешь ты .

Желанье подлыхъ корысти
 Не развращай моей души ,
 Ты мудрость , мысль мою очисти ,
 И мнѣ уставы предпиши.
 Но се дщерь лѣносхи , се скуча ,
 Сердцеъ спокойныхъ вредъ и мука
 Спремиша духъ мой колебать .
 Мы видимъ бѣдъ своихъ источникъ ,
 Но разумъ слабой намъ помочникъ ,
 Коль спаснушъ спрасти сердце рвать .

Велять

Велять узаконены вѣчны
 И естество щадить другихъ ;
 Однако мы безчеловѣчны ,
 Довольно для себя самихъ .
 Собою смертной иенавидимъ ,
 И самъ собою ты обидимъ ,
 Врагъ собственного бытія ;
 А общихъ бѣдъ соединенье
 Усугубляетъ всѣхъ мученье ,
 И неразрывна ѿѣнь сїя .

Ч то время ни умчинъ съ собою ,
 Не оспавляешь по себѣ ,
 Надеждой льстимся лишь одною ,
 Въ послѣдокъ въ лупчай быть судѣй .
 И ешьли въ щаспѣй мы бываемъ ,
 Вкусить его не успѣаемъ ,
 А вѣчнаго мы должны ждать ;
 Но между тѣмъ мы терпимъ мукъ ,
 И къ небу воздѣваемъ руки ,
 Которо медлишь помощь дашь .

Размопримъ жителей вселенной ;
 Размопримъ ихъ мы вѣдѣла :
 Тамъ слышенъ голосъ упомленной ,
 Тамъ съ лестью царствуетъ хула.
 Но для себя ли мы родимся ,
 И для себя ли мы трудимся ?
 Нѣшь , къ пользѣ мы живемъ чужой ;
 Чпо вѣ свѣтѣ человѣкъ имѣшь ,
 Имѣнемъ онымъ за владѣшь ;
 Иль вѣ жизни иль по немъ другой .

Любовь , что мы къ себѣ имѣшь ,
 Желаніи раждаешь вѣ нась ,
 И ешьли вѣ горестяхъ slabѣемъ :
 Мы радуемся вѣ тошь же часъ .
 Собою смертий не владѣя ,
 Ты самъ вѣ себѣ найдешь злодѣя ,
 Воспавшаго прошивъ шебя .
 Колико смертныхъ заблужденье !
 Мы сами у себя вѣ презрѣнъ :
 Не ненавидимъ ли себя ?

О! ты, что прожилъ вѣкъ въ покоѣ,
 И въ щаспль къ спароспи десшигъ,
 Ты щаспль мнишь имѣлъ: какое?
 Дай мнѣ отчопъ во дняхъ твоихъ?
 Что славнаго съ тобой случалось,
 Во время кое миновалось,
 Ты кое бѣ возвратишь хомѣлъ?
 Ты въ свѣтѣ живѣ не знаешь свѣтъ
 И долгія имѣя лѣта,
 Ты мало времени имѣлъ.

То время къ жизни благоденій
 Причислено всегда опѣ насъ,
 Какъ разумъ злу порабощеній
 Въ порокахъ утопалъ и гасъ.
 Корабль среди морской пучины
 Всечасно ждуши своей кончины,
 Ешь то, что въ свѣтѣ человѣкъ;
 Онъ вѣнрамъ такъ какъ мы вручимся,
 И тихо онъ и скоро мчишся
 Ко брегу близокъ и далекъ.

Мы жизнь сокровищемъ считаемъ,
 Не истощимымъ никогда :
 Но всеминушино примѣчаюмъ ,
 Что смерть къ намъ близится всегда .
 Се гроба двери ужъ отверсты ,
 И косу смерть приемлетъ въ персы ,
 Число швоихъ окончить дней ;
 Ее вообразишь ужасно ,
 Ты мыслишь человѣкъ напрасно ,
 Что ты найдешь пощаду въ ней .

Старайся смертной приобыкнуть ,
 Готовымъ быти всякъ часъ къ концу ,
 Старайся въ добродѣтель вникнуть ,
 Ты долженъ тѣмъ за жизнь изворцу .
 Меня мое таѧ сердце учитъ ,
 Что испинна вѣнецъ получишъ ,
 Которой не уянешъ вѣкъ .
 Когда не можешь научиться ,
 Безъ страха съ жизнью разлучиться ,
 Учись , какъ жиць о , человѣкъ !

ПЕРЕ-

ПЕРЕВОДЪ.
АЛЛЕГОРИЯ.

Мужеской и женской полъ, споря между собою о преимуществѣ въ доспоянствахъ, на конѣ дошли до открытої войны, которая паче производилась съ великимъ жаромъ, находящимися съ обоихъ сторонъ помощными войсками. Обѣ арміи сошлись въ пространномъ полѣ, гдѣ они расположились въ порядокъ сраженія, оставя между собою великое пространство, гдѣ ихъ храбрость могла оказаться безъ малѣйшаго замѣшательства.

При каждомъ концѣ сего пространства находились многое корпусы посреднихъ поискъ, которые для обѣявленія своего намѣренія и принятія справедливѣйшой стороны, ожидали произшествія сраженія. Мужескими войсками управляла храбрость, а женскими красота.

Храбрость начала сраженіе, и устремилась на красоту со всевозможною неустрашимостью; но къ своему нещастію она нашла въ глазахъ своего непрѣятеля столь острую и не преодолимую прелестъ, что вся ея бодрость изчезла. Тысячи нѣжныхъ усмѣшекъ, тысячи прелестныхъ взоровъ уязвляли ея паче стрѣлъ; она трепещетъ, колеблется, смущается и выпускаетъ изъ рукъ свое оружіе.

Сей герой былъ бы со всѣмъ побѣженъ, и остался бы въ руки побѣдителю безъ помоши полководца, называемаго мудрость, которая у-

правляла правымъ крыломъ мужеской армii, и конечно бы рѣшила судьбину сражающихся, естьли бы не выслали противъ ея полководца, именуемаго *Житрость*, управляющаго лѣвымъ крыломъ женскихъ воискъ. Она была главнымъ инженеромъ сей прелестной армii, въ которой не было никакого, ктобъ въ состоянїи былъ уничтожить усиленїи *мудрости*. Сie было нѣчто увеселишельное, видѣть сраженїе сихъ двухъ героеvъ, и размашивать поступки одного и хитрости другова. Никакое сраженїе не было столь упорно и никакая побѣда не бывала столь оспориваема. Не можно почти было зрителямъ предугадать заключенїя; хотя большая часть была сего мнѣнїя, что выигрышъ будетъ съ стороны Героевъ прекраснаго пола.

Въ самое то время сраженїе наихесточае воспламенилось на лѣвомъ крылѣ, гдѣ побѣда болѣе преклонялась къ мушинамъ, которые на семъ крылѣ были управляемы старымъ и искусившимся полководцомъ, именуемымъ *терлѣнѣ*; противъ котораго женщины выслали съ своей стороны полководца извѣснаго въ себѣ подъ именемъ *презрѣнїя*, которой бился по примѣру Парѳянѣ, шо есть, всегда отступая назадъ, чрезъ чюо онъ обратилъ весь выигрышъ на свою сторону. Но напослѣдокъ будучи утомленъ непрестанными нападеніями и упрямою не отступностю своего непрѣятеля, которой спократно собиралъ разсѣянныя свои силы, мыслилъ уже здаться, какъ вдругъ одинъ изъ посреднихъ корпусовъ тронулся. Управляющей имъ, вселялъ во всѣхъ ужасъ звѣрообразнымъ своимъ

видомъ и спрашными взорами. Онъ назывался *сластолюбие*, и поступалъ какъ неистовой Роландъ, дѣлая равное опускшеніе въ обѣихъ арміяхъ, не различая своихъ и непрѣятелей. Женщины выслали противъ его корпусъ отборныхъ войскъ, коимъ начальствовалъ молодой военачальникъ. Видъ его подобенъ былъ ангельскому; а назывался онъ *цѣломудре*. Сей прелестной Герой былъ подкрѣпляемъ другимъ воиномъ, кого взоръ былъ величественнѣе и гордѣе. Смертные называютъ его *честью*, а боги *гордостью*. Онъ защищался съ возможною храбростью, и отбивалъ не однократно чудовище. Но на конецъ принужденъ былъ отдастъ въ волю непрѣятеля.

Сѣе чудовище побиѣ въ женской армїи цѣльные баталіоны, устремилось съ таковымъ же свирѣпствомъ на войска мужей, гдѣ онъ произвелъ кровопролитіе еще ужаснѣйшее. На конецъ былъ остановленъ *разумомъ*, которой собравъ противъ его всѣ свои силы, дѣлалъ побѣду на нѣсколько времени сумнительную. Однако напослѣдокъ былъ принужденъ уступить мѣсто сраженія споль страшному непрѣятелю.

Обѣ армїи видѣ столь ужасное опустошеніе, согласились соединить противъ его всѣ свои силы, и чтобъ заѣлать то съ успѣхомъ, составили они изъ всѣхъ своихъ воиновъ малое, но не побѣдимое войско, надъ коимъ правленіе препоручили герою, именуемому *добрѣтель*. Сей воинъ, котораго можно почтать за источника храбости, наступаетъ на чуднообразнаго героя, его окружаетъ, сбиваетъ съ мѣста сраженія

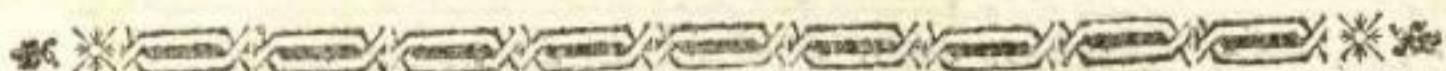
женія, выбижаешь изъ рукъ его оружіе и обращаешь въ поносное бѣгство.

Въ то время какъ наипаче радовались о семъ щасливомъ произшествіи, увидѣли, что другой полководецъ, называемой любопъ тель промежъ обоихъ армій. Онъ управлялъ десятью тысячами крылатыхъ юношей, которые ниспускали на обѣ спброны спрѣлы и копья такъ дождь; однако раны сихъ оружій не были подобны шѣмъ, кои происходили отъ рукъ непрѣятельскихъ; они были любезны шѣмъ, кои чувствовали ихъ уязвленіе. Дѣйствіе оныхъ было столь чрезвычайно, что произвело въ обоихъ полахъ склонность къ примиренію, дружесву и благоволенію. Въ скоромъ времени обѣ арміи будучи взаимно побуждаемы искреннюю горячностью, проливали слѣзы и простирая руки стремились позабыть свою вражду въ объятіяхъ другъ друга.

Послѣдняя часть посреднихъ войскъ была управляема бракомъ, которой слѣдуя за любопъ, утверждалъ щастливой ея трудъ, привлекая оба пола къ соединенію рукъ въ знакъ твердаго мира и неразрушимаго союза. Любопъ спущеншествовала ему повсюду, и представляла различныя сочетанія при его охотномъ благоволеніи.

Но какъ весьма привыкли мало важные люди принимать на себя видъ знатныхъ героеvъ, то приключилось и въ семъ случаѣ, что честолюбие и склонность наложили на себя одежды подоб-

подобныя любци, и въ семъ украшении вкрались
весьма искусно между сихъ двухъ полководцовъ,
для представления браку такихъ особъ, коихъ
бы онъ никогда не соединилъ, еслибъ не былъ
уволенъ хитростями сихъ двухъ обманщиковъ.

ПЕРЕВОДЪ

Ева изшедшал изъ рукъ Создателевыхъ.

ИДИЛЛІЯ.

Высокія холмы, о! вы прекрасны горы,
Гдѣ странствуютъ мои во удивленъ взоры,
Прозрачныя струи, журчащи ключи,
О! солнце, коего блестающи лучи
Отъ высочайшихъ мѣстъ присудствующи съ земными,
Свидѣтельствуя все, что дѣлается съ ними,
Скажише, кпо я здѣсь? и какъ щедра властъ
Даетъ во область мнѣ сю проспранну часть?
Чей промыслъ учредилъ мнѣ въ оной быть судьбинъ?
Кто первой отъ меня достоинъ жертвы нынѣ?
Чья моцъ изпоргнула меня изъ небытъ?
И отъ кого сю приемлю милость я?
Различны красоты я вижу предъ собою:
Но нѣтъ подобія въ твореніяхъ со мною,
И равнаго моей не вижу красотъ.
Се зрю парящихъ птицъ въ воздушной высотѣ,
Не успѣающи вѣтрѣ тещи за ихъ слѣдами,
И надо мной они взвиваются спадами;
О! пвари быстрыя, внимлише днесъ мой гласъ,
Осипавшие вы свой пушъ на малый часъ.

Не

Не имя ль славите вы въ пѣніхъ согласныхъ,
 Всесильного творца Твореній сихъ прекрасныхъ?
 Не имя ли того, кто создалъ и меня?
 Вы всѣ послушны мнѣ его успавъ храня,
 Безъ страха будше днесъ моей покорны волѣ,
 И власти моей не ужасайтесь болѣ.
 Я васъ хочу внимать приближитесь ко мнѣ - - -
 Но что онѣ поють? поють меня онѣ,
 Поютъ мои красы и власть мою надъ ними;
 Я имѣю хочу вѣщать, и не понятна ими:
 Знать созданы они кѣ веселью моему,
 Но научить меня не могутъ ничему;
 Знать только я одна понятіе имѣю - - -
 Не заблуждаю ли я мыслю мою?
 И не мечта ль, что я объемлю, говорю?
 Имѣю службъ и вкусъ и обоняя зрю?
 Нѣтъ, правда; что живу, я чувствую и знаю,
 Не вѣнчанъ и не вѣ мечтѣ я тако размышляю,
 Но кто? за что явилъ щедроты мнѣ сии?
 Могла ль я нравиться кому вѣ небыши?
 Какое существо меня толико любитъ,
 И милости свои толико мнѣ сугубитъ?
 Что я ни вижу здѣсь, я знаю обо всемъ.
 Одинъ Творецъ скрытъ вѣ понятіи моемъ;
 Его вездѣ ищу, нигдѣ не обрѣщаю,
 Не зрю, не вѣдаю и сердцемъ почитаю - - -
 Но знаю ль я себя? кто? гдѣ я? и откуду?
 Чего должна я ждать, и что вѣ послѣдовъ буду?
 Одна ль разумною я тварью создана?
 Иль я пространствомъ симъ владѣю не одна? - - -
 Не облыгаешь ли меня мой взоръ смущенный?
 Есть образъ моему подобно сшворенный;
 Я вижу вѣ сихъ мѣстахъ признакъ сво слѣдовъ:
 О! есть ли бѣ чувствовалъ онѣ такѣ, какѣ я любовь!
 Ево, конечно здѣсь, траву примяли ноги!
 Онѣ былѣ здѣсь! кажупѣ мнѣ сїе признаки многи.

Въ семъ мѣстѣ онъ лежалъ, являють мнѣ они,
 И на пескѣ ево я вижу здѣсь ступни.
 Иль кроютъ отъ меня ево полѣ обильны;
 Иль прелести мои ево привлечь безсильны;
 Иль можетъ быть, что онъ не знаетъ обо мнѣ,
 Во отдаленнѣйшей гуляючи странѣ;
 Но можетъ быть я съ нимъ не мѣстомъ разлученна,
 И знаема ему и отъ него презрѣнна.
 Онъ видя можетъ быть, что я ищу ево,
 Таится въ сихъ водахъ отъ взора моего;
 Иль будучи въ моей любви неувѣренъ,
 Испытывать меня скрываши шамъ намѣренъ.----
 Пойду ево узрѣть, пойду на берегъ къ водамъ:
 Я вижу новой свѣтъ и ново небо тамъ.
 Другое какъ и здѣсь свѣтило тамъ блещаетъ,
 И видится тамъ лѣсъ, другой произрастаетъ;
 Но въ низѣ обращены вершины тамъ древесъ,
 И кажется должны пасть въ бездну сихъ небесъ.
 Въ густыя тѣлѣ лѣса я взоры простираю,
 Смотрю на горы я и по странамъ взираю,
 Вездѣ ищу ево въ семъ свѣтѣ и въ другомъ,
 Но ахъ! любезнѣй зракъ не видимъ и по томъ.
 Движенѣе нѣкое, движенье не извѣстно,
 Величъ мнѣ, зракъ драгой, тебѣ искать всемѣстно.
 Пойду еще искать, пойду; но ахъ! куда?
 Иль видѣть мнѣ тебѣ не можно никогда? ----
 Колеблется его пещера онымъ гласомъ.
 Изводитъ вопль ево, изъ нѣдрѣ воды симъ часомъ!
 Я вижу зракъ ево! и вижу я не сонъ;
 Веселье зресть меня въ лицѣ являетъ онъ.
 Не для меня ль вода сей образъ производитъ?
 Хочу ево обнять: но онъ изъ рукъ уходитъ;**
 Ахъ! онъ изъ моего обѣяшія бѣжитъ.
 Остановись на часъ, о! ты прелестной видъ,
 И не лишай меня сладчайшей сей отрады;
 Мое присудствіе не дѣлаетъ досады.

Онъ спалъ! --- я зрю ево въ воспоргѣ красоны,
 Разсматриваю въ немъ пріятныя черты,
 Боюсь, что уйдетъ въ лѣса онъ иль за горы.
 Но ахъ! вспрѣчаются ево сѣ моими взоры!
 Онъ смотритъ на меня прилѣжно какъ и я:
 Конечно прогаетъ ево краса моя.
 Когда смѣюся я, смѣется онъ пожже;
 Я сѣ мѣста тронуся, начнетъ онъ дѣлать тоже;
 Я знаю мысль ево хоть онъ не говоритъ:
 Но ахъ! молчаніе ево меня томитъ.
 Пріятноши сїи быти должны ли суровы?
 Мои успа тебя облобызать готовы,
 О! прелюбезной зракъ, но ты бѣжишь опять;
 Какъ только я тебя намѣрюсь лишь обнять.
 Исполненъ холодомъ во мнѣ раждаешь пламень,
 Ты пропивъ нѣжности ожесточенъ какъ камень;
 Приди комнѣ, вѣщай, не бѣгай отъ меня,
 И бойся быти ошмѣнъ презрѣніе мнѣ чиня - - -
 Но не спрашится онъ и словъ моихъ не внемлетъ;
 Я руку подняла, и руку онъ подъемлетъ;
 Когда я на него суровой ескину взгляду:
 И на меня ево глаза свирѣпо зрятъ.
 Когда престану быти я въ образѣ жестокомъ:
 Онъ такъже на меня кромчайшимъ смотрить окомъ;
 Онъ все то дѣлаетъ, что я ему ведю - - -
 Ахъ! --- кто любовникъ мой? --- я тѣнь свою люблю!
 Не вѣдомая мнѣ завѣса вдругъ открылась,
 Что я не знаючи сама, въ себя влюбилась.
 Другой предметъ любви конечно долженъ быти,
 Котораго могу взаимно я любить.
 Я звать его хочу, но гдѣ найти не знаю;
 Къ которому пойду сего пространства краю?
 Но вотъ его слѣды, они покажутъ мнѣ,
 Въ которой отъ меня онъ кроется странѣ.
 Здѣсь сорванъ имѣ цветокъ и индѣ постановленъ:
 Знашь онъ мнѣ отъ него въ подарокъ приготовленъ.

Прекрасныя мѣста мнѣ скучны безъ нево,
Хочу, ищу и жду приведенія его;
Но тѣмъ я болѣе благополучна буду,
Коль ищешь онъ меня, какъ я его повсюду.

— — — — —

ПРОДОЛЖЕНИЕ О ИСТОЧНИКѢ СТРАСТЕЙ.

О ДРУЖБѢ.

Естьли мы дружимся, то имѣемъ въ томъ на-
добность. Дружба безъ нужды, была бы дѣй-
ствіе безъ причины. Не одинакѣя всѣ имѣютъ
нужды; и дружба съдѣственno, между людьми,
отъ различныхъ причинъ имѣетъ основаніе. Од-
инъ имѣютъ надобность въ забавахъ или въ ко-
рысни, (а) другие въ повѣренности, инымъ по-
нребны совѣты, а прощимъ нужно упѣшеніе
въ горестяхъ: изъ сего слѣдуешъ, что находящи-
ся

(а) Трудятся иѣкоторые и поднесъ въ шолкованіи
одинъ послѣ другова, чѣо не должно счишать меж-
ду друзьями тѣхъ, которыхъ корыстна дружба
основана только на прибыли. Сей родъ дружбы и
въ самомъ дѣлѣ не весьма лестенъ; однако же не мо-
жешъ изключишиь изъ дружбы. Не справедливо оп-
ридаюши имя дружбы въ семъ родѣ чувствованія.
Никто не любитъ насъ для насъ единственно, но
всегда для какой ни будь причины; и корысть не
меньше бываетъ нужна какъ другя пользы друже-
ства. Человѣкъ, которому мы ошмѣнио вѣрлемся,

ся друзья для забавъ, для корысти, для повѣренности, для разума и для нещастія. Ничто такъ не полезно какъ разсуждать о дружбѣ подъ симъ образомъ, и имѣшь о ней чистое понятіе.

Изъ дружбы, такъ какъ изъ любви дѣлаютъчастно романической приключенія; ищутъ для того повсюду героя; думаютъ, что всегда найди его можно; находяшь друга при первой встрѣчѣ и

лю-

котораго душа, разумъ и свойство производить въ насъ къ нему глубочайшее почтение, когда здѣлаешься вдругъ слѣпъ, глухъ и нѣмъ: мы сожалѣемъ потерять въ немъ прежняго нашего друга, почитаемъ еще въ немъ его образъ; но въ самомъ дѣлѣ мы его не любимъ болѣ, по тому что онъсталъ не тѣмъ человѣкъ, котораго мы любили. По таковомъ изслѣдований, не можно утверждать истинною, что человѣкъ алчной къ корысти, не можетъ имѣть въ дружбѣ нѣжности противъ того, кто дѣлаешь удовольствие его корыстолюбію. Единственно наше пущеславіе принуждаетъ насъ отрицать имя дружбы, въ дружбѣ корыстной. Я соглашаюсь на то, что конечно дружба бываетъ важнѣе и продолжительнѣе между людьми добродѣтельными: однако и самые бездѣльники нечужды оной. Если дружба не оспоримо есть чувствованіе соединяюще двухъ человѣкъ: то не право опровергающъ сю достовѣрностъ тѣ, кто думаютъ, что нѣтъ дружбы между злыми. Можно ли сумнѣваться, на примѣрѣ, что два бунтовщика могутъ быть соединены усерднѣйшею дружбою? Окнавий не былъ конечно добродѣльной человѣкъ, и любилъ Медената, которой пооказательствамъ имѣлъ слабую душу. Сила дружбы не измѣряется честнотою двухъ друзей, но взаимною пользою ихъ соединяющею.

любяще его тогда, когда еще знать начинаюшь, или когда еще имѣюшь любопытство о немъ увѣдашь. Какъ скоро любопытство удовольствовано: то отъ него отвращаются, и не находятъ въ немъ Героя своего романа. Такимъ образомъ дѣлаются причастными удовольствія, но неспособными къ дружбѣ; а чтобъ пользоваться истинною дружбою, надобно понимать ея въ истинномъ образѣ.

Починая дружбу взаимною нуждою, я нахожу заблужденіемъ не признаваться въ ономъ, что весьма трудно найти двухъ человѣкъ, кои бы чрезъ долгое время равною нуждою, и слѣдственno равною дружбою были соединены не прерывно. Для того ничто такъ не рѣдко, какъ долговременныя дружбы. (б)

Но хотя чувствованіе дружбы гораздо продолжительнѣе, нежели чувствованіе любви; однако имѣетъ свое начало, свое приращеніе и свой конецъ. Кому сіе известно, то по крайней мѣре

С

ней

(б) Не надобно полагать прямую дружбою, обыкновенныхъ союзовъ, ни почтенія, которое имѣютъ во откровенной дружбѣ; сіе почищается должностю чести: и должностъ таковой щастлива и полезна для общества, которая дѣлаешь насъ не престанно во обхожденіи съ шѣми, коихъ мы называемъ своими друзьями. Они бы здѣлались прямыми друзьями за услуги, если бы были принуждены чрезъ нихъ къ живѣйшему чувствованію; но безъ нужды ихъ присущіе намъ не надобно, и для того они не любимы.

ней мѣрѣ не превращаешь дружбу въ ненависть, и не бываетъ подверженъ таковой перемѣнѣ, чтобъ ненавидѣть то, что прежде онъ любилъ. Если другъ ему измѣнилъ: онъ не бываетъ напротивъ злобенъ; но вздыхая о слабости естества человѣческаго, скажетъ съ сожалѣніемъ: знать мой другъ не имѣшь болѣ во мнѣ нужды.

Довольно трудно приобрѣсть чистыя понятіи о дружбѣ. Все, что наскѣ окружаетъ, болѣ удобно въ семъ случаѣ наскѣ обманывать. Между людьми находятся такія, кои чтобъ здѣлать себя почтеннѣе въ собственныхъ своихъ глазахъ, представляютъ сами себѣ съ увеличеніемъ для друзей свои чувствованія; дѣлаютъ дружбѣ романическое описание, и увѣряютъ себя въ точности этого до тѣхъ порѣ, какъ случай выведетъ изъ заблужденія ихъ и друзей ихъ, и откроетъ имъ, что они не такъ любили, какъ думали..

Такового рода люди хотятъ обыкновенно имѣть нужду любить, и быть любимы съ великою горячностью. И по тому что не прельщаются добродѣтельми человѣка никогда такъ какъ въ первой разъ когда его видятъ; что привычка дѣлаетъ наскѣ нечувствительными къ красотѣ, къ разуму и такъ же къ душевнымъ качествамъ; и что для наскѣ удовольствіе удивленія пріятнѣе всѣхъ послѣдующихъ удовольствій: одинъ разумной человѣкъ весьма шуточно говоривалъ, что пѣ люди, кои хотятъ быть люби-

любимы съ горячностью (в) должны, въ дружбѣ какъ и въ любви, имѣть много перемѣнъ и нималѣйшей страсти ; по тому что первыя минуты въ томъ и въ другомъ родѣ, суть минуты самой горячности и самой нѣжности.

Таковой человѣкъ, которой самъ для себя бываетъ обманщикомъ, находитъ друзей обыкновенно пришврныхъ, кои стараются показать въ себѣ нѣжность чувствованій еще не испытанныхъ, и признаются въ томъ никогда ихъ не имѣя. Они изображаютъ дружбу живѣйшимъ цвѣтомъ, однако ложнымъ. Единственно свою наблюдая пользу, они хотятъ принудить другихъ быть въ ихъ удовольствіе ихъ послѣдователями. (г)

С 2

Въ

(в) Дружба не бываетъ, какъ думаютъ нѣкоторыя, вѣчнымъ чувствованіемъ горячности ; по тому что люди не дѣлаютъ ничего непрерывно. Между нѣжнѣйшими друзьями бываютъ минуты холдности : дружба следственіо есть непрестанная перемѣна чувствованій, или горячности или холдности ; но холдность бываетъ весьма рѣдка.

(г) Можетъ быть надобно прежде имѣть способности къ дружбѣ, чтобы осмѣлившись сказать о ней чистое мнѣніе. Сие однако дословѣрно, что восстанутъ прошывъ него лицемѣры дружбы. Люди сего рода должны почитаться такъ какъ хвастуны, кои рассказываютъ всегда дѣла свои. Пусть тѣ, кои называются способными къ чувствованію дружбы, читаютъ Токваря и Лукіана ; пусть они сами себя спросятъ, удобны ли они къ таковымъ дѣйствіямъ, какія произ-

Въ ономъ заблуждении весьма не удобно по-
лучить чистыя понятія о дружбѣ. Но ешьли
скажешь кто, какое худо въ томъ чтобъ уве-
личивать силу сего чувствованія; худо, оп-
вѣтствую, приучать людей къ требованію отъ
друзей шаковаго совершенства каковаго наше есте-
ство не имѣетъ.

Есть безчисленное множество людей съ при-
роды чувствительныхъ, кои прельщены симъ
ложнымъ изображеніемъ, и на конецъ хотя
вышли изъ заблуждения чрезъ опыты, но упо-
млены гнавшись непрестанно за воображаемымъ
совершенствомъ, отврашились отъ дружества,
къ которому они были бы свойственны, есть-
ли бы не вкоренили въ себя о немъ романиче-
скаго понятія.

Дружба предполагаетъ нужду, и чѣмъ ну-
жда болѣ, тѣмъ сильнѣе дружба; нужда слѣд-
ственно есть мѣра чувствованія. Когда человѣкъ

и

водила дружба у Скиевъ и Грековъ: ешьли они бу-
дущъ въ томъ чистосердечны, то конечно откроютъ-
ся, что въ семъ вѣкѣ не имѣютъ нижѣ понятія о
дружбѣ сего рода. По тому у Скиевъ и Грековъ друже-
ба была почитаема въ числѣ добродѣтелей. Скиевъ
не могъ имѣть болѣ двухъ друзей; но чтобъ вспомо-
ществовать имъ, онъ имѣлъ право все предприни-
мать. Подъ именемъ дружбы, была тогда отъ ча-
сти любовь къ почести, которая ихъ сверхъ того
возбуждала; а единственно дружба не была бы такъ
сколька.

и жицца избавяйся отъ попопленія на морѣ и будуть обитать двое только въ пустомъ островѣ: когда шамъ не имѣя надежды видѣнъ свое отечество, принуждены будуть ссужать другъ друга взаимною помошью, дабы спаси-ся отъ снѣденія дикими и яростными звѣрьми, дабы соблюсти жизнь и не погибнуть въ отчаянїи: сѣ дословѣро, что никакая дружба не можетъ быть такъ усердна какъ дружба сихъ двухъ людей, кои можетъ быть были бы гу-сны одинъ другому, еспѣли бы вмѣстѣ въ Парижѣ. Ешьли одинъ изъ нихъ погибнетъ, другой конечно половину самого себя потеряетъ, и никакое нещастье не равно будетъ не-щастію онаго человѣка.

Ешьли же сила дружбы бываетъ всегда по мѣрѣ нашихъ нуждъ: слѣдственno образы прав-ленія, нравы, сосѣднія и времена благоприят-ствуютъ дружбѣ иногда болѣ, иногда менѣ.

Во времена рыцарства, бирали себѣ храбрыхъ товарищев; два рыцаря дѣлали общую славу, и погибель одного споила другому жизни и чести; по чему будучи чрезъ свою собственную пользу болѣ осторожны въ выборѣ друзей, усер-днѣя другъ къ другу прилагались.

И когда обычай поединковъ заступилъ мѣсто рыцарства: люди, кои повседневно подвергались купно смерти, конечно долженствовали быть одинъ другому дороги. Тогда дружба была въ великомъ почтенїи и числилась между добродѣ-тельми; она требовала по крайней мѣрѣ отъ

поединщиковъ и рыцарей много смѣлости и
швердности. Сю добродѣтель тогодѣ почипали
много ; она и долженствовала быть въ великомъ
поченіи , потому что была почти всегда упо-
требляема.

Доказательно сїе примѣрами , что одинакѣ
добродѣтели въ разныя времена имѣють различ-
ные цѣнны , такъ какъ не равную пользу они при-
носятъ въ каждомъ вѣкѣ.

Кто усумнится , что во время нещастій ,
паденій и въ правленіи возмущеннемъ мяшежами
дружба бываетъ сильнае и отважнае , нежели
въ шининѣ и покоѣ ? Исторія представляетъ
намъ въ семъ родѣ тысячу примѣровъ Героиче-
скихъ . Тогда дружба рождаетъ въ человѣкѣ
смѣлость , скромность , непоколебимость , благо-
разуміе и отважность . Всѣ сїи качества , кои
непремѣнно нужны во время смяшенія , и кои
рѣдко бывающы совокуплены въ одномъ человѣ-
кѣ , должны дѣлать его конечно надобнымъ для
друзей его .

Естьли въ нынѣшихъ нравахъ мы не требу-
емъ таковыхъ качествъ (д) отъ нашихъ друз-
ей

(д) къ семъ вѣкѣ дружба не требуетъ почти никако-
ваго достоинства . Множество людей нарекаютъ
истинными друзьями для того чтобы значить что
ни будь въ свѣтѣ . Однѣ дѣлаются наятыми проси-
щелми о чужихъ дѣлахъ чтобы избѣгнуть пѣмъ отъ
скуки не имѣя никаковаго дѣла ; другія оказывають у-

зей: то происходит оттого, что сии качества намъ не нужны, и что мы не имѣемъ болѣ ни важныхъ тайнъ для вѣренія, ни сраженій, въ коихъ бы жертвовать своею жизнью; и оттого следствено, что нѣть надобности ни въ осторожности, ни въ проницаніи, ни въ скромности, ни въ отважности для друзей своихъ.

Въ нынѣшнемъ образѣ нашего состоянія люди не соединены никакою общую пользою. Для щастія меныше имѣютъ нужды въ друзьяхъ нежели въ милостивцахъ. Отворяя входы во всѣ дому сласти любіе, кое называютъ разумомъ общества, лишило многое число людей нужды въ дружелюбіи. Нѣть причины и нѣть корыстнаго удобной здѣлать нынѣ сносными для насъ пороки истинныя, или такъ нами почитаемыя, друзей нашихъ. Нѣть болѣ дружбы; не присоединяющъ болѣ къ имени друга шего понятія, которое люди имѣли прежде. Можно въ сіе время сказать съ Аристопомъ: (e) *O! мои друзья, нѣтъ болѣ друзей на спѣтѣ!*

С 4

По

слуги, дѣлал ихъ для одолженныхъ ими цѣною скучи и цѣною потерянія ихъ вольности; а нѣкоторыя думаютъ, что они достойны дружбы потому, что будутъ вѣрныя хранили повѣренности, и что они имѣютъ добродѣтель крѣпкаго сундука.

(e) Всякой повторяешь за Аристопомъ, что нѣть друга, и всякой особенно утверждаешь, что онъ хороший другъ. Чтобы согласить два предложения только

По чёму, когда есть въки, нравы и образы правленія, въ коихъ имѣютъ болѣ и менѣ нужды въ друзьяхъ, и когда сила дружбы умѣривается всегда количествомъ надобности: то находится такъ же состояніи, въ кошорыхъ сердце опровергается удобнѣе къ дружбѣ. Состояніи таковыя обыкновенно бывающіе тамъ, гдѣ имѣютъ чаше нужду въ помоши отъ другихъ.

Нещастныя вообще бывающіе нѣжнѣйшія друзья. Соединены сообщеніемъ нещастій, они ушибаются, оплакивая горести друзей своихъ, имѣя удовольствіе дѣлать ихъ чувствительными къ себѣ взаимно.

Что я говорю о состояніяхъ, то говорю и о свойствахъ. Есть люди, кои не могутъ обойтись безъ друзей. Одни имѣютъ сїи слабыя и робкія свойства, кои во всѣхъ своихъ поступкахъ, утверждаютъ помошью и совѣтами другихъ: а иные имѣютъ угрюмые, строгія и самовольныя свойства; они усердныя друзья для тѣхъ, коимъ они не сносны и подобны одной изъ

прописусловныя, надобно чтобъ въ дружбѣ было много лицемѣровъ, и много такихъ людей, кои сами себя не знаютъ. Сїи послѣдція, какъ я то уже сказаъ, вознегодуютъ прописъ нѣкоторыхъ предложе-
ній главы сея. Я буду имѣть прописъ себя ихъ го-
лоса, но въ защищеніе себя къ ихъ нещастію,
опыты.

изъ Сократовыхъ женъ , копорая услыша о смерти сего великаго человѣка , плакала и терзалась болѣ нежели другая ; для шого что та будучи кроткаго и прѣятнаго нрава потеряла въ Сократѣ единственно мужа , но первая лишилась въ немъ мужа и мученика своихъ прихотей , которой одинъ только въ свѣтѣ могъ имѣть терпѣніе сносить онай .

Находятся люди , кои чужды всякаго честолюбія , всѣхъ сильныхъ спрастей , и кои находяще ущшеніе въ сообщеніи съ разумными людьми . Въ нынѣщихъ нравахъ , люди сего рода , естьли они добродѣтельны , бывають нѣжнѣйшія и постоянныя друзья . Ихъ душа отверстая всегда къ дружбѣ знаеть всю приятность онай . И какъ не имѣютъ они , по моему мнѣнію , никакой спрастии , могущей равняться въ нихъ сему чувствованію , то и дружба бываєтъ ихъ единственою нуждою . Они для того способны къ чистѣйшей и отважнѣйшей дружбѣ , хотя не къ таковой , какую имѣли Греки и Скиѳы .

Въ пропивномъ случаѣ , обыкновенно бывають тѣмъ менѣе причастны дружеству , чѣмъ болѣ люди одинъ отъ другова независимы ; и по тому богатыя и властныя люди бывають вообще мало къ дружбѣ чувствительны ; они почитаются обыкновенно жестокосердыми . Въ самомъ дѣлѣ , или для того , что люди бывають естественно суровы всякой разъ , когда они могутъ быть за шо безъ казни ; или для того , что богатыя и властныя смотрятъ на бѣдность другихъ такъ какъ на укореніе ихъ щастья ; или для того , что

они хотѧши отъ себя докучливыя прошенія нещастливыхъ: сїе доспѣвѣро, что они почти всегда съ бѣдными худо поступаютъ. (ж) Видѣ нещастливаго производишъ съ большей частью людей дѣйствіе головы Медузиной; когда они на него взглянутъ, то ихъ сердца дѣлаются каменными.

Есть еще люди безпристрастныя къ дружбѣ; и сїи суть тѣ, кои довольны сами собою. (з) привыкши искать и находить щастіе въ себѣ, и будучи въ проптчемъ столько невинны, чтобъ вкушать еще удовольствіе быть чисто-сердечными, они не могутъ соблюсти щастливаго незнанія злобы человѣческой; и такъ они быва-

(ж) Малѣйший проступокъ бѣднаго, есть довольная причина, для отказу въ помощи. Хотѣши, чтобы нещастливые были совершенны.

(з) Мало находящихся людей въ таковомъ родѣ; и сие могущество, чтобъ довольну быть самимъ собою, кое называютъ свойствомъ божества и въ немъ почитаютъ оное, полагающъ всегда въ число пороковъ. Такимъ образомъ, хулящи подъ однимъ именемъ то, чему удивляются подъ другимъ. Много разъ, подъ именемъ нечувствительности, порицали въ фонштадель магдебургскому могуществу, которое онъ имѣлъ, бывъ довольнымъ самъ собою, то есть, бывъ благоразумнѣйшимъ и щастливѣйшимъ человѣкомъ.

Если вельмжою Мадагаскарскія воюютъ со всѣми тѣми изъ своихъ сосѣдей, которыхъ войска ихъ многочисленнѣе, итвердаша всегда сии слова: тѣ

бывають мало чувствительны къ приятности сего чувствованія, не для того чтобъ они не могли имѣть его. Часто бываетъ, говорила одна разумная женщина, что мы находимъ меныше людей не чутствительныхъ, нежели пышедшихъ изъ заблужденія.

Изъ

наши непрѣятели, кои богатѣе насѣ и щастливе: можно вѣриТЬ по ихъ примѣру, что большая часть людей, имѣЮЩІЕ такъ же брань съ благоразумнымъ человѣкомъ. Они ненавидятъ въ немъ умѣренности и права, которая равнял ихъ желанія съ ихъ полученіями, дѣлаешь имъ укореніе въ ихъ поступкахъ, и дѣлаешь мудраго отъ нихъ независима. Независимость свою почишаютъ они съменемъ всѣхъ пороковъ; ибо они чувствуютъ, что въ нихъ источникъ человѣко-любія можетъ изсякнуть такъ скоро, какъ не будутъ они имѣть нуждъ взаимныхъ. Мудрыя весьма различны отъ тѣхъ людей, кои честны для того, что они прослы, и которыхъ добродѣтели уменьшаются по мѣрѣ, какъ ихъ разумъ бываетъ просьщеніе; мудрой же можетъ быть постоянно честенъ, ибо онъ входитъ въ состояніи людей. Ихъ злоба его не раздражаетъ; онъ не находишь въ нихъ какъ демокритъ, лураковъ или младенцевъ, на коихъ сердитъся ему смѣшно казалось, и кои, говорилъ онъ, болѣ достойны сожалѣнія нежели досады. Мудрой смотрѣшь на нихъ такимъ окомъ, какимъ Механистъ примѣчаетъ игру машины. Не обвиняя человѣчества, оплакиваетъ ихъ природу, которая опредѣляетъ соблюдающіе одному бытию разрушениемъ другаго, которая повелѣваетъ яспребу для пищи терзать синицу, и синицѣ пожирать несѣкомуыхъ, погубляя все, одно чрезъ другое,

Изъ того , что я говорилъ, слѣдуетъ, что сила дружбы всегда умѣриается нуждами , кои люди имѣютъ одинъ до другова ; (и) и нужды премѣняются по различію вѣковъ , нравовъ , образовъ правленія , состояній и съйствій . Но есть ли скажутъ , что дружба хотя предполагаетъ всегда нужду , однако по крайней мѣрѣ не тѣлесную ; что другъ есть свойственникъ по нашему выбору ; что желають имѣть друга для того , дабы такъ сказать , жить въ немъ , дабы соединить свою душу съ ево душою и наслаждаться сообщеніемъ , коярое повѣренность дѣлаетъ

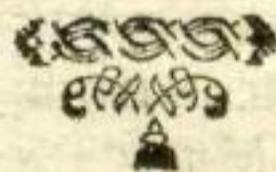
Есть ли законы бывающіе судьи царства ; мудрой , въ разсужденіи ономъ уподобляющіеся законамъ . Его равнодушіе всегда праведно и всегда безпристрастно ; оно должно быть почитаемо величайшею добродѣтелью въ людяхъ , въ такомъ случаѣ , когда чрезвычайная нужда друга , требуетъ отъ насъ какой ни будь цесправедливости .

Мудрой одинъ можетъ быть великодушенъ , потому что онъ не зависимъ . Тѣ , кои утверждаютъ союзы одною взаимною пользою , не могутъ быть щедры для всѣхъ ; равнымъ образомъ дружба дѣляетъ обмѣну , а равнодушіе благодѣтельствуетъ безвозвратно .

(и) Ешьлибъ мы любили друга для него самого : то не думали бы какъ только о его благосостояніи ; не упрекали бы ему , что онъ долго нась не видитъ , или къ намъ не пишетъ , но сказали бы : видно что , онъ наслаждаешся болѣшею приятношью , и мы радуемся его щасшю .

лаешь всегда пр ятнымъ ; и что сїя страсть не основана ни на страхѣ неудовольствій , ни на любви удовольствій тѣлесныхъ : я буду отвѣтствовавъ : еспѣли намъ любезна пр ятность сообщенія съ другомъ , то любезна для того , что служиша ко удовольствію нашему говорить съ нимъ о себѣ . Еспѣли фортуна возвышаетъ насъ на степени чести : мы совѣтуемъ съ нимъ о средстvахъ , какъ приумножить свое богатство , свою честь , свою повѣренность и свою славу , еспѣли мы въ бѣдности , изыскиваемъ вмѣстѣ съ другомъ способы , чтобъ избѣгнуть отъ нищеты , и его разговоръ , по крайней мѣрѣ избавляетъ насъ отъ скуки , бывающей въ горести чрезъ равнодушное сообщеніе . Обыкновенно о своемъ нещастии , или о своемъ благополучїи говорятъ съ другомъ . Слѣдственno , еспѣли нѣть иныхъ удовольствій , какъ я доказалъ прежде , кромѣ удовольствій и не удовольствій тѣлесныхъ : еспѣли средства приобрѣтать удовольствіи , суть удовольствіи надежды предполагающей бытность точныхъ удовольствій , кои не иное что , такъ сказать , какъ слѣдствіе первыхъ : потому доказательно , что дружба , также какъ склонность , гордость , честолюбіе и другія страсти , есть безпосредственное дѣйство тѣлеснаго чувствованія .

ПЕРЕВОДЪ.

ПИСЬМО,

Въ которомъ доказывается, что не умѣренное уединеніе и неумѣренное сообщество, равно для человѣка предны.

государь мой.

Не соглашаются многїя въ выборѣ, которыя жизнь похвальне. Нѣкоторыя даюшь сное преимущество уединенной жизни; но большая часть людей ее порочатъ, и доказываютъ, что уединеніе всего болѣе удобно ввергнуть насъ въ задумчивость, могущую скоряе произвестъ въ насъ ненависть ко свѣту, нежели изхода пайствованія намъ сладкое спокойство. И сїе достовѣрно, что уединеніе влечетъ за собою нечувствительныя опасности, которыя тѣмъ болѣе вредъ приносятъ, что мы не можемъ прежде ихъ примѣнить, какъ въ то время, когда уже лишаемся способности возвращиць въ прежнее состояніе. Грубость нрава возрастаетъ мало по малу нечувствительнымъ образомъ, когда мы отъ людей удаляемся и трудно на послѣдокъ перемѣнить оную. Много потребно преодолѣнія и спаранія изтребить привычку къ задумчивости, когда она усиливается, и бываетъ единственнымъ удовольствіемъ убѣгающаго отъ свѣта и нуж-

нуждою ему въ его уединенїи. Въ свѣтѣ обыкновенно люди заняты или сами собою или другими; на противѣ въ уединенїи, человѣкъ не можетъ быть колеблемъ посторонними обѣектами, но только что одно его трогаешъ, что собственно до него принадлежишъ. Такимъ образомъ сиѣ мало по малу привыкаешь о себѣ одномъ непрестанно мыслить, какъ будто онъ одинъ только достоинъ его вниманія. Отъ того происходитъ, что добрѣши, основанныя на сей нуждѣ, чтобъ приобрѣтать общее благо, въ такихъ ослабѣваютъ; и хотя случай или скуча возвращаетъ ихъ иногда паки къ людямъ: однако закоренѣлые ихъ мысли, кошорыя можетъ произвестъ уединенїе, въ нихъ навсегда останутся. Одинъ древній писатель весьма справедливо сказалъ, что *ничто такъ жизни губитъ не можетъ, какъ уединенїе.*

Есть ли мы должны изыскивать все то, что можетъ здѣлать насъ лупчими: слѣдственно не должны препятствовать нашему изысканїю въ уединенїи себя заточая. Въ немъ мы не можемъ имѣть той пользы, кошорую сообщенїе съ честными людьми производитъ. Можно уподобить разумъ драгоцѣнному камню, кошорой не можетъ быть ограненъ иначе какъ другимъ таковыимъ же камнемъ; и нашъ разумъ не можетъ получить нѣкоторыхъ просвѣщенїй иначе какъ посредствомъ другихъ разумовъ, коихъ лучи заимствованы такъ же отъ блиспанія себѣ подобныхъ. Разговоры Сократовы, здѣлали великимъ Платона; а Греція должна ученіямъ Платоновыимъ за Аристотеля. Какъ бы ни была пре-

прекрасна и остроумна Философія Дескартова; но была бы еще можетъ быть совершенѣе, естьли бы Дескартъ меныше самъ себѣ вѣрялся, по возвращенїи своемъ въ Голландію. Самой великой разумъ, лишенный въ уединенїи способовъ получаемыхъ нами отъ сообщенїя съ людьми, не находя отъ чего бѣ онъ могъ увѣдать и научиться, и не находя ни въ чемъ себѣ ни отъ кого противорѣчія, легко можетъ быть ослѣпленъ лестнымъ удовольствіемъ, во всемъ себѣ вѣрить и на себѣ одномъ утверждаться; легко можетъ привыкнуть, починать свои мышлѣи не поколебимою истинною, хотя они и несправедливы. Быть лишенну сообщенїя съ добродѣтельными и разумными людьми, не меныше для сердца какъ и для разума опасно. Добротельнѣйший человѣкъ въ уединенїи, не имѣя мѣста распространить своихъ добродѣтелей, ни обѣщковъ влекущихъ его къ благодѣяніямъ, отъемлетъ у людей ту пользу, которую бы они имѣли его присудствиемъ. Одинъ лишающійся въ немъ вѣрнаго друга, другой теряющій покровителя, прешій предстатель и защитника, иной беспристраснаго совѣтника, убѣдныхъ и сирыхъ отъемляющій помощникъ и у всего общества гражданинъ благоразумной. Напослѣдокъ человѣколюбіе ему будетъ не знаемо, потому что онъ никогда людей не видитъ; милосердіе имѣ спанеть забенно, потому что никто къ сожалѣнїю его привлекашъ не будетъ; любовь изгонитъ снѣ изъ сердца, потому что не возбудишъ его никто оную чувствовашъ; и слѣдственno мало не доспавать ему будетъ, чтобъ со всѣмъ уподобиться безсловеснымъ и дикимъ животи-

животнымъ; каковыя примѣры, во удаленныхъ отъ свѣта, часто видимы бывающы. Самой чистѣйшій разумъ можетъ развратиться и заблуждать въ уединенїи; и простѣйшій невѣжда можетъ навыкнуть, понимать о самыхъ высо-чайшихъ вещахъ, находясь между людьми, и будучи понуждаемъ различными въ свѣтѣ об-стоятельствами, размышлять о многомъ. Мы почти вседневно видимъ, что люди одаренные великимъ разумомъ и преисполненные знаніемъ, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, имѣютъ нужду совѣто-вать, и принимать отъ другихъ наставлений; но уединенные лишаются сего прибѣжища; если же они и могутъ имѣть его: то по большей части, получаютъ отъ него помощь тогда, когда уже она не бываетъ потребна. Когда человѣкъ впадаетъ въ спасиѣ, и еще не вѣ-сѣ порабощенъ своему побужденію влекущему его во оную: онъ имѣетъ не болѣ времени, испра-вляться помощью другихъ, какъ только до тѣхъ поръ, пока страсть имъ не обладаетъ; а при началѣ медленность, во оправданіи его отъ онай, производитъ обыкновенно сїе опасное слѣдствїе, что на конецъ всѣ сопротивленіи будутъ бесполезны.

Вредъ уединенїя можно доказать, не толь-ко по тому, что оно предосудительно въ тѣхъ людяхъ, кои когда нибудь жили въ свѣтѣ, и свѣтѣ оставили: но предосудительно оно и въ тѣхъ, кои всегда живущи въ уединенїи. Раз-смотримъ различныя людей состоянія: во всѣхъ равно найдется уединенїе гибелю: во дворян-сивѣ, въ крестьянствѣ и въ пропачихъ звані-ахъ

яхъ. Примѣчено съ достовѣрношю, что оно перемѣняетъ нравъ достойнѣихъ людей, порушъ блескъ остроумія и ожесточаетъ сердце и разумъ.

Если мы представимъ себѣ молодаго дворянина, рожденаго и воспитанаго въ деревнѣ въ его домѣ, и если сравнимъ его съ другимъ, который жилъ въ городѣ и обращался въ хорошемъ сообществѣ: увидимъ явную пользу въ сообщеніи человѣческомъ могущемъ снабдить насъ таковыми качествами, кои безъ того были бы намъ чужды. Безобразна намъ кажется дикость деревенскаго дворянина, которой не знаетъ иного блаженства въ свѣтѣ, какъ только пить, ъсть, спать иѣздить за охотою. Онъ походиша на пѣхъ дикихъ Американцевъ, кои здѣлали для многихъ Философовъ сомнѣніе. Больше ли можно найти различія между людьми и иими, нежели между иими и скотами. Ему пріятность, учтивость, и благосклонность не знаемы, и все, что производишъ съ добродѣтели, ему не свѣдомо; слѣдователно не имѣетъ онъ ни какой склонности для тѣхъ, коимъ можетъ случиться нещастіе, вступить съ нимъ въ какое ни есть дѣло. Онъ холоденъ къ своимъ родственникамъ, свирѣпъ къ своимъ подчиненнымъ и грубъ съ своими сосѣдами. Сабаки и зайцы болѣзь занимаютъ его мысли, нежели полза общества и благосостояніе его отечества. будучи равно бесполезенъ Государству и обществу, онъ живетъ скотскимъ образомъ, и умираетъ незнающи, что онъ имѣлъ душу способную къ понятію о вещахъ гораздо высочай-

точайшихъ предъ тѣми , въ коихъ онъ упражнялся и кои ему наиважнѣйшими казались.

Такъ же и крестьянинъ , которой живетъ въ лѣсахъ или въ горахъ , удаленъ отъ города упражняясь не пристранно въ пастырь спада , или употребленъ къ другой подобной должностіи лишенющей его сообщенія съ другими крестьянами , бывающіи ихъ диче и несмысленнѣе . Мало по малу онъ начнетъ уподобляться скотамъ его окружающимъ , ибо мысли его не имѣютъ кромѣ ихъ никакова обѣкта . Чѣмъ меныше человѣкъ имѣетъ разума и знанія , тѣмъ опаснее для него одному себѣ ввѣряться . Въ сообществѣ недостатки и погрѣшности однихъ , могутъ быть награждены и исправлены благоразумiemъ другихъ людей ; и тошь , кто не получилъ отъ природы довольно способнаго духа , достичь до возможныхъ границъ познанія , единственно своимъ понятіемъ , долженъ быть предводительствуемъ , научаемъ и просвѣщаемъ другими . Мало найдется людей , которыя бы просвѣщеніе по большой части заимствовали отъ наукъ ; но такихъ довольно , которые знаніемъ своимъ оныемъ не должны , и которые здѣлались мудрыми единственно чрезъ то просвѣщеніе , кое получили они отъ сообщества съ разумными людьми . Чего можно ожидать отъ человѣка , кто бы онъ рожденіемъ ни былъ , дворянинъ или крестьянинъ , естьли онъ не могъ никогда быть наставленъ , и естьли онъ слѣдовалъ всегда своимъ склонностямъ , почтая ихъ единственнымъ уставомъ добра и правды ? не можно по справедливости и требовать отъ него болѣ

болѣ, какъ мы видимъ во всѣхъ ему подобныхъ. Еспѣли человѣкъ лишенъ сообщества честныхъ людей, и еспѣли онъ пороченъ, дикъ и золъ: не должно видя его удивляться, когда не удивляемся мы робкому зайцу, прожорливому волку и свирѣпому тигру; ибо таковые люди и скопы одинакому слѣдующи ихъ побужденію.

Охуждая уединеніе, не имѣю я намѣренія хулишь тѣхъ, кои живутъ въ прѣятной отдаленности, мало видяще людей, но попечительно соблюдающи ненарушимость сообщенія съ нѣкоторымъ числомъ добродѣтельныхъ друзей, которыхъ единодушно составляетъ ихъ начальное благополучіе. Тѣхъ, кои живутъ въ уединеніи съ пользою, почитаю я споль благоразсудными, сколь другое мнѣ кажутся предосудительны.

Должно находить путь, которой не развращая сердца, ведеть къ истинѣ, которой посредствуетъ между уединеніемъ и суевію свѣтскою, и безъ которой жизнь человѣческая показается слабостью, скучою, беспокойствомъ и огорченіемъ.

Сообщество не менѣе вредно склонностямъ нѣкоторыхъ, какъ уединеніе опасно для другихъ; и учащеніе первого, имѣетъ такъ же не благопристойности, которыхъ трудно избѣгнуть. Пороки тѣхъ, съ коими мы привыкли жить, обыкновенно нами извиняемы; и вѣтъ ничего погибельнѣе для сердца и для разума, какъ жадное сообщество. Оно поршишь ихъ и обезбранишь,

браживаемъ: у первого отъемлетъ чувствованіе, другаго лишаетъ справедливости и разсужденія. Одинъ мудрой Философъ просилъ баговъ, съ большими желаніемъ, чтобъ онъ былъ незнаемъ злыми, нежели знаемъ добрыми. Доказательно сїе, что добрыя и яносныя дѣла, имѣющъ свое начало по большей части отъ свойства тѣхъ, съ коими человѣкъ обращается. Болѣзни душевные скорѣе пристаютъ къ намъ, нежели болѣзни тѣлесныя. Еспѣли кто хочетъ поступать благоразумно: должно убѣгать сообщенія ворочныхъ людей, съ такою же предосторожностью, какъ присудствія тѣхъ, кои носятъ съ собою заразительныя нѣмощи. Сего не довольно ко избѣжанію отъ тѣхъ людей, которыхъ мы признаемъ злыми; надобно сверхъ того быть осмотрѣнну, чтобъ не входить въ сообщеніе и съ тѣми, коихъ добродѣтели намъ неизвѣстны. Обхожденіе съ тѣми, кои скрываютъ хитро свои пороки и которыхъ злодѣйства имѣющъ видъ добродѣтели, болѣе пагубно, нежели сообщеніе съ такими, коихъ негодныя свойства намъ известны. Отъ тѣхъ мы скоро отвращаемся, которыхъ пороки явны, потому что они возбуждаютъ въ насъ къ себѣ противность и презрѣніе, что служитъ намъ лѣкарствомъ, отъ нихъ избавиться; но пороки скрываемые не могутъ произвестъ въ насъ отвращенія; а еспѣли они и откроются, и еспѣли мы ихъ и примѣшимъ: намъ они покажутся прощительною слабостью, привязанною къ человѣчеству, такъ что представится намъ варварствомъ, еспѣли мы винить ихъ спасти. Какъ скоро пороки ихъ спашутъ нами терпимы: то же

часъ мы начинаемъ быть ихъ участники; ихъ корни разпрострются по томъ въ сердцѣ не чувствительнымъ образомъ. Взрослая часъ отъ часу, когда они придутъ къ такому совершенству, чѣмъ должно было намъ устыдиться, тогда привыкнемъ мы употреблять ихъ забавою. На послѣдокъ, не только не хотимъ отстать отъ нихъ, но еще болѣ ими прельщаемся; и хотя мы на всякой день дѣлаемся хуже: однако швердо въ себѣ уѣбрены, что мы ни мало не нарушаємъ добродѣтели.

Дорантъ воспитанный между людьми добродѣтельными, не зналъ коварства, ни злословія ни ненакиши; нравъ его былъ такъ же крѣпокъ, какъ разумъ безпристрастенъ. Онъ попалъ въ сообщество людей, коихъ свойства были ему противны; но кой имѣли принимать на себя видъ его добродѣтелей. Дорантъ не примѣчаетъ того, что онъ него скрывать старающійся; полагающійся на достоинства сихъ людей, ихъ слушаетъ, имъ слѣдуешь, и на конецъ привыкаешь ихъ любить. Они же примѣчаютъ, и начинаютъ меныше пришвояти. Они злословятъ: Дорантъ почитаетъ слова ихъ смѣхомъ и шуткою. Они ласкаютъ въ глаза пѣмъ самыми людемъ, которыхъ честь заочно поносятъ: Дорантъ подлую лесть и лукакое притворство почитаетъ нужною въ себѣ политикою. Они стараются всѣми способами обезславить людей, коимъ подали они причину на себя жаловаться: Дорантъ извиняетъ злобную ненависть, нужною предоспорожностью къ защищенію себя отъ неприятелей. Мало помалу онъ приучается къ поро-

порокамъ, которые бы ему показались непрости-
тельны, если бы онъ увидѣлъ ихъ въ то вре-
мя, когда его сердце еще не было испорчено.
Онъ дѣлаешьъ больше: начинаешьъ злословить, не
примѣчая того самъ въ себѣ; притворяешься, и
не видишьъ своего коварства; даешьъ въ себѣ мѣ-
сто ненависти, не думая, что онъ ненавидитъ;
дѣлаешься вскорѣ подобенъ своимъ товарищамъ,
и думаешьъ однако, что древнія его добродѣтели
ни мало не утратились. Весь свѣтъ лизится,
вида въ немъ перемѣну, которой онъ одинъ
примѣтишь не можешьъ; и тѣмъ болѣжъ жалокъ,
что не понимаешь, колико онъ презришель,
подобаясь больному, коего болѣзнь, заключенная въ
жилахъ, повреждаетъ всю кровь въ человѣкѣ,
прежде нежели онъ ее почувствуешь и мыслить
о врачеваніи.

Древнія Критяне думали, что не можно же-
лать ничего, шагостище для своихъ злодѣевъ,
какъ принудить ихъ жить вмѣстѣ съ злыми.
Они были увѣрены, что суждали ихъ изъ сей
жизни въ другую, терпѣль доспойная казни за
величайшія преступленія. мнѣ кажется, что
Критяне въ семъ случаѣ справедливѣ Платона,
которой почиталъ нуждою имѣть сообщеніе съ
злыми, чѣобъ научиться чрезъ то познавать ихъ
свойства и не впадать въ таковые же пороки.
Не опасно лѣ ввергаться въ то, что мы хопимъ
знать для того, чѣобъ не употреблять? Былъ
ли Платонъ увѣренъ, что всѣ разумные люди,
коимъ онъ совѣтовалъ сообщающіе съ злыми,
довольно добродѣтельны, довольно тверды, до-
вольно собою обладающі, довольно себя блющи-

умѣють, довольно посѣоянны имѣя во омерзѣнїи пороки, ешьли они будутъ жить съ такими людьми, кои искусны здѣлать ихъ меныше отвратительными, и кои умѣютъ дашь имъ приятности, удобныя прельстить самое добродѣтельнѣйшее и посѣояннѣйшее сердце.

Сколько видали, и сколько видимъ еще по вседневно пагубныхъ примѣровъ, доказывающихъ вредъ стремленія, которое имѣютъ люди къ сообщенію съ тѣми, кои ушаивають величайшия пороки подъ внѣшностью добродѣтели. Не о тѣхъ я людяхъ говорю, которыхъ пороки дѣлають всѣмъ отвращеніе, и съ коими сообщество вредъ приноситъ; кто честенъ, тошь ихъ презираетъ и знаетъ, что ихъ слова и дѣла равнозадоносны. Не о тѣхъ злыихъ конечно и Платонъ говорилъ, когда онъ хочетъ, чтобы научились познавать ихъ; ибо другихъ мало времени надобно разсмотрѣть, для того, чтобы не навидѣть; и такъ же легко почувствовать ихъ злое свойство, какъ природно отъ него отвращаешься. Но Греческой Философѣ разумѣеть чрезъ злыѣ, которыхъ свойства познавать совѣтуетъ, тѣхъ людей, кои притворствуютъ предъ цѣльымъ обществомъ, кои стараются украсить самыя гнуснѣйшія дѣла цвѣпами добродѣтели, кои ее прославляютъ и дѣлаютъ способомъ дающимъ приятной видъ злодѣяніямъ. Я доказательно нахожу, какъ о томъ Платонъ ни говорилъ, что всякое сообщеніе съ таковыми людьми опасно, и еще болѣе пагубно нежели самое не умѣренное уединеніе.

Я бы желалъ здѣлать не нарушимымъ уставомъ, для общей всѣхъ пользы, чтобы убѣгать

обществѣ не только съ тѣми, кои признаны злыми, но и съ тѣми, коихъ вѣ томъ подозрѣваютъ, или о коихъ сумнѣваются. Желалъ бы я такъ же, естѣли бы то было возможно, чтобы всѣ жили и обращались между такими, которыя вѣ свѣтѣ приобрѣли имя честныхъ людей и показали опыты вѣ добрѣтели, будучи ихъ и вашъ усердный доброжелатель. ***

МІЧЕНІЕ ЛЮБВИ ПРЕЗРѢННОЙ.

Младенецъ, коего не зная уничтожаютъ,

И коего узнавъ, виняютъ и обожаютъ

Подвластные ему,

Подвергнуль и меня уставу своему.

Онъ божескою власпью

Велѣлъ, чтобы я любилъ;

Я слушать не хотя ему послушенъ былъ,

И не холя любить я чувствовалъ къ нещаспью,

Что я уже любилъ.

Съ тѣхъ порѣ какъ я мою свободу погубилъ,

Онъ муча плѣнной духъ, моей играетъ спрастпю.

Вотще испытывалъ я сердце уберечь,

Вотще испытывалъ я Бога пренебречь:

Досада малая младенца прогнѣвляетъ,

Пренебреженія не терпитъ онъ,

Меня онъ потчасъ оставляетъ.

Я минѣ, что я любовь изгналъ изъ сѣрдца вонъ,

Но сердце, ахъ! мое уноситъ Купидонъ,

Оставя мѣки мнѣ и стонъ.

Я сердце и свободу трачу,

Мо двоякомъ а теперъ уронѣ плачу,

Приди опять комъ, О! ты, предестный боръ,
 Колико ты ни спроубъ,
 Ябъ спрогоспью твоей теперь скучашь не могъ;
 Минута безъ тебя длиннѧе минишся года,
 И вѣкомъ кажепися мнѣ часъ,
 Твоя жестокость мнѣ пріятъя сто разъ,
 И легче нежели свободъ.

***

ДВѢ ОДЫ.

I.

на красоту.

Краса насъ щастїя на самой верхъ возноситъ;
 Небесной люди даръ имѣютъ красоту.
 О! жизньъ, когда мы сонъ, продли сю мечту,
 Продли, О! сладкой сонъ, пока насъ смерть не скоситъ
 И насладимся дай приятношими ее,
 Пока не обратитъ ихъ смерть въ небытие.

***

Иль только понимать свое нещастие ясно,
 Всешилры небеса насъ въ свѣтъ произвели,
 И упѣшенья иѣтъ для смертныхъ на землѣ?
 Не представлайся мнѣ то мнѣнїе ужасно:
 Краса изпослана ко облегченью бѣдъ,
 Любовь, упѣшивъ насъ, сошествуетъ ей въ слѣдъ.

***

Прелестна красота сердаца людей плѣняетъ,
 Влагаетъ въ оныя прияшнѣйшую страсть,
 И самая любовь приемлетъ ею власъ,
 Отъ неї суровость въ насъ и грубость изчезаетъ;
 И естьли чувствуетъ блаженныне часы:
 То ихъ заимствуемъ конечно сиѣ красы.

ПРО-

II

противъ красоты,

на шѣже риѳмы.

Tщетно прелестъ сеѧть возноситъ,
Тщетно славить красоту,
Въ ней мы видимъ лишь мечту;
Смерть еੱе иль старость скоситъ.
Время прелести ее,
Обращающъ въ небытие.

Eсли мы разсмотримъ ясно,
Что краса произвѣли:
Узримъ бѣднаго земля, —
Разореніе ужасно;
Узримъ пысяти мы бѣдъ,
Гдѣ еੱе увидимъ слѣдъ.

Xоль краса сердцѣ плѣняетъ,
И влагаетъ въ оны страсть;
Но перяетъ скоро власть,
Такъ какъ скоро изчезаетъ;
Придутъ скучныя часы,
Какъ минуются красы.

МАДРИГАЛЫ.

I.

Природа всѣ красы въ тебѣ соединя,
Произвела тебя на свѣтѣ не сравненну;
Но что бы чувствовать птицъ достоинствъ цѣну,
И обожаніе тебя; произвела меня.

II.

Чтобъ щастливымъ намъ быть,
И здѣлать безконечно
Ныданіе сердечно:

Я буду жить за тѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить,
А ты люби меня за тѣмъ, чтобъ могъ я жить.

III.

Ктобъ ни былъ ты таковъ, и гдѣ ты ни живи,
Не убѣжинь любви.

Уставу общему ты долженъ быть причастенъ,
Для всѣхъ такой законъ уставилъ Богъ сердецъ;
Ты есть теперь, иль былъ, иль будешь на конецъ
Ему подвластенъ.

ЕПИГРАММЫ.

I.

Игрушки свойственны во время первыхъ лѣтъ,
Когда нашъ вѣкъ цвѣтетъ, тогда любить, прилично
Разсудокъ въ возрастѣ приходитъ къ намъ обычно,
А въ старость свойственей раскаянія жѣтъ.

Дово-

II.

Доволенъ жизнью я мою ;

А утверждашъ въ ней мое блаженство то :
Когда често я не имѣю ,
Я по счишаю занично .

III.

Разумныя дѣла себѣ ты спавиши въ смѣхѣ ,
И говоришь , что ты умнае въ свѣтѣ многихъ :
Неспорю я съ тобой , умнае ты и всѣхъ ,
Да винъ не всѣхъ людей , а всѣхъ чепивероногихъ .

IV.

Повсюду браненъ я тобою ,

А ты хвалимъ по всюду мною :

А только общее нещастье наше то ,
Всегда тебѣ и мнѣ не вѣришъ вѣромъ никто .

СТИХИ НА ОСЕНЬ .

къ женщинамъ

Прекрасной иѣкто полѣ веснѣ уподобляетъ :
Но естества дары намъ осень представляетъ ,
Дая съ щедротою сокровище свое ;
Такъ лутче было бы сравненіе сїе ,
Коль были бѣ красоты похожи на несъ .

РАЗЛУКА
АНАКРЕОНТОВЫМИ СТИХАМИ.

На чѣо въ поляхъ ни взглянешь ;
Со мною ты въ разлукѣ ,
Ты всѣмъ меня вспомянешь
Любезная пастушка.

Тебѣ покажешъ упрѣ
Тоски моей начало ;
И днемъ когда сѣшилъ
Лучъ огненный ниспуститъ ,
Ты чувствуя жаръ въ полдни
Представъ, что жаръ сугубой ,
Я чувствую влюблена .
Не сонцемъ я сгараю ,
Любовь рождаешъ пламень
Въ моемъ плѣненномъ сердцѣ ;
Любовью я сгараю ,
Любя Кларису страшно .

Тебѣ представимъ вѣчеръ ,
Какъ послѣ пастивы спадо
Пойдетъ назадъ къ покою ,
Что въ самое тожъ время
Спраданьемъ утомленный ,
Я въ снѣ ишу покою ,
Хощь нѣтъ его со мною ;
Я тѣ слѣды цѣлую ,
Гдѣ шествовали ноги
Драгой моей пастушки .

Роса тебѣ представимъ ,
Мон въ разлукѣ слѣзы .
Когда услышишь хоры

Поюшихъ сладко птичекъ ;
 Предешавъ себѣ Клариса ,
 Что тѣ поющи птички
 Оттуда прилетѣли ,
 Гдѣ я сѣ тѣбой въ разлукѣ
 Грущу и вздыхаю .
 Они моихъ мученій
 Свидѣтеллями были ,
 И жалобы нещастны
 Они мои внимали .
 Теперь во оныхъ пѣсняхъ ,
 Мой голосъ повторяю ,
 Мои слова вѣщаю ,
 Что я люблю Кларису ,
 И вмѣстѣ ощащаю
 Они со мною горесть ,
 Оплакивая вмѣстѣ
 Мую нещастную долю .

Когда Зефиръ повѣстѣ ,
 Его дыханье слыши ,
 Клариса , ты воспомни
 Что я , какъ онъ вздыхаю ;
 Но онъ безмѣрио щастливъ ;
 Онъ дуя прохладаетъ ,
 Твои красы прелѣстны ,
 И лѣгкостью своею
 Всѣмъ прелестямъ касаясь ;
 Тебя цалуешь нѣжно ,
 Всегда благополученъ ;
 А я его нещастнѣй ,
 Вздыхаю отдаленно
 Вѣрный его и спрастнѣй .
 Другую онъ цалуешь ,

И на другую дуешъ
 Какъ скоро оплучишся ,
 И сердце всеминущно
 Имѣетъ онъ не вѣрно ;
 Но я не премѣняюъ
 Съ тобою и въ разлукѣ ,
 Люблю тебя безмѣрно .

ПИСЬМО КЪ ОБЩЕСТВУ ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

БЛАГОСКЛОННЫЯ ЧИТАТЕЛИ !

По многимъ не отвратимымъ препятствіямъ и въ пѣрвыхъ потому, что къ издали, такъ и тѣ, кои подписались братъ нашъ журналъ, изъ Москвы разѣхались, отъ сего Іюня мѣсяца, непинное упражненїе, болѣ продолжатся не будетъ. Естьли оно, любезные читатели, приносило вамъ удовольствіе: мы радуемся успѣхамъ нашего намѣренія, но болѣ сожалѣемъ, что да-лѣ полугода трудами нашими жершововать вамъ не можемъ; и съ чувствительною прискорбно-стью лишаемся собственнаго своего упѣшенія, которое мы заимствовали отъ вашего удовольствія. Напослѣдокъ ожидаемъ, что вы входите въ состоянїи вашихъ доброжелателей, безъ укоренія будете насть извинять благоразсудно.

Усердныя вамъ слуги. * * *

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Персидская повесть	243	Одружб	-	страницы
Ода	255	Письмо	-	271
Аллегорія	263	Разныя стихотворства	-	286
Миддлій	267	Письмо къ обществу	-	302
				304